ОХРАНА
КРЕСТЬЯНСКАГО ЗЕМЛЕВЛАДѢНІЯ

И

НЕОБХОДИМЫЯ ЗАКОНОДАТЕЛЬНЫЯ РЕФОРМЫ.

Л. З. СЛОНИМСКАГО.

Докладъ, читанный въ гражданскомъ отдѣленіи юридическаго общества при Императорскомъ С.-Петербургскомъ университетѣ, въ засѣданіяхъ 15 марта и 5 апрѣля 1891 года.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
Типографія М. М. Стасюлевича, В. О., 5 л., 28.
1891.

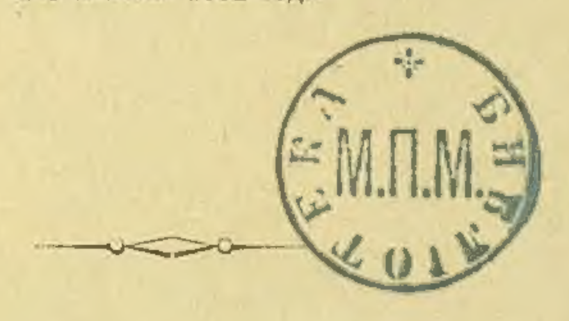
ОХРАНА
КРЕСТЬЯНСКАГО ЗЕМЛЕВЛАДѢНІЯ

и

НЕОБХОДИМЫЯ ЗАКОНОДАТЕЛЬНЫЯ РЕФОРМЫ.

Л. З. СЛОНИМСКАГО.

Докладъ, читанный въ гражданскомъ отдѣленіи юридическаго общества при императорскомъ С.-Петербургскомъ университетѣ, въ засѣданіяхъ 15 марта и 5 апрѣля 1891 года.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
Типографія М. М. Стасюлевича, В. О., 5 л., 28.
1891.

Печатано по распоряженію Юридическаго Общества при Императорскомъ С.-Петербургскомъ Университетѣ.

ОХРАНА КРЕСТЬЯНСКАГО ЗЕМЛЕВЛАДѢНІЯ

И

НЕОБХОДИМЫЯ ЗАКОНОДАТЕЛЬНЫЯ РЕФОРМЫ.

I.

Недостатокъ единства въ существующихъ законахъ о крестьянахъ.—Разнообразіе и сложность постановленій. — Переходный, временный характеръ многихъ правилъ и преобладаніе въ нихъ фискальной точки зрѣнія. — Внутреннія противорѣчія въ законахъ объ общинномъ владѣніи и общей собственности. — Право выдѣла и продажи участковъ.—Положеніе четвертныхъ владѣльцевъ.—Крестьянскіе дворы; хозяйственныя права домохозяевъ относительно своихъ семействъ и отвѣтственность передъ сельскимъ обществомъ.—Три различные взгляда по этому предмету.

Дѣйствующее у насъ законодательство о крестьянахъ, при всѣхъ своихъ великихъ достоинствахъ, отличается многими важными недостатками, которые выступаютъ все рѣзче и сильнѣе по мѣрѣ того, какъ мы удаляемся отъ великаго историческаго момента крестьянской реформы.

Прежде всего, оно поражаетъ количествомъ постановленій, массою и сложностью ихъ; въ нашемъ „Приложеніи“ къ IX-му тому могъ бы свободно умѣститься цѣлый гражданскій кодексъ, съ мотивами и комментаріями. Въ этой массѣ законовъ, изданныхъ спеціально для крестьянъ, замѣчается пестрое разнообразіе: сельскіе обыватели разбиты на группы крестьянъ разныхъ наименованій, и для каждой группы установлены особыя

правила, хотя условія земледѣльческаго быта болѣе или менѣе однородны для всего крестьянскаго населенія Россіи. Дѣленіе крестьянъ на государственныхъ, удѣльныхъ, бывшихъ помѣщичьихъ, горнозаводскихъ, однодворцевъ и др., имѣло практическую важность въ моментъ совершенія реформы; но въ настоящее время эти различія все болѣе стираются и поддерживаются лишь искусственно, безъ особенной надобности и пользы. Говоря о различныхъ разрядахъ крестьянъ, законодатель вынужденъ или повторять одни и тѣ-же правила, съ нѣкоторыми отступленіями и варіантами, или вводить противорѣчія, не оправдываемыя потребностями жизни. Отсюда та запутанность законодательства, которая постоянно вызываетъ необходимость дополнительныхъ постановленій, поправокъ и разъясненій; число этихъ разъяснительныхъ и дополнительныхъ законовъ непрерывно возрастаетъ, и основной недостатокъ крестьянскихъ положеній—отсутствіе единства—даетъ себя чувствовать все съ большею настоятельностью.

Въ настоящее время нѣтъ уже основанія проводить какую-то пограничную черту между бывшими помѣщичьими и бывшими государственными крестьянами; и тѣ и другіе принадлежатъ къ тому же общему классу свободныхъ сельскихъ обывателей, крестьянъ-собственниковъ. Съ тѣхъ поръ какъ начала выкупной операціи примѣнены и къ государственнымъ крестьянамъ, исчезли даже тѣ фискальные мотивы, которые заставляли отдѣлять владѣльческихъ крестьянъ отъ казенныхъ. За исключеніемъ только правилъ, регулирующихъ выкупъ земель и переходъ крестьянъ въ новое положеніе крестьянъ-собственниковъ,—правилъ, имѣющихъ по существу своему временный характеръ, — вся остальная масса постановленій не требовала вовсе спеціализаціи по разнымъ категоріямъ крестьянства и могла бы легко составить нѣчто цѣлое, одинаково примѣнимое ко всему земледѣльческому населенію.

Въ связи съ этимъ главнымъ недостаткомъ—пестрымъ составомъ, чрезмѣрнымъ разнообразіемъ законовъ о крестьянахъ,— обращаетъ на себя вниманіе и другая особенность положеній, вошедшихъ въ IX томъ: въ нихъ преобладаетъ элементъ преобразованія, перемѣны,—элементъ временнаго, переходнаго состоянія, какъ это и понятно при осуществленіи столь круп-

ной и широкой реформы, захватывающей самыя основы народнаго и общественнаго быта. Законодатель наиболѣе заботился объ обезпеченіи правильнаго хода освобожденія, о цѣлесообразномъ надѣленіи крестьянъ землею, объ установленіи надежныхъ мѣръ для обезпеченія интересовъ казны въ дѣлѣ выкупной операціи; законодатель всецѣло занятъ былъ великою задачею—вывести крестьянство на новый путь свободной жизни, облегчить народу первые его самостоятельные шаги и подготовить превращеніе бывшихъ крѣпостныхъ въ крестьянъ-собственниковъ, съ возможно меньшимъ ущербомъ для помѣщиковъ. Устройство этого постепеннаго перехода отъ прежнихъ условій къ новымъ составляетъ главное содержаніе и цѣль положеній 19-го февраля; законъ имѣлъ въ виду осуществленіе реформы, но не опредѣленіе того постояннаго порядка, который долженъ установиться послѣ того какъ реформа уже осуществилась. Отсюда временный, условный характеръ многихъ постановленій; законъ назначалъ извѣстные сроки, въ теченіи которыхъ должны были дѣйствовать создаваемыя правила, а дальнѣйшее положеніе крестьянства оставлялось безъ точныхъ указаній или подчинялось дѣйствію такъ-называемыхъ общихъ законовъ.

Но общіе гражданскіе законы приспособлены къ старому помѣщичьему, крѣпостному быту; они ничего не опредѣляютъ и не предусматриваютъ относительно новаго многомилліоннаго класса свободныхъ сельскихъ обывателей, который былъ призванъ къ жизни позднѣе. А что земледѣльческое населеніе имѣетъ свои особыя хозяйственныя черты и потребности, и что къ этимъ особымъ условіямъ и потребностямъ непримѣнимы законы, изданные для дворянства или купечества, — въ этомъ не можетъ быть никакого сомнѣнія. Достаточно вспомнить, что даже въ такомъ всесословномъ или вѣрнѣе безсословномъ гражданскомъ кодексѣ, какъ французскій, существуетъ не мало спеціальныхъ статей, касающихся хозяйственныхъ отношеній и интересовъ сельскихъ арендаторовъ и половниковъ. Такихъ спеціальныхъ статей, вызываемыхъ особенностями мелкаго крестьянскаго землевладѣнія, не было и не могло быть въ нашихъ общихъ законахъ, пока само крестьянство составляло еще собственность помѣщиковъ и казны. Поэтому и ссылка

на общіе законы ничего не объясняетъ, а только напоминаетъ о существующемъ въ нихъ пробѣлѣ, когда рѣчь идетъ о поземельныхъ отношеніяхъ крестьянства.

Эти поземельныя отношенія, прочное устройство которыхъ признавалось главнѣйшею задачею государства, регулируются въ положеніяхъ 19-го февраля преимущественно съ точки зрѣнія выкупной операціи; всякія охранительныя правила, имѣющія въ виду сберечь землю для крестьянства, неизмѣнно сопровождаются оговоркою: „до уплаты (или погашенія) выкупной ссуды". Извѣстныя гарантіи для крестьянскаго землевладѣнія установлены для помѣщичьихъ крестьянъ на первыя девять лѣтъ, для государственныхъ—на три года; и такія временныя постановленія, утратившія свою силу, фигурируютъ до сихъ поръ въ IX томѣ, въ весьма странномъ видѣ, въ формѣ, такъ-сказать, повѣствовательной, вовсе не свойственной законодателю. Такъ, напр., въ ст. 161 положенія о выкупѣ, мы читаемъ: „сельское общество до 1870 г. *не могло* отчуждать пріобрѣтенныхъ въ собственность земель". Очевидно, законъ, говорящій о томъ, чтò было, и не дающій никакой обязательной нормы для настоящаго, не есть законъ и не долженъ былъ бы вовсе имѣть мѣсто въ сводѣ; такіе странные законы явились результатомъ неудачныхъ редакціонныхъ передѣлокъ со стороны бывшаго II Отдѣленія Собственной Его Величества Канцеляріи, при новомъ изданіи IX тома въ 1876 году, и эти передѣлки вошли и въ позднѣйшее изланіе 1886 г. Законъ сталъ говорить иногда въ прошедшемъ времени, констатировать бывшіе факты, вмѣсто того, чтобы регулировать факты существующіе; такъ, въ статьѣ 131 общаго положенія разсказывается, что въ первыя 9 лѣтъ „*соблюдались*" такія-то правила; въ ст. 158 говорится, что „*было предоставлено*" право, и т. д.; въ положеніи о бывшихъ государственныхъ крестьянахъ въ статьѣ 5-й сообщается, что „*соблюдены*" такія-то правила, что „составъ существующихъ у государственныхъ крестьянъ волостей *не измѣнялся* безъ дѣйствительной надобности", что въ такихъ-то случаяхъ „*надлежало* произвести вновь выборы" и пр.; въ ст. 38-й законъ свидѣтельствуетъ даже, что „крестьяне имѣній, поступившихъ въ казенное вѣдомство изъ частнаго владѣнія, *сохранили* всѣ пре-

доставленныя имъ въ надѣлъ и состоявшія до 1866 г. въ ихъ пользованіи земли и угодья". Разумѣется само собою, что законъ не могъ заявлять о фактахъ, о томъ, что крестьяне сохранили все имъ слѣдуемое, что составъ волостей не измѣнялся, что соблюдались или соблюдены такія-то правила. Бывшее второе отдѣленіе не имѣло, конечно, основанія приписывать законодателю разсказы о совершившемся, взамѣнъ опредѣлительныхъ указаній должнаго; но эта ошибка вытекала изъ временнаго, срочнаго характера многихъ постановленій, которыя теперь утратили силу и ничѣмъ не замѣнены.

Такъ какъ съ крестьянскою реформою связана была весьма крупная и продолжительная финансовая операція—выкупная, требовавшая, повидимому, большихъ жертвъ со стороны государства и представлявшая нѣкоторый рискъ для казны, то законодательство невольно выдвигало на первый планъ фискальную точку зрѣнія въ постановленіяхъ о крестьянскомъ землевладѣніи; забота о погашеніи выкупной ссуды лежитъ въ основѣ главнѣйшихъ правилъ, нормирующихъ поземельныя права крестьянъ. Является какая-то двойственность въ мотивахъ и цѣляхъ закона; положенная въ основу реформы идея объ обезпеченіи поземельнаго быта крестьянъ иногда рѣшительно вытѣсняется другою идеею—объ обезпеченіи интересовъ казны на случай неисправнаго поступленія выкупныхъ платежей. Законодатель часто уступаетъ мѣсто фиску; вмѣсто общихъ опредѣленій крестьянскихъ поземельныхъ правъ устанавливаются лишь фискальныя гарантіи, по необходимости срочныя и временныя, въ зависимости отъ успѣшнаго хода выкупной операціи. Но теперь всѣ эти соображенія и заботы законодателя потеряли практическое значеніе; выкупная операція обошлась и обходится вполнѣ благополучно, безъ малѣйшаго риска или ущерба для казны, и потому преобладающая роль ея въ вопросахъ крестьянскаго поземельнаго права не имѣетъ уже прежняго raison d'être. Временныя и условныя постановленія, а тѣмъ болѣе такія, которыя внушены лишь одностороннимъ фискальнымъ интересомъ, должны уступить мѣсто постояннымъ и общимъ нормамъ; законы о поземельныхъ правахъ крестьянъ должны быть, наконецъ, приведены къ единству, не-

зависимо отъ тѣхъ историческихъ группъ, на которыя распадалось крестьянство при крѣпостномъ правѣ.

Кромѣ указанныхъ недостатковъ, — обилія и разнообразія постановленій, условнаго и временнаго характера ихъ, преобладанія во многихъ случаяхъ односторонней фискальной точки зрѣнія,—положенія о крестьянахъ имѣютъ еще одну слабую сторону, которая особенно заслуживаетъ вниманія: отсутствіе внѣшняго единства выражается въ рядѣ внутреннихъ противорѣчій и неясностей по самымъ основнымъ и существеннымъ вопросамъ крестьянскаго землевладѣнія. Таковы прежде всего противорѣчія и неясности по вопросу о поземельной общинѣ и объ отношеніяхъ ея къ правамъ отдѣльныхъ крестьянъ.

Законъ опредѣляетъ общинное владѣніе какъ „то обычное пользованіе, при которомъ земли, по приговору міра, передѣляются или распредѣляются между крестьянами — по душамъ, тягламъ или инымъ способомъ, а повинности, положенныя за землю, отбываются за круговою порукою“ (прим. къ ст. 113 Великор. пол.). „Когда земля выкуплена цѣлымъ сельскимъ обществомъ,—говорится въ положеніи о выкупѣ (ст. 169),— то она признается собственностью сельскаго общества, которое пользуется правомъ разверстки оной между своими членами. Какъ первоначальная разверстка земли, такъ и всякіе послѣдующіе передѣлы оной между крестьянами допускаются не иначе, какъ по приговору, утвержденному по крайней мѣрѣ двумя третями общаго числа всѣхъ крестьянъ, имѣющихъ право голоса на сходѣ“.

Въ этихъ указаніяхъ закона выдвинутъ на первый планъ одинъ внѣшній признакъ—передѣлъ земель; гдѣ это право передѣла ограничено или не примѣняется на практикѣ, гдѣ участки отдѣльныхъ крестьянъ сохраняютъ болѣе или менѣе постоянную величину, тамъ предполагается уже участковое владѣніе. Такой взглядъ былъ примѣненъ, напр., къ усадебной землѣ, которую сельскія общины продолжаютъ считать землею общественною, и въ случаѣ надобности включаютъ ее въ передѣлъ, вопреки всѣмъ предположеніямъ закона и его истолкователей.

Дѣло въ томъ, что законъ принялъ одинъ изъ типовъ общины за общую норму, а смѣшанные общинно-участковые порядки, дѣйствующіе въ разнообразныхъ комбинаціяхъ въ раз-

личныхъ мѣстахъ Россіи, отнесены къ типу подворнаго владѣнія, хотя въ нихъ несомнѣнно преобладаетъ элементъ общинный. Г. Кейсслеръ въ своемъ извѣстномъ трехтомномъ трудѣ доказываетъ даже, что у насъ все болѣе упрочивается особая форма поземельной общины, которую онъ называетъ „общиннымъ владѣніемъ по дворовому праву" — „Gemeindebesitz nach Hofrecht"; это — община съ участками пахатной земли постояннаго размѣра, соотвѣтственно денежному участію въ выкупѣ или пріобрѣтеніи земель; въ такихъ общинахъ бываютъ передѣлы и переверстки, по разнымъ хозяйственнымъ соображеніямъ, причемъ измѣняется только мѣстоположеніе участковъ, но не ихъ относительная величина. Общинныя права вполнѣ сохраняются относительно луговъ, выгоновъ и лѣса; остается также въ силѣ весьма важная обязанность общества обезпечивать землею или другими средствами новыхъ членовъ, не имѣющихъ своей доли надѣла, — для нихъ или прикупается земля у сосѣднихъ владѣльцевъ, или ихъ могутъ вознаграждать деньгами, такъ что наростающее поколѣніе всегда находитъ поддержку въ общинѣ [1]). Эти формы общиннаго владѣнія не только не предусмотрѣны закономъ, но прямо отрицаются имъ. Во многихъ мѣстностяхъ крестьяне, для лучшей обработки земли или по другимъ причинамъ, подѣлили землю на постоянные участки, на сроки, болѣе или менѣе продолжительные, или „на вѣчно", какъ выражаются приговоры сельскихъ сходовъ, съ сохраненіемъ общинныхъ правъ въ другихъ отношеніяхъ и особенно съ сохраненіемъ права новой переверстки въ будущемъ, безъ измѣненія величины участковъ; такой приговоръ о раздѣлѣ земель имѣетъ всѣ законные признаки перехода къ подворному владѣнію, и потому эти общины, сами того не зная, лишаются закономъ тѣхъ общинныхъ правъ, отъ которыхъ онѣ и не думали отказываться. Часто такія общины, формально перешедшія какъ-будто къ участковому владѣнію, возвращаются потомъ къ системѣ періодическихъ передѣловъ и сталкиваются съ неожиданными для нихъ легальными затрудненіями. Законъ запрещаетъ этимъ общинамъ возбуждать вопросы о передѣлахъ и переверст-

[1]) *Johannes von Keussler.* Zur Geschichte und Kritik des bäuerlichen Gemeindebesitzes in Russland, Th. I—III, St.-Pet., 1876—87.

кахъ, ибо въ статьяхъ 51 и 54 общаго положенія категорически сказано, что совершеніе подобныхъ актовъ предоставлено сельскимъ сходамъ только относительно мірской земли, а не подворно-участковой, кромѣ лишь тѣхъ случаевъ, когда участки остаются вакантными. Крестьяне не понимаютъ въ чемъ дѣло, когда ихъ приговоры оспариваются и отмѣняются начальствомъ; много интересныхъ фактовъ такого рода сообщается въ трудахъ земскихъ изслѣдователей [1]). Отрицательное отношеніе закона къ жизни есть въ данномъ случаѣ несомнѣнно результатъ односторонняго, ошибочнаго пониманія поземельной общины; ошибка была тѣмъ болѣе неизбѣжна, что до крестьянской реформы общинные порядки развивались прочно только у государственныхъ крестьянъ и не обращали на себя вниманія, пока крестьянство находилось подъ опекою и не имѣло самостоятельнаго значенія. Нынѣшняя поземельная община свободныхъ сельскихъ обывателей есть въ этомъ смыслѣ продуктъ новой русской жизни; о ней и не могло быть подробныхъ постановленій въ крестьянскихъ положеніяхъ 19 февраля. Но другихъ постановленій нѣтъ до сихъ поръ, и этотъ капитальный пробѣлъ не можетъ быть пополненъ никакими частными разъясненіями и поправками; тутъ нужна новая законодательная работа, для которой фактическій матеріалъ подготовленъ уже въ достаточномъ изобиліи.

Пока мы имѣемъ лишь двѣ-три статьи закона, дающія весьма недостаточное и одностороннее представленіе объ общинѣ. По смыслу этихъ статей, при общинномъ владѣніи, собственникомъ выкупленныхъ земель является сельское общество, и отдѣльные крестьяне имѣютъ право лишь на неопредѣленныя идеальныя доли, величина которыхъ измѣняется вмѣстѣ съ измѣненіемъ состава общины. Размѣры участковъ отдѣльныхъ хозяевъ зависятъ отъ состава ихъ семействъ и ихъ рабочихъ силъ, т.-е. отъ условій перемѣнчивыхъ, зависящихъ отъ естественнаго роста населенія. Въ весьма интересномъ рѣшеніи общаго собранія I, II и кассаціонныхъ департаментовъ правительствующаго сената, отъ 16-го марта 1887 г., по вопросу о томъ, принадлежитъ ли отдѣльнымъ членамъ общины право

---

[1]) См. интересную статью г. В. В. въ „Сѣв. Вѣстникѣ“, 1890, № 9.

распоряженія участками мірской земли, состоящими въ ихъ пользованіи, мы находимъ одно изъ наиболѣе точныхъ опредѣленій тѣхъ особенностей, которыя по закону отличаютъ общинное владѣніе отъ общей собственности, регулируемой въ X томѣ. При общинномъ владѣніи,—говоритъ сенатъ,—физическое лицо не можетъ указать ни на одну количественную часть имущества, которую имѣлъ бы въ исключительной своей власти; самое число членовъ общества, участвующихъ во владѣніи, не есть нѣчто постоянное, неизмѣнное, но измѣняется безпрерывно, извнутри и извнѣ, наростаетъ и уменьшается, и *каждому члену общины принадлежитъ только право владѣнія*. Но и послѣднее принадлежитъ ему въ тѣхъ лишь предѣлахъ, которые установлены обществомъ, міромъ; безъ его согласія никто изъ членовъ не можетъ уступить этого своего права участія въ общемъ владѣніи (ст. 35 общ. пол. и 164 пол. о вык.). Полнымъ хозяиномъ этой общественной, мірской земли является сельское общество; оно ею распоряжается". Поэтому общее собраніе нашло, что „передача членомъ общества своего надѣльнаго участка въ аренду, безъ вѣдома міра, постороннему лицу, несогласна съ свойствомъ общиннаго владѣнія, въ силу котораго распоряженіе принадлежитъ только обществу" [1]). Не трудно видѣть, въ какомъ смыслѣ общинное владѣніе названо въ этомъ рѣшеніи *особымъ видомъ* общаго владѣнія, опредѣляемаго въ ст. 543 I ч. X т.

Общинное землевладѣніе существенно отличается, очевидно, отъ права общей собственности, о которомъ говорится въ десятомъ томѣ (I ч. ст. 543—556): общая собственность принадлежитъ извѣстнымъ точно обозначеннымъ лицамъ, съ опредѣленными долями; собственники суть здѣсь отдѣльныя лица, тогда какъ общинныя земли принадлежатъ всему сельскому обществу, какъ юридическому лицу, которое обнимаетъ не только права членовъ общины въ данномъ составѣ, но и права и интересы будущихъ поколѣній крестьянства. Между тѣмъ, вслѣдствіе неясности основного взгляда на общинное землевладѣніе, оно нерѣдко самимъ закономъ смѣшивается съ правомъ

---

[1]) Сборникъ рѣшеній правит. сената по крестьянскимъ дѣламъ, изданный съ разрѣшенія г. министра юстиціи оберъ-прокуроромъ 2-го департ. *Н. Л. Горемыкинымъ*. Спб. 1889, стр. 413.

общей собственности, и одинъ терминъ замѣняется другимъ; такъ, въ статьѣ 164-й положенія о выкупѣ говорится о правѣ участія въ *общемъ* владѣніи; такъ же точно въ X томѣ, въ первомъ примѣчаніи къ статьѣ 555-ой, трактующей объ *общемъ* владѣніи, сказано, что „особыя правила о пользованіи и распоряженіи землею, состоящею въ *общемъ* владѣніи сельскихъ обывателей, изложены въ особомъ приложеніи къ законамъ о состояніяхъ". И такъ, съ одной стороны, общинное землевладѣніе предполагаетъ принадлежность земель самому обществу, съ правомъ пользованія для отдѣльныхъ членовъ, а съ другой, оно отождествляется какъ будто съ общею собственностью опредѣленныхъ лицъ, имѣющихъ право распоряжаться своими долями, право раздѣла и выдѣла.

Но, колеблясь между двумя совершенно различными точками зрѣнія, законъ отступаетъ отъ обѣихъ и противорѣчитъ одинаково принципамъ общественной и общей собственности. Въ положеніяхъ о крестьянахъ можно найти одинаково убѣдительныя подтвержденія двухъ діаметрально противоположныхъ взглядовъ на общину, и ни одинъ изъ этихъ взглядовъ не проводится съ должною послѣдовательностью. По ст. 130 общаго положенія, „для увольненія крестьянина изъ общества нужно, чтобы онъ навсегда отказался отъ участія въ мірскомъ надѣлѣ и сдалъ участокъ, состоявшій въ его пользованіи"; здѣсь законъ смотритъ на мірскую землю какъ на собственность всего общества и не признаетъ за отдѣльнымъ крестьяниномъ самостоятельныхъ правъ на какую-либо долю этой земли, при выходѣ его изъ общества. Крестьянинъ долженъ просто сдать свой участокъ, безъ всякаго вознагражденія, ибо поземельныя права его зависятъ всецѣло отъ принадлежности его къ составу данной общины; разъ онъ выходитъ изъ общины, теряется и его участіе въ мірскомъ надѣлѣ. А между тѣмъ, другія статьи тѣхъ же положеній узаконяютъ прямо противоположное начало, заимствованное уже изъ постановленій объ общей, а не общественной, собственности: и любопытно, что въ этихъ статьяхъ употребляется даже терминъ: „общая собственность", хотя рѣчь идетъ несомнѣнно объ общинномъ землевладѣніи. Законъ постановляетъ, что „право на участіе въ общемъ владѣніи пріобрѣтенною обществомъ землею каждый

отдѣльный крестьянинъ можетъ уступить постороннему лицу не иначе какъ съ согласія міра" (ст. 164 полож. о выкупѣ). Подъ пріобрѣтенною обществомъ землею разумѣется здѣсь надѣлъ, пріобрѣтенный крестьянами при помощи выкупной операціи, какъ это видно изъ прямого смысла сосѣднихъ статей, говорящихъ о выкупной ссудѣ; впослѣдствіи было разъяснено, что это правило распространяется и на сдачу участковъ въ аренду. Такимъ образомъ крестьянинъ, желающій выйти изъ сельскаго общества, можетъ и не терять своего участія въ надѣлѣ и не сдавать своего участка безвозмездно; онъ можетъ уступить, т.-е. продать свое право не только односельцу, но и „постороннему лицу", если только получитъ на это формальное согласіе сельскаго общества,—согласіе, котораго всегда можно добиться, если покупатель человѣкъ надежный въ денежномъ отношеніи. Выходитъ странное противорѣчіе: по одному закону крестьянинъ при общинномъ землевладѣніи не можетъ располагать надѣломъ, „состоящимъ въ его пользованіи", и обязанъ сдать его обществу, при выходѣ изъ него, а по другому закону тотъ же крестьянинъ имѣетъ уже право уступить свою долю участія въ постороннія руки, съ согласія общества. Но въ какой формѣ можетъ быть совершена эта передача или продажа надѣловъ? На практикѣ мы видимъ, что такіе акты совершаются у нотаріусовъ въ видѣ обыкновенныхъ купчихъ крѣпостей, причемъ требуется лишь представленіе сельскаго приговора о согласіи міра на продажу.

Не можетъ быть никакого сомнѣнія въ томъ, что подобная купля-продажа крестьянскихъ участковъ, косвенно допускаемая закономъ, совершенно несовмѣстима съ тѣмъ опредѣленіемъ общины, которое даетъ самъ законъ, ибо доли отдѣльныхъ крестьянъ въ мірской землѣ не имѣютъ постояннаго размѣра и могутъ измѣниться при передѣлѣ, такъ что самъ предметъ сдѣлки не составляетъ опредѣленной величины и не поддается точной оцѣнкѣ. Если же считать, что право общества на данный участокъ уничтожается согласіемъ міра на уступку его въ постороннія руки, то каждый актъ продажи будетъ частичнымъ разрушеніемъ общины, отрицаніемъ ея. Но едва ли законъ задавался такою цѣлью, постановляя изложенное правило; законъ сдѣлалъ просто выводъ изъ прин-

ципа общей собственности, предполагая, что этотъ принципъ совпадаетъ съ сущностью общиннаго землевладѣнія. Ошибка видна уже изъ выраженія, употребленнаго въ разбираемой статьѣ,—„участіе въ общемъ владѣніи“; при общемъ владѣніи дѣйствительно признается право каждаго участника отчуждать свою долю, и право на участіе въ такомъ общемъ владѣніи землею дѣйствительно не можетъ быть передаваемо иначе какъ по формальнымъ купчимъ крѣпостямъ, такъ что нападки на нотаріусовъ за совершеніе этихъ актовъ едва ли вполнѣ основательны.

По разъясненію сената, при этихъ переходахъ участковъ въ постороннія руки уступается лишь принадлежащее крестьянину право на участіе въ общемъ владѣніи землею, но не право собственности на надѣлъ, состоящій въ его пользованіи по разверсткѣ общества [1]); но право на участіе въ общемъ владѣніи означаетъ все-таки реальное право на землю, и передача такого права отдѣльнымъ членомъ общины въ постороннія руки, хотя бы съ согласія міра, противорѣчитъ все-таки тому признанному закономъ началу, что право собственности на мірскія земли принадлежитъ всему обществу, а отдѣльные крестьяне имѣютъ только право пользованія. Можно было бы допустить, что уступка права, о которомъ говоритъ законъ, относится лишь къ праву пользованія; но тогда въ какомъ размѣрѣ можетъ быть уступаемо это право, если размѣръ зависитъ отъ количества душъ, числящихся за даннымъ дворомъ, и если общество можетъ во всякое время совершить передѣлъ земель, согласно измѣнившимся обстоятельствамъ?

Намъ кажется, что законъ, говоря о передачѣ права на надѣлъ, предположилъ какъ бы однородность общиннаго владѣнія съ общею собственностью; это же ошибочное предположеніе лежитъ въ основѣ статей, допускающихъ выдѣлъ общинныхъ земель по желанію отдѣльныхъ крестьянъ, внесшихъ выкупную ссуду сполна. Но въ этихъ случаяхъ законъ устранилъ нѣкоторыя существенныя черты общаго владѣнія, именно тѣ, которыя служатъ гарантіями для прочихъ участниковъ, — необходимость общаго согласія и предоставленіе остающимся

---

[1]) Горемыкинъ, стр. 251 (№ 216).

членамъ права преимущественной покупки. По ст. 555 I ч. т. X, „имѣніе, состоящее въ общемъ владѣніи многихъ лицъ, не можетъ быть отчуждено однимъ изъ нихъ безъ согласія всѣхъ; но каждый соучастникъ можетъ продать или заложить то, что на часть его изъ общаго причитается (свой жеребій), съ тѣмъ, однакоже, что прочимъ соучастникамъ, если не захотятъ они допустить до выдѣла той части, предоставляется сохранить оную за собою, заплативъ за нее деньгами по оцѣнкѣ". Въ извѣстной ст. 165 положенія о выкупѣ не установлено этой гарантіи для прочихъ членовъ общества: выдѣлъ участка безусловно обязателенъ, если крестьянинъ внесъ всю причитающуюся за нимъ выкупную ссуду; никакого согласія прочихъ крестьянъ, соучастниковъ мірского владѣнія, не требуется, и никакого права преимущественной покупки имъ не предоставлено. Такимъ образомъ, въ этомъ правилѣ о выдѣлѣ одинаково нарушены и условія общиннаго землевладѣнія, и принципы общей собственности.

Затѣмъ является дальнѣйшее противорѣчіе, столь же мало объяснимое: выдѣлъ изъ земель, пріобрѣтенныхъ внѣ надѣла, обставленъ болѣе благопріятными для общины условіями, чѣмъ относительно земель надѣльныхъ. По статьѣ 36-й общаго положенія, „крестьянинъ можетъ требовать, чтобы изъ состава земли, пріобрѣтенной въ общественную собственность, былъ ему выдѣленъ въ частную собственность участокъ, соразмѣрный съ долею его участія въ пріобрѣтеніи сей земли; если такой выдѣлъ окажется неудобнымъ или невозможнымъ, то обществу предоставляется удовлетворить крестьянина, желающаго выдѣлиться, *деньгами* по взаимному соглашенію или по оцѣнкѣ". Трудно понять, почему это разумное начало примѣнено лишь къ землямъ, пріобрѣтеннымъ внѣ надѣла, т.-е. къ весьма незначительной части крестьянскихъ владѣній, а относительно массы надѣльныхъ земель оставлены безъ вниманія права и интересы обществъ, которые безусловно требовали защиты даже съ точки зрѣнія законныхъ правилъ объ общей собственности, подлежащей раздѣлу и выдѣлу по желанію соучастниковъ.

Подобныя противорѣчія не имѣютъ за собою какихъ-нибудь особенныхъ мотивовъ, а объясняются только отсутствіемъ единства въ воззрѣніяхъ и понятіяхъ составителей этихъ раз-

народныхъ правилъ. Для государственныхъ крестьянъ установлено, напр., что „выдѣлъ участковъ отдѣльнымъ домохозяевамъ изъ земли, находящейся въ общинномъ владѣніи, допускается по приговору двухъ третей членовъ общества, имѣющихъ право голоса на сходѣ“ (ст. 15, п. 2), и хотя выкупъ существуетъ и у государственныхъ крестьянъ, однако, привиллегіей произвольнаго выдѣла отдѣльные члены общинъ у нихъ не пользуются. Опять-таки не видно, почему государственные крестьяне поставлены въ этомъ отношеніи иначе, чѣмъ владѣльческіе.

Неустойчивость руководящихъ идей относительно поземельныхъ правъ крестьянства особенно бросается въ глаза въ законахъ о правѣ отчужденія земель. Въ одномъ изъ второстепенныхъ мѣстныхъ положеній, а именно о царанахъ Бессарабской области, сказано слѣдующее: мірская земля „образуетъ *неприкосновенную* землю поселянскаго надѣла, предназначенную для постояннаго обезпеченія быта всего земледѣльческаго сословія“ (ст. 35). Эти слова несомнѣнно соотвѣтствуютъ основному духу крестьянской реформы; но они примѣнены къ однимъ лишь царанамъ Бессарабской области и рѣшительно забываются или отвергаются, напр., относительно несравненно болѣе важнаго многомилліоннаго населенія бывшихъ государственныхъ крестьянъ. По закону, какъ общества этихъ крестьянъ, такъ и хозяева подворныхъ участковъ, по прошествіи трехъ лѣтъ по полученіи владѣнныхъ записей, могутъ отчуждать земли своего надѣла не только односельцамъ, но и постороннимъ лицамъ, по крѣпостнымъ актамъ; при продажѣ отдѣльныхъ участковъ хозяевами „обязанность уплачивать причитающуюся съ участка оброчную подать переходитъ на новаго пріобрѣтателя“ (ст. 15, п. 5) Такъ же точно и у другихъ категорій крестьянства, подворные крестьянскіе участки „могутъ быть проданы и постороннему лицу, если только сіе послѣднее уплатитъ весь числящійся на участкѣ долгъ по выкупной ссудѣ“ (пол. о выкупѣ, ст. 169). Изъ этого не слѣдуетъ, конечно, заключить, что „постоянное обезпеченіе быта всего земледѣльческаго населенія“ болѣе озабочивало законодателя относительно царанъ Бессарабской области, чѣмъ относительно главной крестьянской массы, и если будущія поземельныя права этой массы бросались на произволъ судьбы,

тогда какъ права царанъ брались въ охрану, то это одна изъ тѣхъ, ничѣмъ не мотивированныхъ, случайностей, которыхъ встрѣчается довольно много въ нашихъ разнообразныхъ и сложныхъ законахъ.

На сколько важны второстепенныя, повидимому даже мелкія погрѣшности законодательства для дѣйствительной народной жизни, показываетъ интересная исторія такъ-называемыхъ четвертныхъ владѣльцевъ, бывшихъ однодворцевъ. Эти многочисленные захудалые потомки мелкихъ служилыхъ людей и вольныхъ поселенцевъ владѣли землею по старинному, на частномъ правѣ; участки переходили по наслѣдству, дѣлились по степени близости родства, и по мѣрѣ размноженія семействъ, владѣвшихъ первоначально, превращались въ обыкновенныхъ крестьянъ-земледѣльцевъ. Въ началѣ сороковыхъ годовъ, при графѣ Киселевѣ, они зачислены были въ разрядъ „казенныхъ крестьянъ" и подверглись общимъ правиламъ; къ нимъ стали примѣняться распоряженія о передѣлѣ земель по ревизскимъ душамъ, объ уравнительномъ по числу мужскихъ душъ владѣніи, причемъ напр. женщины теряли свое прежнее самостоятельное право участія, основанное на наслѣдственныхъ правахъ. Документы на право владѣнія, старые жалованные акты, не всегда помогали владѣльцамъ при судебно-административныхъ порядкахъ того времени; четвертные владѣльцы стали государственными крестьянами; только владѣніе ихъ было большею частью подворное, участковое, съ сохраненіемъ поземельныхъ связей между односельцами по предполагаемому происхожденію отъ общаго родоначальника. Въ такомъ видѣ застала ихъ эпоха освобожденія. При выдачѣ владѣнныхъ записей обществамъ государственныхъ крестьянъ обозначалась на этихъ актахъ наслѣдственность владѣнія отдѣльныхъ четвертныхъ крестьянъ; такимъ образомъ земли ихъ, признанныя государственными, неожиданно сдѣлались предметомъ свободнаго оборота, хотя бы онѣ фактически находились въ общинномъ владѣніи, по типу родовой общины. Во многихъ мѣстахъ, какъ свидѣтельствуетъ курскій изслѣдователь г. Благовѣщенскій, возникли любопытные процессы: женщины, давно вышедшія замужъ изъ родного села и не имѣвшія никакого участія въ землевладѣніи, стали требовать по суду признанія своихъ наслѣдственныхъ правъ,

въ качествѣ наслѣдницъ. Участки стали свободно отчуждаться, переходить изъ рукъ въ руки, явились спеціалисты по скупкѣ земель, четвертные владѣльцы разорялись, теряли свои владѣнія, тогда какъ остальные государственные крестьяне, придерживаясь общиннаго порядка пользованія, не могли подвергаться всѣмъ этимъ невзгодамъ.

Процессъ обезземеленія идетъ быстро у четвертныхъ крестьянъ; по свѣдѣніямъ г. Благовѣщенскаго, напр. въ одномъ фатежскомъ уѣздѣ курской губ., въ теченіе пяти лѣтъ, окончательно лишились земли около 530 семействъ,—6% общаго числа семействъ четвертныхъ владѣльцевъ [1]). Тѣ общинные обычаи, которые установились издавна и отчасти усвоены этими владѣльцами въ новѣйшее время, какъ бы не существуютъ для закона и не признаются имъ, ибо законъ допускаетъ и поощряетъ только переходъ общиннаго владѣнія въ участковое, а никакъ не обратно, отъ участковаго къ общинному. Между тѣмъ въ дѣйствительности элементы участковаго и общиннаго владѣнія вовсе не могутъ быть точно разграничены; четвертные владѣльцы стали повсюду совершать передѣлы и разверстки земель, по свидѣтельству земскихъ статистиковъ, но эти рѣшенія не имѣютъ законной гарантіи и не обезпечиваютъ крестьянъ отъ понудительныхъ отчужденій, отъ скупки участковъ кабатчиками и міроѣдами. Какъ неоднократно разъяснялъ правительствующій сенатъ, подворные (или т. н. подворные) участки четвертныхъ владѣльцевъ могутъ быть безпрепятственно продаваемы съ публичнаго торга на удовлетвореніе частныхъ взысканій по судебнымъ рѣшеніямъ [2]). Крестьяне не могутъ также ничего сдѣлать противъ сосредоточенія участковъ въ немногихъ рукахъ, ибо формально міръ все таки не можетъ вмѣшиваться въ распоряженіе четвертными землями, какъ вмѣшивался прежде, до полученія владѣнныхъ записей.

Возьмемъ еще одинъ вопросъ, болѣе частный, спеціальный, —о хозяйственныхъ правахъ домохозяевъ, какъ представителей

[1]) „Юридич. Вѣстникъ“, 1887, кн. 6 и 7, статья г. Благовѣщенскаго.

[2]) Рѣш. гражд. касс. деп., 1879, № 184, и 2-го департамента Правит. сената, 20-го мая 1884; см. сборникъ г. Н. Данилова: Положенія о сельскомъ состояніи, дополненныя всѣми позднѣйшими узаконеніями, съ разъясняющими ихъ извлеченіями изъ рѣшеній Правит. сената и пр., Спб., 1889, ч. I, стр. 25, 28—9.

крестьянскихъ дворовъ, по отношенію къ ихъ семействамъ и къ общинѣ. По закону и по многочисленнымъ разъясненіямъ сената, „имущество крестьянскаго двора находится во владѣніи не одного домохозяина, а всего крестьянскаго семейства, проживающаго въ одномъ дворѣ“; правами домохозяевъ могутъ пользоваться и женщины. А между тѣмъ, когда дѣло идетъ о распоряженіи крестьянскимъ дворомъ, о продажѣ его въ другія руки, то единственнымъ и полновластнымъ распорядителемъ является по закону домохозяинъ, т.-е. одинъ изъ участниковъ общей собственности, и для его произвольныхъ и разорительныхъ дѣйствій не требуется уже согласія другихъ взрослыхъ членовъ семьи. Это очевидное и крайне вредное противорѣчіе лишаетъ всякаго значенія признанное закономъ право участія членовъ семьи въ общемъ имуществѣ крестьянскаго двора.

Номинальная принадлежность имущества всей семьѣ имѣла на практикѣ только одно печальное послѣдствіе: за долги и обязательства каждаго изъ членовъ крестьянской семьи отвѣчаетъ почему-то все имущество двора въ полномъ объемѣ, а не только въ той части, которая соотвѣтствуетъ долѣ должника. Правительствующій сенатъ (по 2-му департаменту) неоднократно проводилъ въ своихъ рѣшеніяхъ этотъ взглядъ, мотивы котораго, къ сожалѣнію, не совсѣмъ ясны. Любому изъ членовъ крестьянской семьи предоставляется подписывать обязательства, которыя подвергнутъ судебной экзекуціи имущество всѣхъ прочихъ членовъ семейства, ни въ чемъ не повинныхъ, хотя бы доля должника въ этомъ имуществѣ была по справедливости ничтожна. Какой-нибудь пьяница, не занимающійся вовсе хозяйствомъ, можетъ пустить по міру цѣлую семью тружениковъ, разорить цѣлый крестьянскій дворъ, и это будто бы вытекаетъ изъ того, что имущество двора принадлежитъ не одному домохозяину, а всему семейству. Выводъ въ сущности совершенно непонятенъ и произволенъ, ибо изъ того, что имущество принадлежитъ не одному главѣ семьи, а всѣмъ сообща, не слѣдуетъ еще, что оно цѣликомъ можетъ быть взято и разорено однимъ изъ второстепенныхъ членовъ семьи, не домохозяиномъ. Право собственности на все имущество двора, не признаваемое за домохозяиномъ, еще менѣе можетъ быть

2*

присвоиваемо кѣмъ-либо изъ другихъ членовъ семейства, и еще такимъ, который не вноситъ своего труда въ хозяйство. Рѣшенія второго департамента сената по подобнымъ дѣламъ, приводимыя въ сборникѣ г. Горемыкина (№ 250 и др.), основаны очевидно на недоразумѣніи, ибо нераздѣльность общаго имущества крестьянскаго двора не исключаетъ представленія объ извѣстныхъ доляхъ, причитающихся участникамъ этого общаго имущества. Объ этомъ прямо и ясно говорится въ общихъ законахъ, въ статьяхъ объ общей собственности; такъ, по статьѣ 545 т. X ч. I „доходы, получаемые съ общаго нераздѣльнаго имущества, принадлежатъ всѣмъ соучастникамъ по соразмѣрности частей, такъ какъ и *обязанности по оному*", т.-е. какъ доходы, такъ и имущественная отвѣтственность двора за отдѣльныхъ участниковъ опредѣляется идеальною долею каждаго въ общемъ имуществѣ. Это общее правило почему-то забыто и замѣнено прямо противоположнымъ принципомъ въ примѣненіи къ крестьянскимъ дворамъ, къ явной невыгодѣ и разоренію многихъ крестьянскихъ семействъ.

Къ этому ряду противорѣчій по вопросу о крестьянскихъ дворахъ присоединяется еще недоразумѣніе, вызываемое нѣкоторыми спеціальными статьями закона о правахъ обществъ относительно домохозяевъ; эти статьи даютъ общинѣ широкія права вмѣшательства и опеки относительно отдѣльныхъ дворовъ, но лишь по особымъ поводамъ, указаннымъ въ законѣ, и преимущественно по поводамъ фискальнымъ. Такъ по общему положенію, въ числѣ прочихъ мѣръ относительно неисправныхъ плательщиковъ, сельское общество можетъ „опредѣлить къ недоимщику опекуна, безъ разрѣшенія котораго не дозволять неисправному хозяину отчуждать что-либо изъ его имущества и изъ его доходовъ до пополненія недоимки; или *вмѣсто неисправнаго хозяина, назначить старшимъ въ домѣ другого члена той же семьи*" (ст. 138, п. 3). То же самое въ положеніи о выкупѣ, ст. 127, п. 3, и ст. 133, п. 4; въ послѣднемъ прибавлена еще оговорка: „не выселяя несостоятельнаго хозяина и его семьи изъ ихъ усадьбы". Это весьма важное постановленіе о правѣ общины смѣщать домохозяина и ставить другого изъ членовъ его семьи,—могло бы имѣть большое и благотворное практическое значеніе; оно могло бы быть

серьезною гарантіею для тѣхъ крестьянскихъ семействъ, которыя безпрепятственно разоряются пьянствующими домохозяевами и лишены возможности предохранить себя отъ послѣдствій какихъ-нибудь сдѣлокъ, заключенныхъ главою семьи въ кабакѣ. Но эти постановленія имѣютъ къ сожалѣнію слишкомъ спеціальные, узкіе мотивы, и примѣняются лишь къ случаямъ неисправности хозяевъ въ уплатѣ повинностей; и здѣсь, какъ во многихъ другихъ случаяхъ, весьма важные вопросы крестьянскаго поземельнаго права затрогиваются мимоходомъ, съ одной лишь фискальной точки зрѣнія. Въ законѣ о семейныхъ раздѣлахъ, 18-го марта 1886 г. (прилож. къ п. 5 ст. 51 общаго положенія, по продолж. 1886), предусмотрѣнъ также спеціальный поводъ вмѣшательства общины въ хозяйственныя дѣла отдѣльныхъ дворовъ; по 2-му пункту этого закона сельскій сходъ, прежде чѣмъ разрѣшить вопросъ о раздѣлѣ имущества данной семьи, по желанію ея членовъ, удостовѣряется въ согласіи „родителя или старшаго члена семьи"; а безъ этого согласія рѣшеніе допускается только въ томъ случаѣ, когда поводомъ къ раздѣлу служитъ „расточительность или безнравственное поведеніе домохозяина".

Итакъ, по вопросу о правахъ домохозяевъ мы имѣемъ три исключающихъ себя взаимно постановленія: во-первыхъ, имущество крестьянскаго двора не принадлежитъ одному домохозяину, а всему его семейству, и слѣдовательно не зависитъ отъ его безконтрольнаго распоряженія; во-вторыхъ, тотъ же домохозяинъ можетъ продать все это общее имущество въ чужія руки по своему произволу, безъ согласія другихъ взрослыхъ членовъ семьи, вопреки ихъ протестамъ, и слѣдовательно онъ вправѣ располагать этимъ имуществомъ, какъ своею личною собственностью; и въ-третьихъ, этотъ полноправный домохозяинъ, могущій въ каждую данную минуту пустить свою семью по міру, оказывается уже только смѣняемымъ представителемъ двора, когда дѣло идетъ о неисправности въ казенныхъ платежахъ и о семейныхъ раздѣлахъ. Домохозяинъ можетъ долго быть аккуратнымъ плательщикомъ податей и постепенно разстраивать хозяйство своего двора, подготовляя полное его разореніе; никто его по закону смѣнить не можетъ, такъ какъ въ дѣло не замѣшаны еще интересы фиска. Составъ семьи

домохозяина можетъ вовсе не допускать раздѣла, ибо напр. она состоитъ изъ одного главы съ женою и съ малолѣтними дѣтьми; жена, хозяйственная и толковая баба, не можетъ устранить отъ распоряженій своего пьяницу мужа и должна видѣть полное хозяйственное разстройство семьи, ибо подати вносятся пока исправно для избѣжанія экзекуцій, а о семейномъ раздѣлѣ не можетъ быть и рѣчи. Очевидно, тутъ нужны общіе законы, а не частные, спеціальные по цѣлямъ и мотивамъ, вызывающіе неразрѣшимую путаницу на практикѣ.

Мы остановились только на главныхъ противорѣчіяхъ и неясностяхъ тѣхъ постановленій, которыми опредѣляются поземельныя отношенія нашего крестьянства; но уже самаго бѣглаго обзора дѣйствующихъ законовъ о крестьянскомъ землевладѣніи достаточно, чтобы убѣдиться въ настоятельной необходимости общаго пересмотра ихъ, съ цѣлью приведенія ихъ къ единству, устраненія важныхъ пробѣловъ, ошибокъ и недомолвокъ, замѣны временныхъ правилъ постоянными и общими, приспособленными къ потребностямъ и условіямъ земледѣльческаго быта. Законы о поземельныхъ отношеніяхъ сельскихъ обывателей должны составить систематическое цѣлое, а не оставаться разбросанными, разъединенными, полными несогласимыхъ противорѣчій.

Устраненіе неудачныхъ законовъ является первымъ, главнѣйшимъ способомъ охраны крестьянскаго землевладѣнія отъ удручающихъ его золъ. Прежде чѣмъ говорить о какихъ-нибудь положительныхъ государственныхъ мѣрахъ для упроченія поземельнаго быта крестьянскихъ массъ, необходимо поставить вопросъ: не происходятъ ли многія бѣдствія крестьянской жизни отъ причинъ искусственныхъ, отъ ошибочныхъ законодательныхъ постановленій, отъ неудачныхъ фискальныхъ и судебныхъ порядковъ, вполнѣ устранимыхъ при общемъ пересмотрѣ законодательства о крестьянскомъ землевладѣніи.

II.

Экономическое положеніе крестьянства. — Задолженность крестьянъ и сельское ростовщичество. — Вопросъ объ охранѣ крестьянскаго землевладѣнія. — Этюдъ К. П. Побѣдоносцева о семейныхъ участкахъ. — Нѣмецкіе и американскіе законы. — Проектъ закона о неотчуждаемости крестьянскихъ земель. — Невыгодныя стороны подобныхъ проектовъ.

Въ послѣднее время много говорятъ у насъ о признаніи неотчуждаемости крестьянскихъ надѣловъ, въ видахъ предотвращенія опасности обезземеленія крестьянъ при господствѣ свободы сдѣлокъ относительно земли.

Что опасность эта имѣла бы для насъ неизмѣримо бо́льшее значеніе, чѣмъ въ какой-либо другой странѣ, ясно уже изъ той громадной цифры населенія, которая у насъ живетъ непосредственнымъ земледѣльческимъ трудомъ. Въ другихъ европейскихъ государствахъ поселяне, лишившись земли, находятъ выгодное примѣненіе своему труду въ развитой и богатой торгово-промышленной жизни, въ многоразличныхъ отрасляхъ предпріимчивости фабричной, мануфактурной и заводской; милліоны пролетаріевъ поглощаются этимъ непрерывно расширяющимся во всѣ стороны капиталистическимъ рынкомъ, — поглощаются въ качествѣ необходимыхъ рабочихъ рукъ. Сельское населеніе давно уже не занимаетъ преобладающаго мѣста въ западно-европейскихъ государствахъ, по численности и значенію, тогда какъ у насъ уже элементарныя причины — громадныя пространства едва обработанныхъ земель, отдаленность сообщеній, ничтожное количество городскихъ центровъ и незначительность городского промышленнаго класса, — уже эти причины на долгое, очень долгое время, указываютъ Россіи одинъ неизбѣжный путь экономическаго развитія, путь народнаго замледѣлія, преобладанія сельско-хозяйственныхъ интересовъ надъ городскими и промышленными. Если нѣсколько милліоновъ безземельныхъ крестьянъ въ Германіи или Франціи перешли въ городской рабочій классъ, то о такомъ переходѣ не можетъ быть и рѣчи относительно нашихъ 60 или 70 милліоновъ крестьянъ, даже въ отдаленномъ будущемъ: эти милліоны, составляющіе въ сущности все ядро русскаго населенія,

должны быть обезпечены землею, или въ противномъ случаѣ все государство разсыплется въ прахъ.

При общемъ взглядѣ на наши поземельныя дѣла, нельзя не видѣть, что такая перспектива еще очень далека. По даннымъ, относящимся къ концу семидесятыхъ годовъ, наше крестьянство разныхъ наименованій держитъ въ своихъ рукахъ болѣе 136 милл. дес., а лицамъ другихъ сословій принадлежитъ менѣе 100 милл. дес., въ томъ числѣ дворянамъ — 73 милл. Другими словами, пространство крестьянскихъ земель почти въ $1\frac{1}{2}$ раза болѣе, чѣмъ владѣній другихъ классовъ; но если принять въ разсчетъ многомилліонную массу крестьянства, то цифры крестьянскаго землевладѣнія не будутъ казаться столь значительными. При надѣленіи крестьянъ землею, около 28% общаго числа помѣщичьихъ крестьянъ получили надѣлы явно недостаточные, ниже средняго уровня; вообще съ самаго начала помѣщичьи крестьяне были поставлены въ гораздо худшія условія, чѣмъ государственные: послѣдніе получили почти въ $1\frac{1}{2}$ раза болѣе земель, чѣмъ первые, хотя превосходили ихъ по численности всего на 23%. Если поэтому допустить, что государственные крестьяне находятся въ удовлетворительномъ состояніи, то можно сказать a priori, что бывшіе владѣльческіе крестьяне, обремененные притомъ болѣе значительными платежами, должны находиться въ положеніи весьма печальномъ. Среди населенія, недавно обезпеченнаго землею, явились уже обширные разряды крестьянъ безземельныхъ; а среди хозяевъ, сохранившихъ свои земли, существуетъ уже цѣлая категорія такихъ, у которыхъ необходимый рабочій скотъ проданъ за недоимки или за долги; эта категорія, отмѣчаемая во всѣхъ мѣстныхъ изслѣдованіяхъ подъ именемъ безлошадныхъ хозяевъ, составляетъ уже переходную ступень къ потерѣ хозяйственной самостоятельности. Въ московской губерніи, по цифрамъ, которыя приводитъ г. Фортунатовъ, безземельные крестьяне составляютъ болѣе 15% общаго числа крестьянъ, въ московскомъ уѣздѣ этотъ процентъ доходитъ до 20%, а въ 19 уѣздахъ оказывается уже болѣе 10% безземельныхъ [3]).

---

[1]) Ср. изслѣдованіе *Л. В. Ходскаго*, „Земля и земледѣлецъ“, Спб., 1891, т. II, стр. 233 и слѣд.

Переходы крестьянскихъ надѣловъ въ руки кулаковъ и міроѣдовъ стали общимъ, болѣе или менѣе распространеннымъ явленіемъ въ тѣхъ мѣстностяхъ, гдѣ условія крестьянскаго хозяйства сложились неблагопріятно. Земскіе статистики во многихъ губерніяхъ отмѣчаютъ печальные факты; такъ, напр., въ казанской губерніи „сдачи надѣловъ происходятъ подъ вліяніемъ суровыхъ требованій податей, осенью или въ началѣ года, когда сильнѣе турятъ подати“. На то-же явленіе указываютъ въ саратовской, московской и тамбовской губерніяхъ. Въ самарской губерніи, съ осени, когда „гонятъ подати“, крестьяне сдаютъ свои надѣлы болѣе богатымъ односельцамъ за половинную цѣну, а весною снимаютъ свою же землю вдвое дороже. Въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ курской губерніи вошло въ обычай ежегодно занимать деньги всѣмъ міромъ для взноса податей; размѣръ процентовъ около 60 въ годъ. Въ тверской губерніи, по вычисленію мѣстнаго статистика, добывается займомъ у частныхъ лицъ не менѣе двухъ третей всей суммы, нужной крестьянамъ для уплаты налоговъ. „Для добыванія денегъ,—говоритъ г. В. В.—крестьянинъ вынужденъ прибѣгать къ различнымъ способамъ, еще болѣе разорительнымъ для него, чѣмъ заемъ у ростовщиковъ. Способы эти заключаются въ наймѣ зимою на лѣтнія полевыя работы и въ продажѣ хлѣба, хотя бы онъ былъ безусловно необходимъ для собственнаго прокормленія семьи крестьянина“.

„Продажа хлѣба, тотчасъ по его съемкѣ, за самыя невыгодныя цѣны, главнымъ образомъ для своевременной уплаты податей, и покупка его по гораздо болѣе высокимъ цѣнамъ весною, для собственнаго прокормленія, составляютъ наиболѣе распространенный способъ добыванія денегъ какъ въ нечерноземной, такъ и въ черноземной полосѣ. Объ этомъ единогласно свидѣтельствуютъ всѣ изслѣдователи; на это же явленіе указываютъ исполненныя горькаго юмора народныя пословицы: „не тужи овесъ, что въ Москву повезъ,—весной хоть въ тридорога заплачу, да назадъ ворочу“, и т. п. Крестьяне попадаютъ въ заколдованный кругъ; чтобы купить хлѣба весной, имъ приходится заложить свой будущій урожай, продажа котораго становится, слѣдовательно, неизбѣжною. Разъ совершонная продажа-покупка необходимо влечетъ за собою такую же опе-

рацію и въ слѣдующемъ году. Потери крестьянъ при этихъ сложныхъ финансовыхъ махинаціяхъ, продолжаетъ г. В. В., по истинѣ басновловны: крестьяне одной мѣстности въ 1869 г. платили по займу, заключенному такимъ способомъ, до 1.000% годовыхъ. Что касается зимняго найма на лѣтнія работы, то получаемый нанявшимся задатокъ есть въ сущности ссуда, за которую уплачивается отъ 100 до 300%, такъ какъ зимняя цѣна на полевыя работы вдвое и втрое менѣе лѣтнихъ цѣнъ [1]). Тѣ 8—10%, которые окончательно разоряютъ нашихъ помѣщиковъ,—какъ замѣчаетъ далѣе г. В. В.,—по своей легкости составляютъ для русскаго мужика нѣчто недостижимое; онъ счастливъ, если заплатитъ за пользованіе капиталомъ вдвое и втрое дороже того, что̂ окончательно губитъ крупныхъ помѣщиковъ. Ссудить крестьянина суммою изъ 18%, значитъ сдѣлаться его благодѣтелемъ, котораго онъ не забудетъ до конца своихъ дней. Съ именемъ такого заимодавца неразрывно связано названіе „благодѣтель"; что же касается до кредитнаго учрежденія, ссужающаго всего изъ 1% въ мѣсяцъ, то самая мысль объ этомъ кажется крестьянамъ мечтою. Въ крайнихъ случаяхъ крестьяне готовы платить даже 100% въ мѣсяцъ. Этой нуждою въ деньгахъ для уплаты податей, аренды земли и т. п., пользуются мѣстные кулаки, и заключаютъ съ крестьянами такого рода сдѣлки, что должники неизбѣжно попадаютъ въ продолжительную кабалу къ кредиторамъ. Ростовщикъ, взимая, напримѣръ, 50% по ссудамъ и выговаривая значительныя неустойки за просрочку, назначаетъ сроки уплаты въ такое время, когда крестьянамъ нѣтъ ни малѣйшей возможности выполнить свои обязательства. Дѣло кончается или продажей скота, или увеличеніемъ неустойки, или, наконецъ, перепиской документа съ причисленіемъ неустойки и съ возвышеніемъ процента. Долги наростаютъ, несмотря на многократное погашеніе ихъ; такъ, одно крестьянское общество въ московской губ. заняло 140 р. изъ 33%, и въ продолженіе двѣнадцати лѣтъ уплачивало этотъ долгъ, но не только не уплатило, а напротивъ, долгъ выросъ до 400 р. Однихъ процентовъ въ

[1]) См. обзоръ свѣдѣній о задолженности крестьянскаго населенія (стр. 6—43) въ книгѣ *П. А. Соколовскаго*: „Ссудосберегательныя товарищества по отзывамъ литературы", Спб., 1890, стр. 14—28.

эти 12 лѣтъ крестьяне переплатили 1.500 р. (за 140 р.!). Въ одномъ изъ уѣздовъ псковской губерніи (опочецкомъ), по изслѣдованію г. Сазонова, оказалось крестьянскихъ долговъ, внесенныхъ въ волостныя книги, 2.493.000 р.; изъ нихъ ростовщикамъ крестьяне должны 1.530.000 р. Процентовъ по долгамъ выплачивается 497 тысячъ рублей, втрое болѣе всей суммы государственныхъ сборовъ. Должники принуждены работать на своихъ кредиторовъ и не смѣютъ ни продавать своихъ издѣлій другимъ, ни протестовать противъ возможныхъ притѣсненій, обсчитыванія и обмѣриванія.

Такое положеніе вещей наблюдается одинаково въ различныхъ областяхъ Россіи. Обезпечивши долгъ векселями, росписками, запродажными и другими записями, сельскіе ростовщики держатъ должниковъ въ постоянной опасности полнаго разоренія. Пользуясь своимъ вліяніемъ и безграмотностью крестьянъ. они не возвращаютъ оплаченныхъ долговыхъ обязательствъ и по нѣсколько разъ взыскиваютъ по однимъ и тѣмъ же документамъ. Стоимость кредита въ 100% составляетъ обыкновенное явленіе; иногда же онъ обходится въ 300 и даже 800 годовыхъ. Сумма отработковъ, выполняемыхъ заемщиками, такъ велика, что крестьянинъ работаетъ теперь на другихъ не менѣе четырехъ дней въ недѣлю, т.-е. болѣе, чѣмъ при крѣпостномъ правѣ. Подобные способы добыванія денегъ имѣютъ ужъ очень мало общаго съ кредитомъ. „Вѣрнѣе будетъ допустить,—справедливо замѣчаетъ г. Соколовскій,—что многія изъ этихъ сдѣлокъ представляютъ замаскированную куплю-продажу. Въ самомъ дѣлѣ, принимая средній доходъ крестьянскаго хлѣбопашества въ 6—12%, ни одинъ кредиторъ въ точномъ значеніи этого слова, и ни одинъ хозяинъ, принужденный прибѣгнуть къ ссудѣ для полученія оборотныхъ средствъ, не могутъ заключить другъ съ другомъ сдѣлку иначе, какъ на условіяхъ, соотвѣтствующихъ этой доходности. И если какой-нибудь ростовщикъ даетъ ссуду не только изъ 40%, 100%, 200%, 800%, но даже изъ 13—25%, то, очевидно, онъ разсчитываетъ на возвратъ ея не изъ доходовъ хозяйства, а изъ имущества заемщика; онъ собственно не кредиторъ, а покупатель, — кредитующійся же не заемщикъ, а продавецъ своего имущества. Большинство современныхъ quasi-

кредитныхъ сдѣлокъ въ деревняхъ и оканчивается передачей инвентаря, построекъ, права на пользованіе надѣломъ—кредитору, который въ дѣйствительности есть скупщикъ. Можно сказать, что въ деревняхъ происходитъ въ настоящее время распродажа бѣднѣйшими домохозяевами своего имущества, которое понемногу вмѣстѣ съ его владѣльцами въ качествѣ его батраковъ сосредоточивается въ рукахъ ростовщиковъ (кулаковъ, каштановъ, шибаевъ и т. п.). Процессъ этотъ совершается медленнѣе и въ иной формѣ въ селахъ съ общиннымъ землевладѣніемъ, чѣмъ при подворномъ владѣніи землею, но онъ происходитъ и тамъ и здѣсь". Можно прибавить, что кредиторъ разсчитываетъ не только на имущество и земельный надѣлъ должника, но и преимущественно на его работу, вслѣдствіе чего и устанавливаются отношенія, напоминающія кабалу.

Относительно степени распространенности этихъ своеобразныхъ формъ кредита существуютъ значительныя разногласія. Одни, какъ г. Сазоновъ, склонны преувеличивать значеніе и силу ростовщичества, и находятъ, что кабала „широкой волной разлилась по всей Россіи"; другіе писатели обобщаютъ результаты подворныхъ опросовъ, произведенныхъ нѣкоторыми уѣздными земствами для выясненія размѣровъ крестьянской задолженности,—результаты несомнѣнно утѣшительные и отчасти даже кажущіеся неправдоподобными. Напримѣръ, въ орловскомъ уѣздѣ вятской губерніи громадное большинство займовъ, какъ хлѣбомъ, такъ и деньгами, оказывается безпроцентными; къ кредиту прибѣгаетъ менѣе пятой части общаго числа хозяевъ, и только незначительная часть сдѣлокъ можетъ быть отнесена къ ростовщическимъ. Въ нѣсколькихъ уѣздахъ воронежской губерніи процентъ задолжавшихъ гораздо выше, но также не доходитъ до половины всего количества дворовъ; денежный процентъ взимается рѣдко, и чаще всего заемщики вознаграждаютъ заимодавцевъ работой или угощеніемъ, или „пьютъ съ ними чай и водку". Ошибочно было бы, однако, дѣлать какіе-либо оптимистическіе выводы изъ этихъ немногихъ данныхъ, такъ какъ должники и кредиторы, допрошенные земскими статистиками, могли не желать разглашенія своихъ дѣйствительныхъ счетовъ и обязательствъ. Анализъ имѣющагося

статистическаго матеріала приводитъ П. А. Соколовскаго къ тому заключенію, что „малоземельные, малорабочіе и безлошадные дворы нуждаются въ большемъ кредитѣ и обременены большими долгами, чѣмъ дворы многоземельные, многорабочіе и имѣющіе достаточное количество рабочаго скота,—долгами, заключенными притомъ на болѣе тяжелыхъ сравнительно съ остальными дворами условіяхъ". Эта зависимость задолженности отъ недостаточности надѣловъ и отъ общаго состоянія крестьянскихъ хозяйствъ указываетъ на весьма серьезныя и повсемѣстныя причины зла. Наибольше долговъ выпадаетъ на долю крестьянъ, получившихъ ничтожный дарственный надѣлъ; менѣе должны крестьяне, выкупающіе надѣльную землю въ обычномъ размѣрѣ, а всего менѣе—государственные крестьяне, находящіеся вообще въ лучшемъ хозяйственномъ положеніи. Недостаточность надѣловъ заставляетъ обращаться къ займамъ для арендованія необходимыхъ дополнительныхъ участковъ чужой земли; отсутствіе или слабость рабочаго скота вызываетъ кредитныя сдѣлки для пріобрѣтенія недостающей рабочей силы, по крайней мѣрѣ на время. „Крестьянскія хозяйства обращаются къ кредиту не для какихъ-либо промышленныхъ или торговыхъ цѣлей, а главнымъ образомъ для поддержанія своей хозяйственной самостоятельности на извѣстномъ среднемъ уровнѣ или, вѣрнѣе, минимумѣ". Съ другой стороны, мѣстные изслѣдователи признаютъ и болѣе широкое распространеніе кредита въ народѣ; „важнѣйшія явленія экономическаго быта крестьянина—сдача надѣловъ, аренда чужихъ земель, отрядныя работы—переплетены съ потребностями въ кредитѣ. А какъ глубоко проникли кредитныя отношенія во всѣ другія развѣтвленія экономической жизни крестьянина—трудно даже рѣшить. „Достаточно сказать, что крестьянинъ часто и ѣстъ, и пьетъ, и веселится, и справляетъ свадьбу, и отправляетъ похороны, и франтитъ при помощи кредита" [1]). Само собою разумѣется, что эта повсемѣстная потребность въ кредитѣ, при отсутствіи организованныхъ кредитныхъ учрежденій для крестьянства, даетъ широкій просторъ худшимъ проявленіямъ ростов-

[1]) Соколовскій, тамъ же, стр. 12 и 256—267.

щичества и подготовляетъ неизбѣжное разореніе крестьянскихъ хозяйствъ.

Какія же практическія мѣры могутъ быть предложены для устраненія этихъ печальныхъ явленій и для дѣйствительной охраны крестьянскаго хозяйственнаго быта отъ разложенія?

Въ небольшомъ этюдѣ К. П. Побѣдоносцева, посвященномъ этому предмету, объясняется польза сохраненія цѣльныхъ крестьянскихъ хозяйствъ, „семейныхъ участковъ", съ признаніемъ неотчуждаемости ихъ въ постороннія руки, причемъ дѣлаются обстоятельныя ссылки на законодательства Германіи, Австріи и сѣверной Америки. Нѣкоторыя мысли и соображенія, излагаемыя въ этомъ этюдѣ, заслуживаютъ полнаго сочувствія. Всякій согласится съ авторомъ, что „тѣмъ прочнѣе благосостояніе народа и государства, чѣмъ болѣе въ немъ распредѣленія земли между мелкими владѣльцами, имѣющими и охраняющими цѣльное свое хозяйство". Говоря объ охранѣ цѣльныхъ хозяйствъ, какъ крестьянскихъ, такъ и помѣщичьихъ, авторъ признаетъ дѣйствительную потребность охраненія „не крупныхъ имѣній, а мелкаго землевладѣнія, т.-е. нормальнаго размѣра хозяйственной дачи съ усадьбою". Необходимо, продолжаетъ онъ, „при соблюденіи извѣстныхъ предосторожностей и безъ нарушенія правъ третьихъ лицъ, дать законную возможность къ охраненію этого мелкаго владѣнія отъ долговъ и взысканій, и выдѣливъ его изъ пагубнаго для многихъ кредита, уберечь въ цѣльномъ видѣ для семьи". К. П. Побѣдоносцевъ признаетъ и благотворную силу общины. При существующихъ условіяхъ, по его словамъ, „одна общинная связь можетъ охранить крестьянское населеніе отъ обезземеленія, и дѣйствительно, только общинное землевладѣніе предохранило наши чисто-земледѣльческія мѣстности (напр. саратовскія и самарскія) отъ полнаго обезземеленія крестьянъ: въ голодную пору, такъ часто постигавшую въ послѣдніе годы Поволжье, неимущимъ трудно было бы удержаться отъ продажи своихъ участковъ, при господствѣ подворнаго владѣнія; скупщиковъ оказалось бы достаточно посреди самого сельскаго населенія"... Законъ, допускающій выдѣлъ домохозяевъ изъ общины посредствомъ единовременнаго взноса выкупной ссуды, подрываетъ основы общиннаго владѣнія; вопросъ объ отмѣнѣ этого

закона (165-й статьи положенія о выкупѣ) былъ поднятъ министерствомъ внутреннихъ дѣлъ, „но, къ сожалѣнію, не получилъ еще разрѣшенія“ [1]). Авторъ, повидимому, полагаетъ, что наше законодательство могло бы съ пользою усвоить принципы американскихъ и нѣмецкихъ законовъ, о которыхъ часто говорится у насъ въ послѣднее время. Посмотримъ, въ чемъ заключаются эти законы и насколько они примѣнимы къ нашему быту.

Многіе нѣмецкіе писатели придаютъ большое значеніе принципу нераздѣльности крестьянскихъ семейныхъ участковъ и настоятельно требуютъ соотвѣтственной реформы законовъ о наслѣдствѣ при составленіи новаго гражданскаго кодекса для Германіи. Извѣстно, что въ отдѣльныхъ нѣмецкихъ областяхъ предоставлено на волю владѣльцевъ заявить о внесеніи ихъ имѣній въ списокъ недѣлимыхъ семейныхъ хозяйствъ или дворовъ (Höferolle), если эти имѣнія приносятъ чистый доходъ, обложенный поземельнымъ налогомъ, не ниже извѣстной нормы (75 марокъ въ Вестфаліи, 60 м. въ Силезіи). Эти земли переходятъ по наслѣдству въ цѣльномъ составѣ къ одному изъ сыновей или близкихъ родственниковъ по назначенію владѣльца, а при отсутствіи такого назначенія—къ старшему сыну или къ другому ближайшему наслѣднику въ порядкѣ законнаго родства, причемъ лицамъ мужского пола отдается предпочтеніе передъ женскимъ. Законный или назначенный наслѣдникъ, называемый Anerbe, получаетъ въ свое владѣніе все хозяйство, съ обязательствомъ удовлетворить прочихъ сонаслѣдниковъ деньгами въ размѣрѣ опредѣленной доли реальной (за вычетомъ долговъ) цѣнности имѣнія. Этотъ порядокъ наслѣдованія, коренящійся отчасти въ старомъ народномъ обычаѣ, долженъ способствовать сохраненію крѣпкаго и зажиточнаго крестьянскаго сословія, которому будто бы особенно грозитъ чрезмѣрное дробленіе участковъ. Въ настоящее время подобная система наслѣдованія въ землевладѣніи дѣйствуетъ факультативно въ нѣкоторыхъ прусскихъ провинціяхъ — Ганноверѣ, Вестфаліи, Силезіи, Бранденбургѣ, Лауенбургѣ, а также въ

[1]) О семейныхъ участкахъ, въ „Русскомъ Вѣстникѣ“, 1889, сентябрь, стр. 56—72, и въ „Курсѣ гражд. права“, ч. II, 3-е изд. (Спб., 1889), стр. 346—359.

Ольденбургѣ, Брауншвейгѣ и др.; за распространеніе ея на всю Германію, въ видѣ обязательнаго общаго закона, ратуютъ преимущественно консервативные дѣятели и публицисты, къ которымъ слѣдуетъ причислить и извѣстнаго изслѣдователя поземельныхъ отношеній, профессора Мясковскаго. Эти писатели находятъ, что правило о недѣлимости среднихъ и мелкихъ владѣній при переходѣ ихъ по наслѣдству можетъ принести гораздо больше дѣйствительной пользы, когда оно станетъ закономъ, примѣненіе котораго не будетъ зависѣть отъ доброй воли владѣльцевъ [1]). Другіе возражаютъ, что всѣ такіе законы направлены лишь къ образованію особой крестьянской аристократіи и должны имѣть своимъ послѣдствіемъ превращеніе большинства земледѣльцевъ въ пролетаріевъ; цѣльныя хозяйства сохраняются, но многочисленные участники этихъ хозяйствъ остаются безъ законнаго участія въ правахъ на землю и въ сущности приносятся въ жертву отдѣльнымъ привилегированнымъ лицамъ во имя предполагаемой пользы земледѣлія. Такъ какъ земледѣліе существуетъ для народа, а не наоборотъ, то сельско-хозяйственные интересы не могутъ быть противопоставляемы жизненнымъ потребностямъ населенія, занимающагося обработкою земли.

Принудительное введеніе принципа единонаслѣдія создало бы новый и обширный источникъ развитія безземельнаго пролетаріата среди крестьянства; въ то же время оно едва ли было бы полезно для успѣховъ земледѣлія, ибо сопровождалось бы увеличеніемъ долговъ для уплаты наслѣдственныхъ долей сонаслѣдникамъ. Гдѣ нераздѣльность дѣйствительно полезна или необходима, тамъ она будетъ принята самими заинтересованными хозяевами, а гдѣ хозяйство уже разстроилось, запуталось въ долгахъ или ведется безтолково, тамъ не поможетъ и недѣлимость имѣнія. Земледѣліе падаетъ не отъ дробленія земли, —по справедливому замѣчанію г. Посникова,—а

[1]) Aug. v. *Miaskowski*, Agrarpolitische Zeit und Streitfragen, 1889, стр. 131—200; *Preser*, Die Erhaltung des Bauernstandes, 1884, стр. 349 и сл., 369 и др.: *Kuno Frankenstein*, Die Lage des bauerlichen Grundbesitzes in Deutschland, 1885, стр. 91—4 и 127—9. Подробныя свѣдѣнія въ книгѣ Іегера: Die Agrarfrage der Gegenwart, socialpolitische Studien von Dr. *Eugen Jäger*, III Abth., Berlin, 1888, стр. 194—226.

вслѣдствіе общихъ причинъ, по которымъ понижается благосостояніе хозяевъ; при этомъ клочокъ земли для каждаго все-таки лучше, чѣмъ ничего или чѣмъ искусственное благосостояніе немногихъ счастливцевъ на счетъ массы обдѣленныхъ, какъ при майоратствѣ или миноратствѣ и недѣлимости дворовъ въ нашихъ нѣмецкихъ колоніяхъ. Запрещеніе дѣлежа земли не уничтожаетъ причины, вызывающей необходимость чрезмѣрнаго дробленія, а лишь искусственно скрываетъ эту причину, ставя большинство подростающаго населенія въ положеніе совсѣмъ необезпеченное" [1]).

Нѣмецкіе законы, упомянутые выше, въ сущности вовсе не стѣсняютъ свободы дробленія имуществъ: всякій владѣлецъ можетъ распоряжаться своимъ участкомъ по личному усмотрѣнію, можетъ дѣлить землю, отчуждать ее и обременять долгами, а также завѣщать нѣсколькимъ наслѣдникамъ; законный порядокъ наслѣдованія вступаетъ въ силу только при отсутствіи завѣщательныхъ или какихъ-либо другихъ распоряженій владѣльца. Тѣ льготныя основанія, на которыхъ имѣніе достается привилегированному наслѣднику, утилизируются нерѣдко для выгодной продажи земли въ постороннія руки, въ ущербъ обойденнымъ сонаслѣдникамъ, какъ это наблюдалось, между прочимъ, въ великомъ герцогствѣ Баденскомъ. Нужно еще имѣть въ виду, что нѣмецкое „среднее" землевладѣніе, называемое крестьянскимъ и охраняемое системою условнаго единонаслѣдія, далеко превышаетъ обычные размѣры крестьянскихъ хозяйствъ по нашимъ понятіямъ; такъ, въ сѣверо-восточной Германіи участки въ 150 гектаровъ причисляются къ среднимъ [2]), а охранять такія хозяйства отъ раздѣла нѣтъ особенныхъ основаній съ народно-экономической точки зрѣнія. Законодатель не можетъ взять на себя опредѣленіе нормальной или наименьшей величины участковъ, необходимой для успѣшнаго хода земледѣлія; мелкія и дробныя хозяйства могутъ процвѣтать при интензивной и старательной обработкѣ земли, или близъ

---

[1]) А. Посниковъ, Общинное землевладѣніе, 1878. Выпускъ II, стр. 186 и сл., 210.

[2]) Th. v. der Goltz, въ „Handbuch der politischen Oekonomie" Шенберга, 1886, т. II, стр. 77; о Höferecht тамъ же, Aug. Meitzen, Landwirthschaft, II Th., стр. 216.

большихъ городовъ, а болѣе значительное пространство владѣнія исключаетъ возможность того внимательнаго, любовнаго отношенія къ землѣ, которое повсюду характеризуетъ крестьянина-земледѣльца, воздѣлывающаго свой участокъ своимъ личнымъ трудомъ. Сохраненіе цѣльныхъ хозяйствъ средняго размѣра требуется преимущественно интересами самихъ владѣльцевъ и ихъ семействъ, и потому вопросъ о дѣлимости или недѣлимости участковъ долженъ быть предоставленъ практическому пониманію самихъ заинтересованныхъ лицъ, какъ это и принято вполнѣ разумно нѣмецкими охранительными законами. Достаточно того, что дробленіе имуществъ устраняется или ограничивается при наслѣдованіи по закону, когда оно могло бы дѣйствительно сопровождаться разстройствомъ хозяйства, по сознанію владѣльцевъ, а послѣдніе остаются лучшими судьями въ оцѣнкѣ вреда или пользы раздѣла при данныхъ обстоятельствахъ. Нѣмецкій принципъ факультативнаго единонаслѣдія имѣетъ большія преимущества, какъ выработанный народною жизнью институтъ наслѣдственнаго права; но онъ рѣшительно неспособенъ поддержать крестьянское землевладѣніе, ослабѣвающее въ борьбѣ съ денежнымъ капиталомъ или съ крупною поземельною собственностью. Расширить дѣйствіе этихъ законовъ и установить нѣчто въ родѣ крестьянскихъ майоратовъ было бы желательно и выгодно для крупнаго землевладѣнія, нуждающагося въ дешевыхъ рабочихъ рукахъ, ибо контингентъ сельскихъ работниковъ могъ бы легко пополняться „кадетами" крестьянскихъ семействъ, выброшенными изъ среды самостоятельнаго земледѣльческаго класса. Разумѣется само собою, что временныя выгоды крупныхъ хозяевъ далеко не уравновѣшивали бы неудобствъ и опасностей дальнѣйшаго увеличенія пролетаріата, которое, въ концѣ концовъ, создавало бы нѣкоторый рискъ и для крупной поземельной собственности.

Болѣе серьезныя реформы предлагаются для устраненія чрезмѣрной задолженности землевладѣнія и для охраны его отъ разорительныхъ судебныхъ экзекуцій.

Въ этомъ отношеніи особенно важенъ принципъ неприкосновенности поземельныхъ участковъ извѣстнаго размѣра при взысканіи долговъ по суду; такіе участки, служащіе мѣстомъ жилища и хозяйства, не подлежатъ аресту и продажѣ по тре-

бованіямъ кредиторовъ. Это правило сѣверо-американскаго законодательства (Homestead and exemption-laws) имѣетъ значеніе не только само по себѣ, но особенно какъ выраженіе общаго взгляда на человѣческія права должниковъ и ихъ семействъ передъ судомъ заимодавцевъ. Американскіе суды всегда проводили и поддерживали ту идею, что судебная власть не можетъ и не должна служить слѣпымъ исполнительнымъ орудіемъ въ рукахъ взыскателей, снабженныхъ формальными документами, ибо люди важнѣе имуществъ, и право на существованіе стоитъ впереди права на капиталъ съ процентами. Суды входятъ въ разборъ и оцѣнку долговыхъ требованій, не допускаютъ отнятія у должника необходимыхъ средствъ къ жизни и вообще пользуются въ этомъ отношеніи значительною свободою, руководствуясь обстоятельствами каждаго даннаго случая. Спеціальные законы объ охранѣ жилищъ и хозяйствъ отъ судебныхъ взысканій, существующіе въ большинствѣ штатовъ, имѣютъ непосредственную связь съ этою установившеюся практикою по дѣламъ объ отвѣтственности за долги. Привилегія защиты устанавливается для отдѣльныхъ участковъ по желанію владѣльцевъ, съ цѣлью обезпеченія пріюта для послѣднихъ и ихъ семействъ на случай какихъ-либо превратностей судьбы; каждый можетъ имѣть эти льготы только въ одномъ мѣстѣ, и цѣнность охраняемаго имущества не должна превышать извѣстной нормы, которая въ различныхъ штатахъ колеблется отъ 300 до 2.000 и даже до 5.000 долларовъ (въ Калифорніи и Невадѣ) для недвижимости, и отъ 100 до 2.000 для движимости. Замѣчательно, что въ числѣ вещей, признаваемыхъ необходимыми для жизни, особо упоминаются книги на сумму отъ 50 до 200 долларовъ въ различныхъ штатахъ. Не всегда, однако, эти поземельные участки остаются свободными отъ судебныхъ экзекуцій; есть такія обязательства, передъ которыми теряетъ силу законная привилегія,—это именно долги, составляющіе недоплаченную часть цѣны имѣнія, или заключенные передъ пріобрѣтеніемъ участка съ намѣреніемъ обмануть кредиторовъ, или возникшіе при устройствѣ хозяйства изъ разсчетовъ съ рабочими и прислугою, или существовавшіе раньше установленія права homestead, наконецъ, платежи по суеб-

нымъ приговорамъ, не имѣющимъ частнаго характера [1]), и т. п. Изъ этого видно, что практическое значеніе охранительнаго закона зависитъ главнымъ образомъ отъ суда, который можетъ устранить дѣйствіе привилегіи, если найдетъ къ тому основательныя причины.

При томъ независимомъ и высокомъ положеніи, какое занимаютъ судьи въ Америкѣ, и при той широкой свободѣ толкованія и примѣненія законовъ, которою они пользуются, принципъ охраны должниковъ долженъ дѣйствовать благотворно, безъ нарушенія чьихъ-либо справедливыхъ интересовъ; но для суда, привязаннаго къ формализму и рутинѣ, привыкшаго слѣдовать только буквѣ, а не духу закона, подобныя постановленія могли бы оказаться не по силамъ. Правило, имѣющее глубокій жизненный смыслъ, превратилось бы или въ простую формальность (еслибы законъ допускалъ изъятія въ пользу кредиторовъ), или въ источникъ злоупотребленій (еслибы изъятій не было). Установить безусловно, что имущество извѣстнаго размѣра освобождается отъ взысканій по суду при всякихъ вообще обстоятельствахъ, значило бы создать новый видъ легальнаго уклоненія отъ уплаты долговъ; иногда и кредиторы несправедливо лишались бы своихъ средствъ, которыя ловкій должникъ употребилъ бы на устройство и обзаведеніе неприкосновеннаго жилища или хозяйства. Не надо забывать, что какъ существуютъ профессіональные заимодавцы, такъ встрѣчаются и профессіональные должники, живущіе на чужой счетъ и устраивающіе фиктивныя банкротства для поправленія своихъ дѣлъ. Конечно, въ мелкомъ землевладѣніи эти случаи недобросовѣстности бываютъ рѣже, чѣмъ въ городахъ; но американскіе охранительные законы примѣняются и къ городскимъ имуществамъ. Дѣло суда — оказывать покровительство честнымъ людямъ и хозяйствамъ, не давать хода злоупотребленіямъ подъ прикрытіемъ законности и предупреждать уловки, дѣлаемыя въ обходъ намѣреній законодателя; а такая задача требуетъ именно живого и свободнаго участія элемента справедливости въ мотивахъ и рѣшеніяхъ судебной власти,—элемента, играющаго

[1]) Die Heimstätte, von H. V. Pospischil (Wien, 1884), стр. 68—74.

самостоятельную и творческую роль только въ судахъ англійскихъ и американскихъ.

Если заимствовать у американцевъ хорошіе законы, то вмѣстѣ съ тѣмъ необходимо усвоить ихъ судебные принципы, позволяющіе извлечь изъ законовъ всю желательную пользу и избѣгнуть неудобствъ буквальнаго перетолкованія и пассивнаго примѣненія. Предположимъ, что владѣлецъ пріобрѣлъ свой участокъ на чужія деньги или не желаетъ платить рабочимъ, участвовавшимъ въ постройкѣ его дома; формальный судъ не удовлетворитъ кредиторовъ, опираясь на homestead-laws, если эти спеціальные случаи не предусмотрѣны прямо въ законѣ, и такимъ образомъ, зажиточный хозяинъ будетъ безнаказанно пользоваться плодами чужого труда. Включивъ же эти изъятія въ законъ, пришлось бы допустить другого рода усложненія: владѣльцы, нуждаясь въ деньгахъ, могли бы выдавать документы о томъ, что хозяйство устроено на средства заимодавцевъ или что послѣднимъ слѣдуетъ получить должныя суммы за работу, за поставленные матеріалы и т. п. Формальный судъ невольно подчинился бы законной силѣ документовъ и отдалъ бы должника въ жертву завѣдомому ростовщику; а судъ справедливости войдетъ въ разсмотрѣніе причины и условій сдѣланнаго долга, провѣритъ содержаніе документа допросомъ свидѣтелей, приметъ въ разсчетъ профессію кредитора-ростовщика и спокойно откажетъ ему въ предъявленномъ требованіи.

Такимъ образомъ, принципы нѣмецкихъ и американскихъ охранительныхъ законовъ предполагаютъ другое общее положеніе дѣлъ, чѣмъ у насъ, и оказались бы безсильными въ примѣненіи къ нашимъ условіямъ. Американскіе homestead-laws, какъ мы видѣли, предполагаютъ свободную и самостоятельную роль суда при разсмотрѣніи долговыхъ требованій, причемъ жизненные интересы должниковъ и ихъ семействъ ставятся впереди документальныхъ правъ кредиторовъ; такая практика несовмѣстима, конечно, съ господствующимъ у насъ формализмомъ и съ обычнымъ отношеніемъ къ крестьянству, какъ къ исключительно платежной силѣ. Нѣмецкое начало нераздѣльности крестьянскихъ имѣній при переходѣ по наслѣдству также непримѣнимо къ нашему быту и нисколько не способствовало бы

поддержанію падающихъ хозяйствъ, угнетаемыхъ долгами и налогами. Притомъ и американскіе, и нѣмецкіе законы предоставляютъ на волю самихъ хозяевъ пользоваться установленными льготами или устранять ихъ дѣйствіе, тогда какъ у насъ эти охранительныя правила неизбѣжно превратились бы въ систему легальныхъ и бюрократическихъ стѣсненій, направленныхъ противъ гражданской равноправности крестьянства. Наконецъ, ни въ сѣверной Америкѣ, ни въ германскихъ государствахъ не происходитъ искусственнаго разстройства и разоренія земледѣльческихъ хозяйствъ посредствомъ суроваго взысканія непосильныхъ податей и повинностей.

Въ печати упоминалось о серьезномъ правительственномъ проектѣ, имѣющемъ цѣлью сохранить надѣльную землю за крестьянами. Проектъ вырабатывался въ теченіе нѣсколькихъ лѣтъ (съ 1884 года), дважды передѣлывался и дополнялся, служилъ предметомъ дѣятельнаго обсужденія въ оффиціальныхъ сферахъ и не былъ разсмотрѣнъ окончательно, вслѣдствіе возникшихъ разногласій между различными вѣдомствами. Насколько извѣстно, этотъ проектъ, составленный министерствомъ внутреннихъ дѣлъ, имѣлъ въ послѣдней своей редакціи (1887 года) отчасти сословный характеръ и значительно ограничивалъ имущественныя права крестьянъ.

Сущность предположенныхъ правилъ заключалась въ слѣдующемъ. Земли, отведенныя въ надѣлъ крестьянамъ всѣхъ наименованій, не могутъ быть отчуждаемы изъ владѣнія сельскихъ обществъ и отдѣльныхъ крестьянъ-домохозяевъ въ руки лицъ, къ сельскому состоянію не принадлежащихъ, посредствомъ продажи, даренія или какими-либо иными способами. Крестьянскія надѣльныя земли, находящіяся во владѣніи сельскихъ обществъ или отдѣльныхъ домохозяевъ изъ крестьянъ, не могутъ быть представляемы въ залогъ ни для полученія ссуды отъ частныхъ лицъ или кредитныхъ учрежденій, ни по обязательствамъ съ казною, частными лицами или общественными или частными учрежденіями. Въ тѣхъ случаяхъ, когда продажа отдѣльныхъ частей крестьянскаго надѣла въ постороннія руки оказалась бы необходимою или когда она могла бы представить для крестьянъ особыя выгоды, министру внутреннихъ дѣлъ по соглашенію съ министромъ финансовъ предо-

ставляется разрѣшать такую продажу и впредь, но не иначе, какъ по ходатайству о томъ губернскаго крестьянскаго присутствія, основанному на надлежащемъ приговорѣ сельскаго общества. Отчужденіе земель допускается также и въ нѣкоторыхъ другихъ случаяхъ,—между прочимъ, посредствомъ наслѣдованія по закону или обычаю, а также при неисправномъ взносѣ выкупныхъ платежей, для огражденія интересовъ казны. На земли крестьянскаго надѣла не могутъ быть обращаемы взысканія для удовлетворенія претензій къ ихъ владѣльцамъ, и земли эти не подлежатъ продажѣ съ публичныхъ торговъ по судебнымъ рѣшеніямъ. Крестьяне, желающіе выйти изъ сельскаго общества и перейти въ другое сословіе, обязаны предварительно, при подворно-наслѣдственномъ пользованіи землею, продать принадлежащіе имъ участки лицамъ сельскаго состоянія, а при общинномъ владѣніи навсегда отказаться отъ своихъ правъ на состоящую въ ихъ пользованіи землю въ пользу подлежащаго сельскаго общества. Выдѣлъ участковъ отдѣльнымъ домохозяевамъ изъ земли, пріобрѣтенной цѣлымъ обществомъ крестьянъ и окончательно еще не выкупленной, допускается и впредь не иначе какъ съ согласія сельскаго общества, выраженнаго въ мірскомъ приговорѣ; затѣмъ примѣненіе 165-ой статьи положенія о выкупѣ пріостанавливается. Размѣръ выдѣляемаго участка не можетъ превышать той части земли, которая по числу душъ въ семействѣ выдѣляющагося домохозяина причитается на его долю по выкупному акту или по разверсткѣ сельскаго схода. Наконецъ, предполагалось образовать особую коммиссію для общаго пересмотра дѣйствующихъ узаконеній о порядкѣ пользованія и распоряженія землями крестьянскаго надѣла.

Таковы были, если не ошибаемся, существенныя черты проекта, выработаннаго въ 1887 году. Противъ предположенныхъ мѣръ выставлены были нѣкоторыя серьезныя возраженія. Можно было сказать, что этими правилами „совсѣмъ почти отнимается у крестьянъ всякое право свободнаго распоряженія пріобрѣтенными ими въ собственность землями и разрушается такимъ образомъ въ корнѣ установленное самимъ закономъ понятіе крестьянъ-собственниковъ". Если полезно ограничить права отдѣльныхъ крестьянъ по распоряженію надѣлами, то

нѣтъ основанія распространять это ограниченіе на цѣлыя сельскія общества, за которыми признается право собственности на надѣльныя земли. Понятно также, что запрещеніе отчуждать крестьянскіе надѣлы въ руки лицъ другихъ сословій нисколько не затрогиваетъ того зла, противъ котораго оно направлено, такъ какъ скупщики надѣльныхъ земель, сельскіе кулаки и міроѣды, принадлежатъ обыкновенно къ мѣстному же крестьянству. Проектированная временная мѣра, какъ заявлено было однимъ изъ вѣдомствъ, имѣетъ цѣлью огражденіе крестьянскаго земельнаго имущества, какъ сословной принадлежности; но случаи перехода крестьянской владѣльной земли въ собственность лицъ другихъ сословій довольно рѣдки, и тѣ вредныя явленія скупки и сосредоточенія надѣловъ, на которыя указывалось составителями проекта, совершаются почти исключительно въ самой крестьянской средѣ. „Разсматриваемое въ цѣломъ, крестьянское землевладѣніе за истекшее двадцатипятилѣтіе не только не сократилось, но даже увеличилось покупкой земли крестьянами на собственныя деньги или при содѣйствіи крестьянскаго банка“. Поэтому казалось бы болѣе правильнымъ и „болѣе согласнымъ съ задачами высшей хозяйственной политики поставить подъ охрану закона не только землевладѣніе крестьянскаго сословія, но вообще мелкую поземельную собственность какъ крестьянскаго населенія, такъ и другихъ сословій“. Неудобнымъ признавалось и запрещеніе отдавать надѣльныя земли въ залогъ, ибо во многихъ случаяхъ такая операція можетъ считаться выгодною для крестьянъ и для самой государственной казны,—напримѣръ, „когда общество пожелало бы путемъ залога пріобрѣсти новый участокъ для увеличившагося населенія или обезпечить землею принятую на себя поставку фуража или издѣлій кустарнаго производства“; въ первомъ случаѣ, при запрещеніи залога, „устройство безземельныхъ членовъ сельскаго общества всецѣло падетъ на государство, а во второмъ—казна вынуждена будетъ обращаться къ дорого стоющему посредничеству подрядчиковъ“. Относительно освобожденія надѣловъ отъ судебныхъ взысканій указано было на необходимость ограничительныхъ условій для того, чтобы новое правило не послужило въ пользу богатыхъ

домохозяевъ, успѣвшихъ скупить участки земли у бѣднѣйшихъ крестьянъ.

Этихъ критическихъ замѣчаній, высказанныхъ съ разныхъ сторонъ, было вполнѣ достаточно, чтобы усомниться въ цѣлесообразности упомянутаго проекта, хотя основная мысль его объ упроченіи и охранѣ крестьянскаго землевладѣнія встрѣчена была вообще сочувственно. При обсужденіи возможныхъ охранительныхъ мѣръ не разъ выставлялось на видъ, что наше дѣйствующее законодательство о поземельныхъ правахъ крестьянъ страдаетъ весьма существенными недостатками, пробѣлами и противорѣчіями, при которыхъ одна спеціальная реформа по вопросу о неотчуждаемости могла бы совершенно не достигнуть цѣли. Но достижима ли предполагаемая цѣль сама по себѣ въ томъ видѣ, какой придается ей проповѣдниками бюрократической опеки въ нашей печати? Дѣйствительно ли крестьянство нуждается въ ограниченіяхъ и запрещеніяхъ, чтобы удержать въ своихъ рукахъ землю и охранить свой хозяйственный бытъ отъ непоправимаго разстройства?

Принципъ неотчуждаемости крестьянскихъ земель имѣетъ у насъ многихъ сторонниковъ, и въ самомъ дѣлѣ, онъ имѣетъ важное достоинство—простоту и ясность. Если извѣстныя явленія вредны, то слѣдуетъ запретить ихъ: — что̀ можетъ быть проще такого разсужденія? Однако, ясность исчезаетъ и уступаетъ мѣсто цѣлому ряду недоразумѣній, когда мы отъ общей формулы переходимъ къ частностямъ. Чтобы обезпечить крестьянъ отъ обезземеленія, нужно было бы запретить или ограничить продажу надѣловъ между односельцами, ибо въ каждомъ сельскомъ обществѣ найдутся свои собственные дѣльцы, готовые пользоваться нуждою сосѣдей для пріобрѣтенія ихъ участковъ. Допуская свободный переходъ земель внутри крестьянскихъ обществъ, мы тѣмъ самымъ допустили бы сосредоточеніе надѣловъ въ рукахъ болѣе зажиточныхъ крестьянъ и превращеніе захудалыхъ хозяевъ въ пролетаріевъ; а послѣднимъ было бы, разумѣется, не легче отъ того, что вытѣснили ихъ не представители другихъ сословій и не посторонніе крестьяне, а свои же кулаки-односельцы. Охрана крестьянскаго землевладѣнія въ смыслѣ сословномъ нисколько не мѣшала бы развитію сельскаго пролетаріата и способствовала бы только

образованію новаго типа крупной поземельной собственности— типа грубаго и хищнаго, которому государство не имѣетъ ни малѣйшаго основанія покровительствовать въ ущербъ остальному населенію. Дѣлать пріобрѣтеніе крестьянскихъ надѣловъ исключительною привилегіею сельскихъ ростовщиковъ и міроѣдовъ было бы болѣе чѣмъ странно. Пришлось бы поэтому идти дальше и воспретить всякое вообще отчужденіе надѣльныхъ земель; а такъ какъ фактическая продажа участковъ легко прикрывалась бы арендными договорами съ обязательствомъ возобновленія ихъ послѣ срока, подъ страхомъ неустойки, то пришлось бы запретить и эти арендныя сдѣлки и обязательства. Но что помогутъ искусственныя стѣсненія и запрещенія, когда крестьянинъ остался безъ рабочаго скота и вынужденъ сдать свой участокъ въ постороннія руки? Что̀ дѣлать крестьянину съ землею, если у него нѣтъ ни лошади, ни сѣмянъ, и если въ силу какихъ-либо неблагопріятныхъ обстоятельствъ онъ поставленъ въ невозможность возстановить свое хозяйство? Очевидно, сдача надѣла болѣе зажиточному односельцу будетъ единственнымъ выходомъ изъ критическаго положенія, а разъ допущена сдача въ аренду—нельзя уже избѣгнуть допущенія замаскированныхъ продажъ. Въ этомъ заколдованномъ кругѣ печальныхъ необходимостей принципъ неотчуждаемости превратился бы въ мертвую букву и нанесъ бы наибольшій ущербъ именно тѣмъ элементамъ крестьянства, которые наиболыше нуждаются въ поддержкѣ и охранѣ. Мы не говоримъ уже о внутреннемъ противорѣчіи между двумя категоріями фактовъ: съ одной стороны, рабочій скотъ неисправнаго или обѣднѣвшаго хозяина принудительно продается за недоимки по распоряженію властей, послѣ чего дальнѣйшее веденіе хозяйства становится невозможнымъ, а съ другой—тому же крестьянину, оставшемуся безъ рабочаго скота, предписывается по прежнему обработывать свой участокъ и отнюдь не отчуждать его въ постороннія руки.

Само собою разумѣется, что ни къ какому другому классу населенія не примѣняются взгляды, сплошь и рядомъ прилагаемые къ крестьянству; нѣкоторые писатели требуютъ, напримѣръ, признанія крестьянскихъ земель государственными, т.-е. обратнаго отнятія у крестьянъ тѣхъ самостоятельныхъ

поземельныхъ правъ, которыя оффиціально предоставлены имъ въ 1861 году и за которыя они должны были уплачивать выкупныя деньги. При этомъ не считаютъ даже нужнымъ останавливаться надъ вопросомъ, какъ поступить съ выкупной операціею и слѣдуетъ ли удержать въ пользу казны денежные взносы, которые обязательно дѣлались крестьянами для укрѣпленія за ними права собственности на землю. Иные готовы смѣшивать подобные проекты конфискаціи съ идеею національзаціи земли, остерегаясь однако примѣнить эту идею къ землевладѣнію другихъ сословій, кромѣ крестьянскаго. Даже когда принимаются во вниманіе справедливые интересы крестьянъ въ связи съ безспорными правами, вытекающими изъ выкупной операціи, все-таки мысль о провозглашеніи права собственности государства спеціально на крестьянскія земли остается чѣмъ-то совершенно произвольнымъ, несогласнымъ съ элементарными началами справедливости [1]). Предлагая ограничить права крестьянъ по землевладѣнію во имя будто бы общенародной пользы, составители проектовъ обыкновенно ссылаются на то, что крестьяне получили землю при содѣйствіи правительства и что слѣдовательно они должны быть довольны всякими крохами правъ, какія будутъ признаны для нихъ достаточными. Эта точка зрѣнія не совсѣмъ основательна. Содѣйствіе правительства, особенно денежное, относилось больше къ помѣщикамъ, чѣмъ къ крестьянамъ; выкупная операція нужна была для первыхъ, а не для послѣднихъ. Крестьянскія права на землю, по укоренившимся народнымъ понятіямъ, не нуждались въ выкупѣ и имѣли свою прочную историческую основу; извѣстно, что черныя земли, составлявшія собственность крестьянскихъ волостей, были постепенно конфискованы государствомъ и отдавались служилымъ людямъ въ помѣстье и въ вотчину; этотъ переходъ крестьянъ, вмѣстѣ съ ихъ землями, въ частную собственность служилаго класса совершился

[1]) См., напр., въ книгѣ Л. В. Ходскаго: „Поземельный кредитъ въ Россіи и отношеніе его къ крестьянскому землевладѣнію“ (Москва, 1882), стр. 191—5. Этому вопросу посвящено, между прочимъ, сочиненіе г. Сазонова, довольно слабое по содержанію, но заключающее въ себѣ много интересныхъ фактическихъ данныхъ: „Неотчуждаемость крестьянскихъ земель въ связи съ государственно-экономическою программою“, Спб. 1889.

несомнѣнно при содѣйствіи государства, безъ всякаго выкупа, такъ что и позднѣйшее содѣйствіе обратному историческому процессу было вполнѣ естественно. Никто не предлагаетъ отнять или ограничить поземельныя права дворянства на томъ основаніи, что послѣднее плохо распоряжается землями, полученными когда-то отъ государства; никто не находитъ, что нужно воспретить дворянамъ отдавать имѣнія въ залогъ и отчуждать ихъ въ постороннія руки, въ виду легкомысленной готовности многихъ владѣльцевъ обременять свои земли долгами и растрачивать наслѣдственное достояніе, а между тѣмъ нельзя отрицать, что злоупотребленія кредитомъ, хищническое хозяйство и легкомысленныя отчужденія встрѣчаются и въ помѣщичьемъ классѣ, какъ и въ крестьянствѣ.

Спеціальныя ограничительныя мѣры для крестьянскаго землевладѣнія, не приведенныя въ связь съ общимъ законодательствомъ о крестьянахъ и съ фактическими условіями хозяйственнаго быта деревень, еще болѣе увеличили бы запутанность и противорѣчія въ этомъ важнѣйшемъ отдѣлѣ нашихъ законовъ, создали бы неизвѣстность и неопредѣленность правъ и отношеній въ области первостепенныхъ народныхъ интересовъ и внесли бы новыя стѣсненія въ трудную и безъ того экономическую жизнь крестьянства. Тѣ хорошія цѣли, которыя имѣются въ виду въ настоящее время, могли бы быть достигнуты единственно лишь регулированіемъ общиннаго землевладѣнія согласно существующимъ народнымъ обычаямъ и воззрѣніямъ. Признать и формулировать то, что̀ выработала сама жизнь, уничтожить искусственныя стѣсненія, неясности и противорѣчія въ законахъ облегчить тяжелое положеніе крестьянъ, насколько оно зависитъ отъ строгостей долговыхъ и податныхъ взысканій, наконецъ поставить надлежащія законныя преграды сельскому ростовщичеству и ограничить господство кабака внесеніемъ нравственныхъ, просвѣтительныхъ вліяній въ сельскую жизнь,—такова единственно возможная программа необходимыхъ охранительныхъ реформъ по отношенію къ нашему ослабѣвающему крестьянству.

Вмѣсто того, чтобы запрещать отчужденіе земель при отсутствіи условій для правильнаго хозяйства, слѣдовало бы принять мѣры противъ самыхъ причинъ, вызывающихъ продажу

крестьянскихъ участковъ, противъ обременительности налоговъ и повинностей, противъ злоупотребленій и беззаконій ростовщическаго кредита, противъ вреднаго господства письменныхъ документовъ надъ житейскою правдою въ рѣшеніяхъ и дѣйствіяхъ судебныхъ мѣстъ. Цѣлыя сельскія общества рѣдко отчуждаютъ свои земли, и если это дѣлается, то только съ какою-либо опредѣленною полезною цѣлью, для содѣйствія переселенію части крестьянъ или для пріобрѣтенія на вырученныя деньги удобнѣйшаго поземельнаго участка; затруднять эти хозяйственныя рѣшенія еще болѣе сложнымъ бюрократическимъ контролемъ, чѣмъ нынѣ, и доводить эти мелкія дѣла до центральныхъ правительственныхъ учрежденій, какъ предполагалось въ недавнемъ проектѣ, было бы неразсчетливо и безполезно. Если можно не довѣрять благоразумію отдѣльныхъ крестьянъ-собственниковъ, то нельзя отказать въ здравомъ смыслѣ и въ пониманіи хозяйственныхъ нуждъ цѣлымъ крестьянскимъ обществамъ; а гдѣ этотъ здравый смыслъ и пониманіе отсутствуютъ, тамъ чиновники уже не помогутъ. Общій упадокъ и отупѣніе могутъ обнаружиться въ чемъ угодно, но только не въ вопросѣ о землѣ, которою кормится крестьянство; почти во всѣхъ тѣхъ случаяхъ, когда селенія крестьянъ лишались какихъ-либо поземельныхъ правъ или рисковали остаться безъ земли вслѣдствіе невыгодныхъ сдѣлокъ (какъ, напр., въ извѣстномъ дѣлѣ порховскихъ крестьянъ съ мѣстнымъ городскимъ банкомъ), пострадавшіе оказывались просто жертвами обмана и злоупотребленій, вслѣдствіе своего повальнаго безграмотства, незнакомства съ законами и порядками,—и странное дѣло, именно эти обманы и злоупотребленія, совершаемые явно, на глазахъ всѣхъ, остаются безъ всякаго контроля со стороны многочисленныхъ мѣстныхъ учрежденій, призываемыхъ все къ новымъ и новымъ опекунскимъ обязанностямъ относительно крестьянскаго и поземельнаго быта. Еслибы эти обманы и злоупотребленія устранялись и преслѣдовались своевременно тѣми мѣстными органами, на которыхъ эта обязанность лежитъ по закону, то было бы гораздо меньше поводовъ придумывать новые проекты запретительныхъ правилъ, канцелярскаго контроля и опеки. Удивительнѣе всего, что вѣра въ бумажный контроль растетъ по мѣрѣ того, какъ обнаруживается безплодность такого контроля,

все предусматривающаго и направляющаго на бумагѣ, но едва замѣтнаго въ дѣйствительной жизни. Мѣстная власть, о крѣпости которой у насъ заботятся больше, чѣмъ въ какой-либо другой странѣ Европы, власть, снабженная центральнымъ правительствомъ болѣе обширными полномочіями, чѣмъ гдѣ бы то ни было, контролируетъ все и всѣхъ, какъ это и слѣдуетъ, съ точки зрѣнія государственной пользы; но нельзя не пожалѣть, что среди многихъ важныхъ задачъ и полномочій этого сложнаго мѣстнаго управленія не остается времени и мѣста для того, чтобы замѣчать и преслѣдовать крупнѣйшія злоупотребленія сельскаго ростовщичества и кулачества, отъ которыхъ страдаютъ и разоряются массы крестьянскихъ семействъ. Недостаточно еще устанавливать контроль и создавать для него строго обдуманные законы; нужно еще, чтобы законъ не былъ мечтою, чтобы онъ воплотился въ жизнь черезъ посредство разумныхъ и понимающихъ исполнителей, чтобы онъ на дѣлѣ соотвѣтствовалъ намѣреніямъ законодателя и не превратился въ лишнюю помѣху или простую формальность. Осуществить такія условія въ высшей степени трудно, и у насъ труднѣе, чѣмъ гдѣ бы то ни было, въ виду нашихъ громадныхъ пространствъ и нѣкоторыхъ другихъ обстоятельствъ; и тѣмъ не менѣе, всякій общественный вопросъ разрѣшается у насъ проектами не упрощенія, а усложненія законодательства и расширенія функцій канцеляризма. Такъ и въ поземельномъ вопросѣ важнѣйшая задача, стоящая на очереди,—пересмотръ всѣхъ неудачныхъ и противорѣчивыхъ постановленій о крестьянскомъ землевладѣніи, —отстраняется на задній планъ и уступаетъ мѣсто созданію новыхъ законовъ, которые должны внести еще бо̀льшую путаницу въ существующее законодательство о крестьянахъ.

III.

Двойственный взглядъ закона на общинное владѣніе. — Поземельныя права сельскихъ обществъ и отдѣльныхъ крестьянъ.—Колебанія законодательства по вопросу о правѣ распоряженія крестьянскими участками.—Вопросъ объ общинѣ.—Мотивы и условія передѣловъ.- Послѣдствія разложенія общинныхъ связей. — Необходимость регулировать общинное владѣніе.

Мы видѣли, что въ нашихъ дѣйствующихъ законахъ проводятся два противоположные взгляда на общинное владѣніе: съ одной стороны, право собственности на мірскую землю признается за сельскимъ обществомъ, а отдѣльнымъ членамъ принадлежитъ лишь право пользованія участками непостояннаго размѣра, по разверсткѣ, сообразно численному составу общины въ данное время; съ другой стороны, мірское владѣніе смѣшивается съ общею собственностью опредѣленныхъ лицъ, подлежащею раздѣлу и выдѣлу по желанію участковъ, причемъ собственникомъ является уже не цѣлое сельское общество. а каждый изъ членовъ въ точно обозначенной долѣ. Законъ причисляетъ къ „общественнымъ имуществамъ" земли, принадлежащія обществамъ сельскихъ обывателей, какъ это прямо выражено въ п. 3 ст. 414 I ч. X т.; въ слѣдующей же статьѣ названы „имуществами *частными*" „тѣ, кои принадлежатъ частнымъ лицамъ и сословіямъ лицъ, какъ-то компаніямъ, *товариществамъ* и конкурсамъ". Между тѣмъ, къ „общественному имуществу", къ мірской землѣ, примѣняются правила, заимствованныя изъ постановленій о владѣніяхъ *частныхъ* товариществъ и компаній; таковы именно принципы раздѣла и выдѣла, совершенно несоотвѣтствующіе тому опредѣленію поземельной общины, которое дано самимъ закономъ. Мало того: уподобляя общественныя земли владѣніямъ частныхъ товариществъ, законъ идетъ даже далѣе принциповъ этого частнаго общаго владѣнія въ дѣлѣ отрицанія общественныхъ правъ на мірскую землю; такъ, отдѣльные члены товариществъ, какъ участники въ общей собственности, могутъ отчуждать свои доли не иначе какъ съ согласія всѣхъ прочихъ, которымъ предоставлено въ этомъ случаѣ право предупредить отчужденіе и сохранить уступаемую часть за собою, заплативъ за нее деньгами по оцѣнкѣ

(ст. 548 и 555 ч. I т. X), а сельскія общества бывшихъ помѣщичьихъ крестьянъ не только лишены этого права преимущественной покупки по отношенію къ участкамъ надѣльной земли при продажѣ ихъ въ постороннія руки, но не могутъ даже отказать въ своемъ согласіи на окончательный выдѣлъ участковъ отдѣльнымъ членамъ общины, которые пожелаютъ внести сполна причитающуюся за эти участки выкупную ссуду. Такимъ образомъ, приписывая сельскимъ обществамъ право собственности на мірскую землю, законъ въ то же время отнимаетъ у обществъ даже тѣ права, которыя принадлежатъ частнымъ товариществамъ и компаніямъ относительно имущественныхъ долей отдѣльныхъ членовъ; законъ оставляетъ общину беззащитною противъ выдѣла и продажи участковъ въ постороннія руки, послѣ взноса выкупныхъ денегъ заинтерессованными лицами, и эта безправность міра въ дѣлѣ распоряженія выкупленною землею очевидно противорѣчитъ признанію права собственности обществъ на мірскія земли и вмѣстѣ съ тѣмъ не согласуется съ правилами объ общей собственности, установленными въ X томѣ.

Это основное внутреннее противорѣчіе обставлено, какъ мы видѣли, цѣлымъ рядомъ другихъ, менѣе значительныхъ: у бывшихъ помѣщичьихъ крестьянъ право выдѣла и отчужденія въ постороннія руки не зависитъ отъ согласія всего общества, когда дѣло идетъ о земляхъ крестьянскаго надѣла; а согласіе требуется относительно земель, пріобрѣтенныхъ внѣ надѣла, хотя казалось бы, что должно быть наоборотъ, въ виду назначенія земель, отведенныхъ крестьянамъ, служить постояннымъ фондомъ для обезпеченія ихъ хозяйственнаго быта. Далѣе, права обществъ шире въ этомъ отношеніи у государственныхъ крестьянъ, чѣмъ у бывшихъ владѣльческихъ; у государственныхъ крестьянъ выдѣлъ участковъ въ собственность отдѣльнымъ хозяевамъ допускается не иначе какъ съ согласія міра, и это положеніе дѣла не измѣняется досрочнымъ взносомъ выкупныхъ суммъ. Даже въ крестьянскихъ товариществахъ, купившихъ землю при содѣйствіи крестьянскаго банка, считается необходимымъ согласіе большинства, для окончательнаго выдѣла участковъ и передачи ихъ между сотоварищами (по закону 30-го мая 1888 г., ст. 2), а въ сельскихъ обществахъ, на-

дѣленныхъ землею по положеніямъ 19-го февраля, допущено расторженіе общинныхъ поземельныхъ связей по произволу отдѣльныхъ членовъ, въ ущербъ будущему.

Что касается права крестьянъ отчуждать надѣлы, то оно разсматривается закономъ исключительно съ точки зрѣнія фискальной, — съ точки зрѣнія заботы объ обезпеченіи правильныхъ взносовъ выкупныхъ платежей; никакой другой руководящей идеи не видно въ многочисленныхъ постановленіяхъ, касающихся этого предмета. Разъ казнѣ уплаченъ долгъ по выкупной ссудѣ, крестьянская земля тотчасъ становится предметомъ свободнаго оборота и можетъ быть продана на какихъ угодно основаніяхъ, съ полнымъ устраненіемъ правъ общины. Обязательный выдѣлъ участковъ въ случаѣ досрочнаго выкупа по требованію отдѣльныхъ хозяевъ, имѣетъ значеніе преміи за единовременный взносъ извѣстной суммы въ казначейство; этимъ отчасти и объясняется существованіе такого правила только для бывшихъ помѣщичьихъ крестьянъ, пріобрѣвшихъ землю при финансовомъ содѣйствіи правительства, ибо не было повода поощрять выдѣлы, не сопровождающіеся никакими уплатами въ казну, какъ напр., относительно самостоятельныхъ земельныхъ пріобрѣтеній сельскихъ обществъ и относительно земель государственныхъ крестьянъ.

Законодатель вообще исходилъ изъ того предположенія, что свободная личная собственность есть нормальное состояніе не только крупнаго, привиллегированнаго, но и мелкаго, народнаго землевладѣнія; предполагалось, что по окончаніи выкупной операціи не потребуется уже никакихъ охранительныхъ мѣръ для удержанія земли въ рукахъ крестьянства, и что свобода имущественнаго оборота приведетъ сама собою къ тому распредѣленію поземельной собственности, которое окажется наиболѣе выгоднымъ для успѣховъ земледѣлія. Однако, эта мобилизація крестьянскихъ земель стала приносить горькіе плоды; скупка надѣловъ сельскими капиталистами, ростовщиками и кабатчиками, принимала угрожающіе размѣры, и взглядъ закона на свободу сдѣлокъ относительно крестьянской земли замѣтно измѣнился. Дѣйствующіе законы несомнѣнно облегчаютъ процессъ обезземеленія крестьянъ, давая кулакамъ возможность скупать участки обѣднѣвшихъ хозяевъ даже безъ

согласія сельскихъ обществъ, путемъ досрочнаго выкупа. Противъ взгляда на землю, какъ на предметъ промышленнаго оборота, выдвинулись печальные и убѣдительные факты; законъ держится еще старой теоріи, но въ принципѣ допускаетъ уже необходимость ограниченія ея дѣйствія на практикѣ.

Это колебаніе закона между двумя различными направленіями выразилось въ весьма интересномъ законодательномъ актѣ, въ которомъ оба противоположные взгляда нейтрализовали себя взаимно и отняли силу у самого акта. Можно сказать, что это рѣдкій примѣръ въ исторіи законодательства, когда встрѣча двухъ общественныхъ теченій совершается наглядно въ одномъ и томъ же актѣ и приводитъ къ нейтрализаціи и безсилію всего положительнаго содержанія даннаго закона. Въ высочайше утвержденномъ мнѣніи государственнаго совѣта, 26-го мая 1881 года, разрѣшенъ въ двоякомъ смыслѣ вопросъ о порядкѣ отчужденія усадебной осѣдлости и прочаго недвижимаго имущества крестьянъ. Съ одной стороны, имѣлось несомнѣнно въ виду облегчить для крестьянъ формы перехода земель изъ рукъ въ руки, и для этого допущено совершеніе купли-продажи крестьянскихъ участковъ, цѣною не свыше 300 р., въ мѣстномъ волостномъ правленіи, посредствомъ внесенія въ особую книгу, безъ сложной нотаріальной процедуры, столь затруднительной для крестьянства. Установивъ это общее облегчительное правило, законъ вслѣдъ затѣмъ даетъ понять, что облегченіе перехода крестьянскихъ земель изъ рукъ въ руки совершенно нежелательно и что, напротивъ, необходимо по возможности изъять крестьянскіе надѣлы изъ числа предметовъ свободнаго промышленнаго оборота. Нейтрализація положительной части закона достигается, какъ это часто бываетъ, при помощи примѣчаній: въ первомъ изъ нихъ сказано, что „министру внутреннихъ дѣлъ, по соглашенію съ министромъ юстиціи, предоставляется дать мѣстнымъ начальствамъ ближайшія указанія о томъ, какія именно условія, установленныя для отчужденія недвижимой собственности, должны быть соблюдаемы волостными правленіями при совершеніи актовъ о переходѣ имущества на основаніи настоящаго узаконенія“. Во второмъ примѣчаніи предоставлено „министру внутреннихъ дѣлъ войти въ обсужденіе вопросовъ о томъ, не

слѣдуетъ ли установить какія-либо мѣры: 1) въ видахъ противодѣйствія скупкѣ въ однѣ руки крестьянскихъ земель, и 2) къ ограниченію отчужденія остающимися въ сельскомъ обществѣ крестьянами своихъ усадебъ, служащихъ единственнымъ мѣстомъ жительства для нихъ и ихъ семействъ". Послѣднее порученіе, возложенное на министерство внутреннихъ дѣлъ, само собою исключало мысль о дѣйствительномъ облегченіи способовъ перехода крестьянскихъ участковъ изъ рукъ въ руки и косвенно ставило въ обязанность министерству внутреннихъ дѣлъ не давать тѣхъ инструкцій и указаній, которыя сдѣлали бы возможнымъ примѣненіе новаго облегчительнаго правила, не соотвѣтствующаго уже истиннымъ намѣреніямъ законодателя. Министерство внутреннихъ дѣлъ такъ и поступило; оно воздержалось отъ составленія облегчительныхъ инструкцій и занялось вопросомъ о мѣрахъ противоположнаго свойства, могущихъ не облегчить, а ограничить переходъ недвижимыхъ имуществъ и усадебной осѣдлости между крестьянами. Законъ 26-го мая 1881 г. заключалъ въ себѣ внутреннее противорѣчіе и не могъ получить практическаго дѣйствія, какъ это было признано формально два года спустя; 1-й департаментъ сената въ 1883 г., согласно съ заключеніемъ министровъ внутреннихъ дѣлъ и юстиціи, разъяснилъ, что до изданія предположенныхъ правилъ и инструкцій примѣненіе на практикѣ приведеннаго мнѣнія государственнаго совѣта не можетъ имѣть мѣста [1]). Этотъ неудавшійся законъ является какъ бы поворотнымъ пунктомъ въ отношеніяхъ нашего законодательства къ свободѣ крестьянскаго землевладѣнія; съ тѣхъ поръ поднимается вопросъ о неотчуждаемости крестьянскихъ земель, и подготовительныя работы, начатыя въ 1884 году, завершились проектомъ, о которомъ мы говорили выше.

Въ положеніяхъ 19-го февраля несомнѣнно выражается взглядъ на поземельную общину, какъ на временную переходную форму, которая можетъ и должна исчезнуть для пользы земледѣльческой культуры. Предполагалось, что подворно-участковое наслѣдственное владѣніе будетъ нормальнымъ, окон-

[1]) См. сборникъ г. Данилова — „Положенія о сельскомъ состояніи", ч. I, стр. 119 и слѣд.

чательнымъ, что оно установится само собою послѣ естественнаго и неизбѣжнаго разложенія общинныхъ связей, стѣснительныхъ для земледѣлія. Но это предположеніе оказалось ошибочнымъ. Община обнаружила несравненно бо́льшую жизненность, чѣмъ можно было думать съ точки зрѣнія теоретическихъ ея противниковъ; община не погибла даже тамъ, гдѣ совершился видимый формальный переходъ къ подворному владѣнію; она вновь водворяется въ тѣхъ крестьянскихъ земляхъ, которыя раньше подлежали дѣйствію началъ личной собственности, какъ напр., въ земляхъ однодворцевъ, четвертныхъ владѣльцевъ. Во многихъ мѣстностяхъ Россіи коренные передѣлы по наличному числу душъ стали совершаться только въ восьмидесятыхъ годахъ; крестьяне вообще связывали идею передѣловъ съ фактомъ народной переписи, и даже не знали о существованіи закона, дозволяющаго дѣлить землю по наличнымъ душамъ, независимо отъ новой ревизіи. Понятно, что со времени послѣдней, десятой ревизіи 1857 года составъ крестьянскихъ семействъ значительно измѣнился и количество числившихся за ними ревизскихъ душъ уже не соотвѣтствовало дѣйствительности; малосемейные дворы имѣли за собою больше душъ и, слѣдовательно, больше земли, чѣмъ многосемейные, и неравномѣрность распредѣленія надѣловъ давала себя чувствовать все сильнѣе. Долго и напрасно ожидалась ревизія, которая возстановила бы необходимое соотвѣтствіе между наличнымъ числомъ душъ въ каждой семьѣ и отведеннымъ ей поземельнымъ надѣломъ. Ревизіи не было, а неблагопріятныя хозяйственныя условія, въ какихъ очутилась значительная часть крестьянства, повсюду выдвинули на первый планъ вопросъ о передѣлѣ общинныхъ земель. Мало-по-малу, стали совершаться передѣлы у государственныхъ крестьянъ, затѣмъ у бывшихъ помѣщичьихъ, наконецъ, даже у четвертныхъ владѣльцевъ; во многихъ мѣстахъ продолжаются еще горячіе споры и столкновенія между сторонниками и противниками передѣловъ. Четвертные крестьяне, перешедшіе къ общинному владѣнію, напр., въ Рязанской губерніи, по словамъ мѣстнаго изслѣдователя, опасаются даже говорить, что были когда-то четвертными: „пожалуй, опять въ четвертныхъ обратятъ“; теперь, какъ говорятъ сами крестьяне, „хоть ка-

кой-нибудь хлѣбъ, да всѣ ѣдятъ, а по старому, многимъ бы теперь помирать пришлось" [1]).

Тоже самое видимъ мы и въ нѣмецкихъ колоніяхъ Самарской и Саратовской губерній, гдѣ первоначальное подворно-наслѣдственное владѣніе давно уже уступило мѣсто системѣ срочно-обязанныхъ передѣловъ по душамъ. Въ Камышинскомъ уѣздѣ Саратовской губерніи оказалось по земскому изслѣдованію, что „многія колоніи практикуютъ давно и даже раньше многихъ русскихъ общинъ общинные передѣлы своихъ надѣльныхъ земель". Въ нѣкоторыхъ колоніяхъ Саратовскаго уѣзда производятся уравнительные передѣлы по наличнымъ душамъ, и колонисты объясняютъ это тѣмъ соображеніемъ, что „мертвымъ хлѣба не надо, а живые ѣсть хотятъ". Общинные порядки помогаютъ колонистамъ предпринимать необходимыя улучшенія и общественныя работы, напр., устраивать канавы, содержать общіе караулы, принимать мѣры противъ вредныхъ насѣкомыхъ; въ колоніяхъ процвѣтаетъ огородничество, садоводство, и передѣлы нисколько не мѣшаютъ высокой, интенсивной культурѣ [2]). Примѣръ нѣмецкихъ колоній служитъ нагляднымъ опроверженіемъ того предразсудка, что общинное владѣніе несовмѣстимо съ успѣшнымъ ходомъ и развитіемъ сельскаго хозяйства. У крестьянъ великороссійскихъ губерній даже усадебныя земли, кромѣ дворовыхъ мѣстъ, находятся обыкновенно въ общинномъ пользованіи и подвергаются періодическимъ передѣламъ, хотя законъ предполагаетъ эти земли въ наслѣдственномъ владѣніи крестьянскихъ дворовъ; послѣ пожаровъ и дворовыя мѣста распредѣляются по новому. При передѣлѣ участковъ, обработка которыхъ требовала извѣстныхъ затратъ, назначается хозяевамъ соотвѣтственное вознагражденіе [3]).

Мотивы передѣловъ вполнѣ естественны и понятны, съ

---

[1]) „Сѣв. Вѣстникъ", 1889, статья г. В. В.: „Что дѣлается въ общинѣ", стр. 30 и др.

[2]) „Юридич. Вѣстникъ", 1887, кн. 10, ст. г. Л. Личкова объ общинномъ владѣніи у нѣмецкихъ колонистовъ.

[3]) Интересныя данныя по этому предмету приведены въ ст. г. Соколовскаго: „О формахъ владѣнія усадебною землею у великороссійскихъ крестьянъ и ея культурѣ" (Труды Имп. Вольно-экон. общества, 1886, кн. 4 и 5).

точки зрѣнія народнаго взгляда на землю, какъ на общій источникъ существованія и обезпеченія земледѣльцевъ. Одни семейства размножаются, другія вымираютъ, сокращаются, и при неподвижности надѣловъ, первыя голодали-бы, а послѣднія имѣли-бы избытокъ; чувство справедливости заставляетъ желать возстановленія нарушеннаго равновѣсія. Оттого передѣлы совершаются и тамъ, гдѣ они невыгодны или безразличны для большинства, но гдѣ существуетъ уже значительный процентъ крестьянъ, обдѣленныхъ или недостаточно надѣленныхъ землею. Для рѣшенія вопроса о передѣлѣ требуется по закону большинство $^{2}/_{3}$ голосовъ; но въ дѣйствительности, такого большинства никогда не могло-бы составиться, еслибы всѣ крестьяне, особенно зажиточные, руководствовались въ этихъ случаяхъ одними лишь соображеніями о личныхъ выгодахъ и интересахъ. Земскіе статистики Тамбовской, Орловской, Воронежской и нѣкоторыхъ другихъ губерній произвели точный анализъ свѣдѣній о составѣ сельскихъ обществъ, совершившихъ передѣлы по наличнымъ душамъ, и оказалось, что вездѣ значительная часть хозяевъ потерпѣла ущербъ отъ передѣла, другая часть оставалась при прежней величинѣ участковъ, и около половины (или болѣе) крестьянъ получали увеличенные надѣлы. Такимъ образомъ, для составленія законнаго большинства $^{2}/_{3}$ голосовъ, необходимо было, чтобы къ нуждающимся крестьянамъ, требующимъ передѣла, присоединилась и нѣкоторая часть зажиточныхъ, которые не только ничего не выигрывали, но даже терпѣли ущербъ отъ новой разверстки земли. А когда такого зажиточнаго крестьянина спросятъ, почему онъ подалъ голосъ за передѣлъ, онъ отвѣтитъ просто: „много было семей безъ земли, а я и одной душою прокормлюсь“, или подобно нѣмецкимъ колонистамъ сошлется на то, что „мертвыя ревизскія души не нуждаются въ землѣ, а живыя ѣсть хотятъ“. Изъ этого видно, что въ рѣшеніяхъ крестьянъ-общинниковъ играютъ большую роль нравственные, общественны мотивы, которымъ законъ не имѣетъ конечно повода противодѣйствовать [1]).

[1]) „Сѣв. Вѣстникъ“, 1890, кн. 9; „Регрессивныя явленія въ общинѣ“, В. В., стр. 30 и сл.

Наши обычныя понятія о правѣ поземельной собственности не совпадаютъ съ понятіями народными, и въ этомъ случаѣ преимущество жизненной правды, конечно, не на нашей сторонѣ. Мы можемъ напомнить здѣсь мѣткое сравненіе, которымъ сами крестьяне объясняютъ достоинства общиннаго порядка въ пользованіи землею. По словамъ одного изъ нашихъ изслѣдователей, крестьяне сравниваютъ общинное владѣніе съ рукавицею, а личную собственность—съ дворянской перчаткою: „въ дворянской перчаткѣ у каждаго пальца свой чуланчикъ, и въ морозъ они зябнутъ; въ крестьянской рукавицѣ всѣ пальцы вмѣстѣ, и другъ друга грѣютъ“. Мы привыкли зябнуть въ индивидуализмѣ и имѣемъ полное право оставаться при своихъ привычкахъ; но крестьяне привыкли грѣть другъ друга въ общинномъ порядкѣ жизни, и мы не имѣемъ никакого основанія навязывать имъ болѣе холодныя формы быта [1]).

Что система личной поземельной собственности, даже при благопріятныхъ хозяйственныхъ условіяхъ, неизбѣжно приводитъ крестьянъ къ обѣдненію и къ потерѣ земли, это какъ нельзя болѣе убѣдительно доказано печальнымъ опытомъ послѣднихъ десятилѣтій. Гдѣ только домохозяева располагали свободою разрушенія общинныхъ связей, тамъ обнаруживались всѣ признаки экономическаго разстройства и упадка. Поразительный примѣръ въ этомъ родѣ представляетъ недавняя исторія крестьянъ Порховскаго уѣзда Псковской губерніи. Мѣстный землевладѣлецъ Пантелѣевъ назначилъ по завѣщанію около милліона рублей на выкупъ крестьянскихъ земель въ уѣздѣ, чтобы улучшить хозяйственный бытъ мѣстныхъ крестьянъ; на эти средства выкуплено было болѣе 9 тысячъ душевыхъ надѣловъ въ 250 селеніяхъ, въ количествѣ свыше 43 тысячъ десятинъ. Крестьяне сдѣлались полными собственниками; они сразу перешли въ то положеніе, которое предполагается закономъ, какъ нормальное, для всей вообще крестьянской массы, по окончаніи выкупа. Всѣ охранительныя общинныя связи, допущенныя закономъ лишь въ видѣ финансовой гарантіи, впредь до погашенія выкупной ссуды, отпали сами собою въ

---

[1]) Ср. мою статью въ „Вѣстникѣ Европы“, 18[illegible], № 8; „Къ вопросу о новомъ гражданскомъ кодексѣ“, стр. 795—6.

данномъ случаѣ, послѣ того какъ выкупной долгъ былъ сполна уплаченъ изъ суммъ Пантелѣева. Крестьяне получили право продавать и закладывать свои надѣлы безъ согласія міра; общинное владѣніе лишилось своихъ главнѣйшихъ гарантій и въ сущности перестало существовать фактически, въ силу закона. Каждый отдѣльный крестьянинъ могъ по закону потребовать выдѣла своей части и продать кому угодно; противъ этого не могли помочь приговоры сельскихъ обществъ о недопущеніи продажи надѣловъ въ постороннія руки, ибо такіе приговоры противорѣчили закону, а именно статьямъ 165 и 169 положенія о выкупѣ, по которымъ согласіе міра на выдѣлъ и распоряженіе участками требуется лишь до погашенія выкупной ссуды. Произошла быстрая ликвидація многихъ хозяйствъ. Черезъ нѣсколько лѣтъ почти всѣ селенія, воспользовавшіяся благодѣяніемъ Пантелѣева, очутились въ гораздо худшихъ обстоятельствахъ, чѣмъ деревни, продолжающія выкупъ и поставленныя еще въ условія обыкновеннаго общиннаго быта. Наконецъ, дошло до того, что земли десяти крестьянскихъ обществъ были назначены къ продажѣ съ публичнаго торга для удовлетворенія претензіи мѣстнаго городского банка. Предположенная аукціонная продажа надѣлала шуму въ печати; употреблены были неимовѣрныя усилія, чтобы достигнуть пріостановки публичныхъ торговъ, назначенныхъ банкомъ; подавались прошенія министрамъ внутреннихъ дѣлъ и финансовъ, ходатайствовало и вольно-экономическое общество, и наконецъ за нѣсколько дней до рокового срока крестьяне обратились съ всеподданнѣйшею просьбою на Высочайшее имя, послѣ чего аукціонъ былъ пріостановленъ. Болѣе мелкіе аукціоны подобнаго рода постоянно совершаются безъ всякихъ затрудненій, выбрасывая на улицу сотни крестьянскихъ семействъ при помощи судебныхъ и полицейскихъ исполнителей,—подобно тому, какъ и въ данномъ случаѣ мѣстная власть не встрѣтила препятствій къ распродажѣ всего земельнаго обезпеченія цѣлыхъ десяти селеній.

Для избѣжанія подобнаго обезземеленія крестьянъ безусловно необходимо, чтобы законъ не вносилъ искусственныхъ разлагающихъ элементовъ въ поземельный бытъ сельскихъ общинъ, чтобы законъ не ослаблялъ, а санкціонировалъ существующія

общинныя связи, чтобы крестьянскія земли, даже находящіяся въ подворномъ пользованіи, признавались собственностью обществъ, согласно народнымъ юридическимъ воззрѣніямъ. Прочное участковое владѣніе вполнѣ совмѣстимо съ существованіемъ общины и вовсе не предполагаетъ ея упраздненія [1]). Часть земель можетъ не подлежать періодическимъ передѣламъ, оставаясь тѣмъ не менѣе собственностью всего общества; отдѣльные хозяева могутъ пользоваться постоянными участками пахатной земли, и однако право собственности сохраняется за міромъ, для будущаго; общинныя права имѣютъ при этомъ полную силу и въ настоящемъ, относительно луговъ, выгоновъ и лѣса. Болѣе внимательное отношеніе къ особенностямъ народнаго землевладѣнія указало бы на существованіе различныхъ типовъ общины, къ которымъ не могутъ быть примѣнены однообразныя правила; поэтому законъ долженъ избѣгнуть принудительной регламентаціи и предоставить самимъ общинамъ болѣе точное опредѣленіе поземельныхъ правъ и обязанностей домохозяевъ относительно крестьянскаго надѣла.

Если крестьянскія земли будутъ признаны собственностью обществъ даже при постоянной величинѣ участковъ отдѣльныхъ

---

[1]) Ср. мнѣнія нѣкоторыхъ изъ лучшихъ знатоковъ нашей общины, какъ напр., гг. Соколовскаго и Кейсслера. Г. Соколовскій возражаетъ противъ того взгляда нѣкоторыхъ земскихъ изслѣдователей, что передѣлы составляютъ существенную черту общинной формы землевладѣнія и что съ прекращеніемъ коренныхъ передѣловъ уничтожается и общинное землевладѣніе. „Основной принципъ общины состоитъ въ признаніи земли общею собственностью или владѣніемъ всѣхъ членовъ общины, изъ которыхъ каждый имѣетъ равное съ другими право на пользованіе всѣми общинными угодьями. Это право можетъ быть осуществляемо различными способами: при обиліи земли—выселеніемъ части членовъ общины на незанятыя земли общинной территоріи, при ограниченности ея—періодическими передѣлами, а при недостаткѣ—обработкой почвы сообща или прикупкой земли на счетъ общины и выселеніемъ туда части членовъ; въ первомъ и третьемъ случаяхъ въ передѣлахъ, очевидно, нѣтъ надобности“ (Труды Имп. Вольно-экон. общества, 1886, № 9; „Передѣлы пахатной земли у бывшихъ госуд. крестьянъ“, стр. 21, примѣч.). Много дѣльныхъ замѣчаній о реформѣ общиннаго землевладѣнія высказано въ заключительномъ томѣ упомянутаго уже нами выше сочиненія г. Кейсслера (т. III), стр. 283—352. Существенное содержаніе этого тома резюмировано самимъ авторомъ въ „Вѣстникѣ Европы“, 1887, декабрь, стр. 785—806. О типѣ общины безъ періодическихъ передѣловъ ср. также взгляды К. Д. Кавелина и примыкающія къ нимъ разсужденія проф. П. Иванюкова (Политическая экономія, Спб., 1885, предисл., стр. X–XV, и глава объ общинномъ землевладѣніи, стр. 139—192).

дворовъ, какъ это соотвѣтствуетъ народнымъ понятіямъ, и если положенъ будетъ конецъ принудительному разложенію общины путемъ раздѣла и выдѣла, то возможность продажи надѣловъ въ постороннія руки устранится сама собою. То, что составляетъ общественную собственность, не можетъ быть отчуждаемо отдѣльными членами общества, и сами общества подчиняются въ этомъ случаѣ правиламъ, установленнымъ для распоряженія общественною, а не частною собственностью. Необходимо также, чтобы послѣдовательно былъ проведенъ принципъ принадлежности имущества крестьянскаго двора всей семьѣ, а не одному домохозяину; поэтому для временной сдачи надѣла односельцу и для формальныхъ имущественныхъ обязательствъ должно быть требуемо согласіе всѣхъ взрослыхъ членовъ семьи даннаго двора; во-вторыхъ, общинѣ должно быть предоставлено право смѣнить неисправнаго или пьянствующаго домохозяина, съ передачею веденія хозяйства одному изъ ближайшихъ его родственниковъ, независимо отъ случаевъ семейныхъ раздѣловъ и накопленія недоимокъ. Въ изданныхъ недавно временныхъ правилахъ о волостномъ судѣ признается особымъ проступкомъ — „мотовство и пьянство", влекущія за собою „разстройство хозяйства" (ст. 17 и 38). За эти проступки назначается арестъ отъ 7 до 15 дней или тѣлесное наказаніе; но карательныя мѣры за такой распространенный и притомъ неопредѣленный проступокъ, какъ пьянство, едва-ли могутъ считаться цѣлесообразными, особенно если сами волостные судьи не чужды этого порока. Хозяйство не пойдетъ лучше отъ того, что будетъ наказанъ глава семьи; для огражденія семейныхъ интересовъ несравненно важнѣе и нужнѣе признаніе за общиной права смѣнить порочнаго домохозяина, по просьбѣ другихъ взрослыхъ членовъ крестьянской семьи. Обществу, какъ справедливо полагаетъ г. Кейсслеръ, должно также принадлежать право преимущественной покупки участка, находящагося въ постоянномъ пользованіи отдѣльнаго крестьянскаго семейства и подлежащаго добровольной или принудительной продажѣ [1].

Для охраны интересовъ отдѣльныхъ домохозяевъ отъ про-

[1] J. v. Keussler, Th. III, стр. 335 и сл.

извола или злоупотребленій большинства могутъ быть внесены въ законъ нѣкоторыя правила, выработанныя сенатскою практикою; много полезныхъ указаній даютъ по этому предмету рѣшенія 2-го департамента правительствующаго сената. Такъ, по поводу спора о способахъ и основаніяхъ передѣла общинной земли, сенатъ призналъ, что „установленіе общихъ оснований для опредѣленія доли участія каждаго въ пользованіи мірскимъ надѣломъ зависитъ отъ сельскаго схода, приговоры коего по сему предмету разсмотрѣнію учрежденій по крестьянскимъ дѣламъ по существу не подлежатъ". Далѣе, „при общинномъ пользованіи землею сельскій сходъ не въ правѣ лишать кого-либо изъ своихъ членовъ права участія въ пользованіи земельнымъ надѣломъ и можетъ отбирать отъ своихъ членовъ, какъ при общемъ передѣлѣ, такъ и при скидкѣ и накидкѣ тяголъ, только часть ихъ надѣловъ"; сельскій сходъ не въ правѣ также „обезземеливать женщинъ, пользующихся землею на правахъ домохозяевъ"; общество „въ правѣ не надѣлять полевою землею тѣхъ изъ своихъ членовъ, которые, отсутствуя изъ мѣста своего жительства, осѣдлости въ обществѣ не имѣютъ и хозяйства въ немъ не ведутъ, впредь до возвращенія ихъ въ общество на жительство и обзаведенія хозяйствомъ". При общинномъ владѣніи часть надѣльной земли можетъ быть отобрана у домохозяина по приговору общества не только при общемъ передѣлѣ земли, но и при частныхъ, производимыхъ обществомъ для уравненія землевладѣнія между нѣкоторыми отдѣльными домохозяевами, при измѣненіи состава рабочихъ силъ и потребности отдѣльныхъ семей въ землѣ", т.-е. допускается „уравненіе поземельныхъ надѣловъ въ общинѣ посредствомъ отобранія участковъ надѣльной земли отъ малосемейныхъ въ пользу многосемейныхъ домохозяевъ". Наконецъ, „сельское общество можетъ отбирать отъ неисправныхъ плательщиковъ полевой надѣлъ только временно, въ видѣ понудительной мѣры при накопленіи недоимокъ, а не навсегда лишать кого-либо изъ членовъ участія въ пользованіи землею" [1]). Эти и подобныя имъ положенія могли бы послужить готовымъ мате-

[1]) Сборникъ рѣш., И. Л. Горемыкина, № 128, 237, 241, 266 и др.; см. также сборникъ рѣшеній перваго департ., И. Данилова (Спб., 1890).

ріаломъ для регулированія взаимныхъ отношеній между сельскимъ обществомъ и отдѣльными домохозяевами, въ области поземельныхъ правъ и интересовъ.

Такимъ образомъ, задача законодательства по отношенію къ крестьянскому землевладѣнію заключается вовсе не въ томъ, чтобы придумывать новые способы бюрократической опеки и охраны; не требуется также искусственнаго поддержанія общинныхъ порядковъ,—достаточно только отказаться отъ легальнаго поощренія элементовъ, содѣйствующихъ искусственному разложенію общины. Необходимо признать право общины на самостоятельное существованіе и развитіе, согласно народнымъ юридическимъ обычаямъ и понятіямъ, и устранить помѣхи и преграды, поставленныя ошибочною поземельною политикою прежняго времени. Чтобы помочь крестьянству, нужно прежде всего измѣнить или отмѣнить неудачные законы и порядки, подрывающіе основы его хозяйственнаго быта.

IV.

Способы казенныхъ и частныхъ взысканій съ крестьянъ.—Сравненіе нашихъ законовъ съ французскими. — Неопредѣленность существующихъ охранительныхъ правилъ.—Нерѣшенный вопросъ о необходимыхъ принадлежностяхъ крестьянскаго хозяйства, неподлежащихъ аресту и продажѣ за долги и недоимки.—Послѣдствія этой неопредѣленности на практикѣ. — Печальные примѣры и факты.—Потребность въ ясномъ и точномъ законѣ.

Главнымъ источникомъ бѣдствій, обрушивающихся на крестьянство, является наша устарѣлая и нецѣлесообразная система взысканія податей. Налоги тяжелы для плательщиковъ не своею величиною, а исключительно способомъ собиранія ихъ въ неудобные сроки, въ тѣ именно мѣсяцы, когда въ деревнѣ господствуетъ полное безденежье. Строгость податныхъ взысканій заставляетъ крестьянъ искать денегъ на какихъ угодно условіяхъ, такъ что одно зло неизбѣжно влечетъ за собою другое, еще болѣе страшное,—ростовщичество въ разныхъ видахъ и формахъ. Податная система подготовляетъ почву для широкаго развитія и процвѣтанія сельскаго ростовщичества, а законы о долговыхъ взысканіяхъ даютъ прину-

дительную силу всѣмъ ростовщическимъ требованіямъ и всецѣло отдаютъ задолжавшихъ крестьянъ въ руки безпощадныхъ кредиторовъ. Все связано между собою въ этой цѣпи тягостныхъ условій, подавляющихъ крестьянскую жизнь, а между тѣмъ законы, которыми держится этотъ порядокъ вещей, не имѣютъ, конечно, въ виду ничего подобнаго и напротивъ проникнуты вообще самыми лучшими намѣреніями.

Если держаться буквы законовъ,—впрочемъ, весьма разнородныхъ и не сведенныхъ къ единству,—то земледѣльческій классъ пользуется у насъ особенно заботливою охраною со стороны государства. Повидимому, весь механизмъ мѣстныхъ крестьянскихъ учрежденій пускается въ дѣло для обезпеченія крестьянъ-недоимщиковъ и должниковъ отъ публичной продажи имущества, составляющаго необходимость въ крестьянскомъ хозяйствѣ. Относительно сбора и взысканія налоговъ существуютъ, повидимому, достаточно льготныя постановленія. Срокъ для взноса податей, выкупныхъ платежей и другихъ окладныхъ сборовъ, назначается „за первую половину года, съ 1-го января по 30-е іюня, а за вторую съ 1-го іюля по 31-е декабря включительно". Въ предѣлахъ этихъ сроковъ, губернское по крестьянскимъ дѣламъ присутствіе, по истребованіи отзывовъ волостныхъ сходовъ и заключеній уѣздныхъ крестьянскихъ присутствій, опредѣляетъ въ точности для крестьянъ каждой волости, „въ какой именно промежутокъ времени и какая часть оклада должна быть внесена", при чемъ предписано „руководствоваться дѣйствительною мѣстною потребностью, отнюдь не допуская послабленія назначеніемъ болѣе отдаленныхъ, чѣмъ необходимо, сроковъ платежа". Въ этомъ случаѣ законъ предполагаетъ весьма сложную и продолжительную канцелярскую переписку между губернскимъ присутствіемъ съ одной стороны и волостными сходами и уѣздными присутствіями —съ другой; такая переписка не только потребовала бы массы времени, но вѣроятно была бы совершенно не по силамъ персоналу мѣстныхъ исполнителей, даже если допустить, что эти исполнители—люди идеально-добросовѣстные. Далѣе, волостные старшины и сельскіе старосты „должны предупреждать и самое накопленіе недоимокъ" и по истеченіи частныхъ сроковъ могутъ „принимать мѣры побужденія въ отношеніи плательщи-

ковъ“ и подвергать ихъ взысканію. Не позже семи дней по истеченіи окончательныхъ сроковъ, 30-го іюня и 31-го декабря, казначейства сообщаютъ въ полицейскія управленія недоимочные реэстры „для распоряженія о пополненіи недоборовъ нынѣ дѣйствующимъ порядкомъ“ (общее положеніе, по продолж. 1879 г., прим. къ ст. 168). Въ отношеніи неисправныхъ плательщиковъ казенныхъ и мірскихъ повинностей предоставляется: „подвергнуть продажѣ принадлежащее недоимщику лично недвижимое имущество, за исключеніемъ лишь выкупленной крестьяниномъ усадьбы; продать ту часть движимаго имущества и строеній недоимщика, которая не составляетъ необходимости въ его хозяйствѣ; отобрать у недоимщика часть отведенныхъ ему полевыхъ угодій или даже весь его полевой надѣлъ“ (только „въ крайнихъ случаяхъ“, какъ оговорено въ примѣчаніи). Противъ всего сельскаго общества, оказавшагося неисправнымъ, дѣйствуетъ полиція, — „посредствомъ продажи крестьянскаго движимаго имущества, если вслѣдствіе какого-либо бѣдствія не сдѣлано, по предварительному о томъ ходатайству, отсрочки въ платежѣ“ (общее полож., ст. 188—190). При взысканіи выкупныхъ платежей исключается изъ описи „то, что составляетъ необходимость въ крестьянскомъ хозяйствѣ и не можетъ быть продано безъ разоренія крестьянъ“ (полож. о выкупѣ, ст. 129). Та же стереотипная фраза повторяется и въ законѣ 1889 года о платежахъ, слѣдующихъ крестьянскому поземельному банку (Собраніе узаконеній, 1889, № 96, ст. 807). Наконецъ, допускается въ широкихъ размѣрахъ облегченіе по взысканію налоговъ; такъ, по указу 1877 года, можетъ быть сдѣлана разсрочка выкупныхъ взносовъ не только съ цѣлыхъ обществъ, но и съ отдѣльныхъ крестьянъ, „оказывающихся, вслѣдствіе какихъ-либо несчастныхъ событій, несостоятельными ко взносу выкупныхъ платежей“; уплата разсрочивалась до пяти лѣтъ, не свыше трехъ тысячъ рублей по каждой волости. Указъ 3-го апрѣля 1889 года еще болѣе расширилъ примѣненіе этого правила: министръ финансовъ, по соглашенію съ министромъ внутреннихъ дѣлъ, можетъ „разрѣшать отсрочку и разсрочку недоимокъ окладныхъ сборовъ и выкупныхъ платежей, числящихся на сельскихъ обывателяхъ всѣхъ наименованій безъ

ограниченія суммы, съ тѣмъ, чтобы продолжительность отсрочки не превышала 5 лѣтъ, общая же продолжительность той или другой льготы—десяти лѣтъ". При возбужденіи ходатайствъ о дарованіи сельскимъ обывателямъ льготъ по взносу окладныхъ сборовъ и выкупныхъ платежей, губернское начальство дѣлаетъ распоряженіе о пріостановленіи взысканія недоимокъ, впредь до разрѣшенія этого ходатайства (Собр. узак., 1889, № 54, ст. 429).

Подобныя же охранительныя правила установлены и для взысканія частныхъ долговъ съ крестьянъ. Такъ, опись вещей производится судебнымъ приставомъ „не иначе какъ въ присутствіи сельскаго старосты и волостного старшины для опредѣленія того, какая часть изъ имущества крестьянина-должника можетъ быть продана на удовлетвореніе истца, безъ разстройства крестьянскаго хозяйства"; а при взысканіи съ цѣлаго общества, опись представляется въ мѣстное по крестьянскимъ дѣламъ присутствіе „для отмѣтки того, что̀ изъ описаннаго имущества составляетъ необходимость въ крестьянскомъ хозяйствѣ и не можетъ быть продано безъ разоренія крестьянъ" (общее положеніе о кр. по продолж. 1879 г., прилож. къ ст. 24, прим. 4). По другому закону, „до погашенія выкупной ссуды, взысканіе съ крестьянъ по таковымъ (частнымъ) долгамъ не можетъ быть обращено на пріобрѣтенную при посредствѣ выкупной операціи землю и необходимыя принадлежности хозяйства и сельскаго промысла крестьянъ" (полож. о выкупѣ, ст. 126). Признаются также сохранившими свою силу весьма льготныя правила „устава о благоустройствѣ въ казенныхъ селеніяхъ"; по этимъ правиламъ судъ, при отсутствіи у отвѣтчика средствъ на уплату долга, даетъ ему отсрочку до двухъ мѣсяцевъ, затѣмъ обращаетъ взысканіе на доходъ съ недвижимаго имущества, если послѣднее имѣется у должника внѣ его надѣла; при неимѣніи такого имущества, „сельскій староста, подъ надзоромъ сельскаго старшины, описываетъ движимое имущество и назначаетъ изъ онаго къ продажѣ такую часть, которая, не разстраивая хозяйства и не останавливая земледѣльческихъ и промышленныхъ занятій, отъ которыхъ отвѣтчикъ получаетъ содержаніе, достаточна будетъ на удовлетвореніе взысканія". Далѣе, „изъ движимаго имущества осво-

бождаются также отъ продажи предметы, необходимые для уплаты годового оклада податей и содержанія семейства отвѣтчика, какъ-то: ежедневная одежда, домашняя утварь, земледѣльческія орудія, сѣмена для засѣва и съѣстные припасы, потребные для пропитанія". „Рабочій и вообще домашній скотъ, необходимый для полевыхъ работъ и пропитанія, не можетъ быть обращенъ въ продажу, если въ немъ нѣтъ явнаго излишества". Предварительно дѣлается оцѣнка имущества избранными со стороны истца и отвѣтчика посредниками; наконецъ, „домы государственныхъ крестьянъ, построенные изъ казеннаго лѣса, такъ же какъ и участки земель и другихъ угодій, данныхъ имъ отъ казны въ надѣленіе, или пожалованныхъ въ общественное владѣніе, равно земли и угодья, принадлежащія по покупкѣ цѣлому сельскому обществу, не могутъ быть обращены на удовлетвореніе взысканія" (ст. 384—389, по изд. 1857 г., и примѣч. къ 384 по продолж. 1886). По судебнымъ уставамъ, также точно „не подвергается аресту ни въ какомъ случаѣ", между прочимъ, „движимость крестьянъ, признаваемая необходимою въ крестьянскомъ хозяйствѣ" (уст. гр. судопр., ст. 973, п. 10).

Въ этихъ разнообразныхъ и отчасти противорѣчащихъ одно другому правилахъ все повидимому предусмотрѣно и взвѣшено для огражденія крестьянскаго хозяйства отъ разорительныхъ экзекуцій. Одно только обстоятельство упущено изъ виду, — что у крестьянъ, доведшихъ дѣло до принудительныхъ мѣръ взысканія, нѣтъ и не можетъ быть никакого такого имущества, которое составляло бы „избытокъ" въ крестьянскомъ хозяйствѣ. Въ сущности всѣ заботливыя постановленія закона имѣютъ въ виду такой порядокъ вещей, какого не существуетъ въ дѣйствительности; они имѣютъ въ виду недоимщиковъ и должниковъ-крестьянъ, обладающихъ имуществомъ и обстановкою, ненужными для хозяйства и достаточными для покрытія казенныхъ и частныхъ взысканій. А такъ какъ относительно крестьянъ-недоимщиковъ и должниковъ не можетъ быть и рѣчи объ избыткахъ, которые стоило бы подвергать описи и продажѣ, то въ каждомъ данномъ случаѣ немедленно возникаетъ именно тотъ „крайній случай", когда продажа необходимыхъ

принадлежностей крестьянскаго имущества съ публичнаго торга становится неизбѣжною.

Поучительно сопоставить эти законы съ постановленіями иностранныхъ законодательствъ, относительно податныхъ и долговыхъ взысканій. Особенный интересъ имѣютъ для насъ французскіе порядки и законы, представляющіе прямую противоположность нашимъ: какъ у насъ все зависитъ отъ усмотрѣнія исполнителей, предполагаемыхъ почему-то идеальными, такъ у французовъ все установлено точно и ясно, въ интересахъ населенія и безъ ущерба для казны и государства. Налоги уплачиваются во Франціи *помѣсячно*, а не по полугодіямъ, какъ у насъ; это правило имѣетъ силу для всѣхъ обывателей, имѣющихъ опредѣленную осѣдлость и постоянное мѣсто жительства, — слѣдовательно, прежде всего для земледѣльцевъ-крестьянъ. Нечего и говорить, что уплачивать налоги по мелочамъ несравненно легче, чѣмъ сразу; притомъ и срокъ уплаты не можетъ быть назначенъ ранѣе законнаго, по усмотрѣнію исполнителей, какъ это предоставлено у насъ крестьянскимъ учрежденіямъ и исправникамъ. Понудительныя мѣры на случай неисправности въ уплатѣ податей также весьма просты и цѣлесообразны. Если плательщикъ въ теченіе мѣсяца не уплатилъ слѣдуемой съ него $^{1}/_{12}$ доли годичнаго налога, то сборщикъ налоговъ посылаетъ ему повѣстку съ требованіемъ уплаты въ трехдневный срокъ, подъ угрозою назначенія денежнаго штрафа. Если въ эти три дня взносъ не будетъ сдѣланъ, то плательщику посылается вторичное извѣщеніе о томъ, что ему дается еще три дня срока для уплаты налога и что затѣмъ, по истеченіи этого срока, будетъ наложенъ арестъ на его имущество [1]). Такимъ образомъ законъ точно и ясно опредѣляетъ тѣ условія, при которыхъ наступаетъ „крайній случай" ареста и продажи части имущества недоимщика: нужно, чтобы послѣ назначеннаго срока уплаты прошелъ мѣсяцъ, чтобы затѣмъ напоминаніе осталось безъ дѣйствія въ теченіе трехъ дней и чтобы, наконецъ, предупрежденіе объ арестѣ имущества также не имѣло результата. Такъ какъ дѣло идетъ о ничтожной суммѣ,

[1]) *Вл. Судейкинъ.* Прямые налоги и ихъ организація во Франціи. Спб., 1886, стр. 95—6.

объ 1/12 долѣ годичнаго налога, то обыкновенно этихъ предупрежденій и облегчительныхъ сроковъ вполнѣ достаточно, и сборщикамъ податей довольно рѣдко приходится прибѣгать къ дѣйствительному аресту и продажѣ имущества. У насъ же опредѣленіе того, что слѣдуетъ разумѣть подъ „крайнимъ случаемъ", предоставлено на волю исполнителей, и каждый взыскатель и тѣмъ болѣе сборщикъ податей имѣетъ право считать свое требованіе однимъ изъ тѣхъ „крайнихъ случаевъ", о которыхъ упоминаетъ законъ. Наконецъ, и для случаевъ ареста и продажи имущества, существуютъ во Франціи точныя охранительныя правила, не допускающія никакихъ недоразумѣній.

Французскій кодексъ постановляетъ категорически, что не могутъ быть арестованы ни за какіе долги, даже за долги государству (т.-е. за подати), земледѣльческія орудія, животныя, употребляемыя при обработкѣ земли, одна корова или три овцы или двѣ козы по выбору должника, съ соломой для подстилки и съ запасомъ корма на одинъ мѣсяцъ, сѣмена для посѣва, данныя арендаторамъ или половникамъ, и пр., за исключеніемъ только тѣхъ случаевъ, когда взыскиваются суммы, должныя за эти именно предметы, или за доставленные съѣстные припасы, или за аренду земли, для воздѣлыванія которой служили арестуемыя орудія или животныя, или за наемъ квартиры, занимаемой лично должникомъ (Code de procédure civile, art. 592—3; Code civil, 524). Еще въ XVII вѣкѣ было установлено закономъ (1667 г.), что при арестѣ имущества и продажѣ его за долги оставляются должнику „одна корова, три овцы или двѣ козы, для пропитанія", а также „лошади, волы и другой рабочій скотъ, плуги, телѣги и орудія, употребляемыя для обработки земли, даже по взысканіямъ королевской казны (même pour nos propres deniers), подъ страхомъ недѣйствительности сдѣланныхъ распоряженій, уплаты убытковъ, расходовъ и потерь, сверхъ штрафа въ пятьдесятъ ливровъ совмѣстно съ кредитора и сержанта". Такимъ образомъ, продажа рабочаго скота и необходимыхъ принадлежностей хозяйства для покрытія недоимокъ въ податяхъ или для удовлетворенія по заемнымъ обязательствамъ безусловно не допускается по французскимъ законамъ, еще со временъ Людовика XIV. Мотивъ этихъ постановленій настолько ясенъ, что и формулиро-

вать ихъ было не трудно; дѣло идетъ о томъ, чтобы у должника или недоимщика не отнималась возможность поддерживать свою жизнь (pour aider à soutenir leur vie, какъ сказано въ законѣ 1667 года). Подобные мотивы имѣютъ своимъ источникомъ не только чувство человѣчности, но и простой фискальный разсчетъ, такъ какъ казна заинтересована въ сохраненіи плательщиковъ податей для будущаго; поэтому и правила такого рода возникаютъ при самыхъ различныхъ государственныхъ условіяхъ и порядкахъ. Отъ французскаго закона немногимъ отличается, напр., сербскій законъ, по которому не подлежатъ аресту за долги „плугъ, телѣга, два вола или двѣ лошади, топоръ, коса, и такое количество хлѣба, какое необходимо для должника, его семейства и скота до слѣдующей жатвы".

Принципъ, лежащій въ основѣ этихъ постановленій, много разъ возвѣщался въ нашихъ законахъ и авторитетныхъ судебныхъ толкованіяхъ; онъ разрабатывался у насъ подробнѣе, чѣмъ гдѣ бы то ни было, и однако, онъ до сихъ поръ не имѣетъ у насъ никакого практическаго значенія, ибо онъ никогда не былъ высказанъ у насъ въ той простой и категорической формѣ, въ которой только и достигалась бы предположенная цѣль. Начиная съ устава о благоустройствѣ въ казенныхъ селеніяхъ, изданнаго при графѣ Киселевѣ, наши законы постоянно повторяютъ, что при казенныхъ и частныхъ взысканіяхъ можно подвергнуть продажѣ только ту часть движимаго имущества и строеній крестьянина, которая не составляетъ необходимости въ его хозяйствѣ; но что именно считать необходимымъ въ хозяйствѣ и какъ поступить въ громадномъ большинствѣ случаевъ, когда никакого другого имущества, кромѣ самаго необходимаго, не оказывается у должника или недоимщика, объ этомъ не содержится никакихъ указаній въ законахъ. Въ упомянутомъ выше старомъ уставѣ, который превозносится теперь нѣкоторыми публицистами, какъ образецъ государственной мудрости, выражено, между прочимъ, слѣдующее правило: „рабочій и вообще домашній скотъ, *необходимый* для полевыхъ работъ и пропитанія, не можетъ быть обращенъ въ продажу, *если въ немъ нѣтъ явнаго излишества*" (ст. 391). Здѣсь допускается мысль объ излишествѣ того самаго рабочаго скота,

который необходимъ для полевыхъ работъ и пропитанія, а такъ какъ о дѣйствительномъ и явномъ излишествѣ не можетъ быть рѣчи въ примѣненіи къ крестьянамъ-недоимщикамъ, то приходится заключить, что необходимый скотъ можетъ быть признанъ излишнимъ для разстроеннаго и запутавшагося хозяйства. Мѣстнымъ властямъ, сельскимъ и административнымъ, предоставлено рѣшать въ каждомъ отдѣльномъ случаѣ, нужна ли лошадь или корова недоимщику и не составляетъ ли она „явнаго излишества“ для должника; на практикѣ этотъ вопросъ даже не ставится вовсе, ибо мѣстныя власти, сельскія и административныя, отвѣтственны лишь за неисправный сборъ податей, а не за разстройство въ крестьянскомъ хозяйствѣ.

Законодательство сдѣлало дальнѣйшій приготовительный шагъ въ 1871 году: предписано было (или вѣрнѣе „предоставлено“) особымъ мѣстнымъ присутствіямъ каждой губерніи составить проектъ правилъ о томъ, какое именно движимое имущество крестьянъ должно быть признаваемо за необходимое въ крестьянскомъ хозяйствѣ и слѣдовательно за неподлежащее, по положеніямъ 19-го февраля 1861 года, продажѣ на уплату податей и сборовъ, выкупныхъ платежей, оброковъ и всѣхъ другихъ взысканій казенныхъ и частныхъ. Означенныя правила, приспособленныя къ мѣстнымъ условіямъ сельскаго хозяйства крестьянъ и ихъ промысловъ, должны быть утверждены министрами внутреннихъ дѣлъ, финансовъ и юстиціи, затѣмъ будутъ объявлены во всеобщее свѣденіе въ каждой губерніи и будутъ приниматься въ руководство при продажѣ крестьянскаго имущества за долги и недоимки. Такъ было постановлено Высочайше утвержденнымъ мнѣніемъ государственнаго совѣта, 21-го декабря 1871 года.

Изъ этого указа видно, что вопросъ о необходимыхъ принадлежностяхъ крестьянскаго хозяйства оффиціально признавался нерѣшеннымъ и требующимъ болѣе положительнаго точнаго опредѣленія, а пока послѣдняго не сдѣлано, законъ остается слишкомъ неопредѣленнымъ и не можетъ примѣняться на практикѣ, даже при полной добросовѣстности исполнителей. Законодатель и на этотъ разъ не далъ никакой, хотя бы самой общей или предварительной, формулы, въ ожиданіи подробныхъ инструкцій по губерніямъ. Прошло почти двадцать лѣтъ, и пред-

положенныхъ правилъ составлено не было, такъ что до настоящаго времени не установлено еще оффиціально, можно ли продать послѣднюю лошадь или корову крестьянина за долги или нѣтъ.

Многократныя административныя и судебныя напоминанія о законѣ, который самимъ законодательствомъ признанъ недостаточнымъ и неяснымъ, могли имѣть только теоретическое значеніе. „Изъ имѣющихся въ министерствахъ внутреннихъ дѣлъ и юстиціи свѣденій обнаружилось, — читаемъ мы въ одномъ разъяснительномъ министерскомъ циркулярѣ 1875 года [1], — что при производствѣ взысканія частныхъ долговъ съ крестьянъ часто продается самое необходимое въ ихъ хозяйствѣ имущество, причемъ бывали неоднократно примѣры продажи на покрытіе такихъ взысканій рѣшительно всего крестьянскаго имущества. Между тѣмъ, по смыслу 3-го примѣчанія къ 24-ой статьѣ общаго положенія о крестьянахъ, денежныя взысканія съ нихъ должны производиться примѣнительно къ правиламъ, изложеннымъ въ статьяхъ 384--407 устава о благоустройствѣ въ казенныхъ селеніяхъ, согласно коимъ на пополненіе сихъ взысканій можетъ быть обращена только та часть принадлежащаго имъ движимаго имущества, которая, не разстраивая хозяйства и не останавливая земледѣльческихъ и промышленныхъ занятій, достаточна на удовлетвореніе взысканія, и затѣмъ освобождаются отъ продажи земледѣльческія орудія, сѣмена для засѣва, домашній и рабочій скотъ и т. п. Принимая во вниманіе, что вопросъ о значеніи приведенныхъ статей сельскаго судебнаго устава былъ уже разрѣшенъ опредѣленіемъ общаго собранія кассаціонныхъ департаментовъ правительствующаго сената, состоявшимся 15-го декабря 1869 года и распубликованнымъ въ 1871 году указомъ 1-го департамента во всеобщее свѣденіе, министръ юстиціи, по соглашенію съ министрами внутреннихъ дѣлъ и финансовъ, предложилъ кому слѣдуетъ предписать судебнымъ приставамъ руководствоваться вышеизложеннымъ „впредь до изданія, во исполненіе Высочайше утвержденнаго 21-го декабря 1871 года мнѣнія государствен-

[1]) См. сборникъ г. Данилова, Положенія о сельскомъ состояніи, ч. I, изд. 1889 г., стр. 28.

наго совѣта... особыхъ правилъ о томъ, какое именно движимое имущество крестьянъ должно быть признаваемо за необходимое въ ихъ хозяйствѣ и потому не подлежащее, на основаніи законоположеній 19-го февраля 1861 года, продажѣ по казеннымъ и частнымъ взысканіямъ".

Очевидно, исполнителямъ судебныхъ рѣшеній оставалось только послѣдовать авторитетному указанію высшей власти и вмѣстѣ съ нею ожидать будущихъ особыхъ правилъ, долженствующихъ устранить противорѣчія и неясности законовъ. Надежда на изданіе этихъ правилъ была довольно слаба и, повидимому, совершенно оставлена въ 1878 году, когда сенатъ установилъ дѣйствующій нынѣ порядокъ взысканія частныхъ долговъ съ крестьянъ и крестьянскихъ обществъ. Достаточною гарантіею отъ разоренія хозяйства должниковъ признается уже участіе сельскаго старосты и волостного старшины при описи имущества судебнымъ приставомъ, а при взысканіи съ цѣлыхъ обществъ — контроль мѣстнаго крестьянскаго присутствія; но разумѣется само собою, что участіе должностныхъ лицъ крестьянскаго управленія, обыкновенно неграмотныхъ и несвѣдущихъ въ законахъ, ни въ чемъ не стѣсняетъ взыскателей, а бумажный контроль крестьянскихъ уѣздныхъ присутствій, заваленныхъ всевозможными дѣлами, превращается неизбѣжно въ простую канцелярскую формальность, лишенную всякаго значенія. Ни сельскія и волостныя власти, ни мѣстныя крестьянскія присутствія не могутъ брать на себя рѣшеніе неразрѣшимой задачи, поставленной закономъ,—найти въ имуществѣ задолжавшаго и неисправнаго крестьянина или сельскаго общества такія излишнія для хозяйства цѣнности, которыя при продажѣ съ публичнаго торга покрыли бы сполна недоимки по податнымъ и выкупнымъ платежамъ, а также по мірскимъ сборамъ, и оставили бы еще нѣкоторую сумму на удовлетвореніе частныхъ кредиторовъ. При этомъ возможенъ былъ выборъ двухъ путей: или не допускать никакихъ принудительныхъ продажъ, въ виду отсутствія у должниковъ-крестьянъ тѣхъ избытковъ, о которыхъ говоритъ законъ, или, напротивъ, продавать все безъ изъятія, согласно требованіямъ взыскателей, такъ какъ по этому предмету не существуетъ положительныхъ запрещеній или ограниченій. Несомнѣнно, что первый путь не предпола-

гается и не одобряется закономъ, а второй—осуждается только въ принципѣ. Въ „крайнихъ случаяхъ", т.-е. относительно всѣхъ вообще недоимщиковъ и должниковъ, допускается и продажа послѣдней лошади или коровы, по усмотрѣнію мѣстныхъ исполнителей. И этотъ разорительный способъ взысканія примѣняется повсемѣстно и безпощадно, вопреки всему доброжелательному многорѣчію законовъ и оффиціальныхъ разъясненій ихъ.

Очень многое сказано и разъяснено законами и сенатскими толкованіями по поводу огражденія крестьянскаго быта отъ насильственнаго разоренія судебными или полицейскими экзекуціями; нѣтъ только одной строчки, которая порѣшила бы всѣ недоумѣнія точнымъ указаніемъ главнѣйшихъ предметовъ, оставляемыхъ должнику, въ родѣ краткаго французскаго правила, приведеннаго нами выше. Не было въ сущности никакой надобности ожидать разработки вопроса о необходимыхъ принадлежностяхъ хозяйства по отдѣльнымъ губерніямъ, когда дѣло идетъ о такихъ элементарныхъ необходимостяхъ, какъ послѣдняя лошадь или корова, плугъ, телѣга. Охрана самаго нужнаго отложена была на десятки лѣтъ ради полнаго изслѣдованія второстепенныхъ деталей, а затѣмъ преданы забвенію какъ это изслѣдованіе, такъ и первоначальное намѣреніе, послужившее для него мотивомъ. Въ результатѣ оказывается, что никакой дѣйствительной охраны не существуетъ и что принудительное разореніе хозяйства можетъ совершаться на законномъ основаніи. Въ противоположность французскому кодексу, законъ прямо разрѣшаетъ подвергать аресту и продажѣ, за неимѣніемъ другого имущества, „земледѣльческія орудія, машины, инструменты и всякаго рода снаряды, составляющіе хозяйство имѣнія; рабочій и домашній скотъ; запасы зернового хлѣба, сѣна, соломы и другихъ произведеній земли, *необходимые* для наступающаго посѣва и содержанія людей и рабочаго скота въ имѣніи впредь до новаго урожая (уставъ гражд. судопр., ст. 974). Эта продажа „необходимаго" сопровождается, по обыкновенію, смягчающею оговоркою о возможномъ избѣжаніи разстройства имѣнія (ст. 975), какъ будто могутъ когда-нибудь представиться случаи, когда рабочій скотъ и „необходимые" запасы могутъ быть отняты у должника безъ разстройства

его хозяйства. Даже самый терминъ, столь часто употребляемый закономъ, — „разстройство хозяйства“, — не имѣетъ въ себѣ ничего опредѣленнаго и не поддается судебному опредѣленію. Потребовалась бы тщательная и сложная экспертиза для каждаго отдѣльнаго случая, чтобы выяснить, можно ли признать хозяйство разстроеннымъ и въ какой мѣрѣ; взыскатели могли бы большею частью ссылаться на то, что разстройство предшествовало судебнымъ мѣрамъ взысканія и не можетъ поэтому считаться ихъ результатомъ. На самомъ дѣлѣ, такія выраженія, какъ „разстройство“ или „необходимость“ въ хозяйствѣ, предназначены къ тому, чтобы остаться мертвою буквою, свидѣтельствующею лишь о неисполненныхъ хорошихъ намѣреніяхъ законодательства.

Къ какимъ послѣдствіямъ приводитъ эта неопредѣленность законовъ на практикѣ, показываютъ съ наибольшею ясностью факты, собранные г. Сазоновымъ при изслѣдованіи положенія крестьянъ въ порховскомъ уѣздѣ псковской губерніи. Въ книгѣ г. Сазонова напечатанъ списокъ представленій мѣстнаго исправника о разрѣшеніи аукціонныхъ продажъ за недоимки и текущіе платежи, за послѣдніе два съ половиною года; такихъ представленій сдѣлано и крестьянскимъ присутствіемъ разрѣшено аукціоновъ — 78, а обреченныхъ селеній оказывается 166. Впрочемъ, въ спискѣ не перечислены всѣ селенія, а названы только общества, которыя въ сѣверныхъ губерніяхъ заключаютъ въ себѣ по нѣскольку селеній; даже и общества не всегда указаны, а говорится глухо: „и другія“, „и т. д.“. Въ общемъ счетѣ, въ теченіе указаннаго срока „едва ли въ уѣздѣ было селеніе, не подвергавшееся за недоимки аукціонной продажѣ имущества, если предположить, что послѣдняя приходилась на селеніе не болѣе одного раза. И это въ уѣздѣ, гдѣ недоимки почти не существуютъ!“ Эти экзекуціи назначаются и производятся вовсе не для покрытія недоимокъ, а для обезпеченія текущихъ платежей, какъ это прямо обозначено въ оффиціальной вѣдомости: такъ, напр., всѣ аукціоны, относящіеся къ первой половинѣ 1889 года, назначены весною этого года за текущія подати, для поступленія которыхъ послѣдній срокъ наступаетъ лишь 30-го іюня. И эти преждевременныя и явно противозаконныя публичныя продажи кре-

стьянскихъ хозяйствъ разрѣшаются безъ всякихъ затрудненій, и притомъ съ необычайною скоростью: иногда разрѣшеніе получается въ тотъ же день, даже когда дѣло идетъ о цѣломъ рядѣ деревень, описанныхъ „на 40 листахъ“. Описи представляются исправникомъ съ просьбою „возвратить тотчасъ же“, а въ концѣ списка значится слѣдующая отмѣтка: „почти всѣ препроводительныя бумаги отъ крестьянскаго присутствія съ описями къ г. исправнику (т.-е. разрѣшающія аукціоны) подписывались имъ же самимъ, и въ описяхъ отмѣтки о томъ, что *продать*, согласно (т.-е. несогласно) указа правительствующаго сената 11 января 1878 г., дѣлались имъ же самимъ“ (Прилож., стр. 76). При такой своеобразной системѣ, разореніе массы крестьянскихъ хозяйствъ и семействъ достигается довольно легко и быстро, даже при отсутствіи недоимокъ. Платежи крестьянъ, выкупившихъ свои надѣлы, сами по себѣ не велики, говоритъ г. Сазоновъ, но въ апрѣлѣ — іюлѣ, когда взыскиваются подати, въ деревнѣ не найдется ни копѣйки, и „цѣны, по которымъ идетъ при подобныхъ условіяхъ имущество, по показаніямъ крестьянъ, самое необходимое въ хозяйствѣ, поражаютъ своею ничтожностью. Достаточно напомнить, что цѣлыя усадьбы со всѣми хозяйственными постройками, въ томъ числѣ съ послѣдней избой, идутъ по 50 р. Можно себѣ представить, по какимъ цѣнамъ продается движимость. Послѣдняя корова, послѣдняя лошадь отнимается у крестьянина буквально за грошъ. И это главнымъ образомъ потому, что односельцы стѣсняются покупать; зато аукціонъ—кулакамъ желанный праздникъ. Положеніе крестьянина—безвыходное, и онъ одинаково разоряется—допуститъ ли продажу, влѣзетъ ли къ ростовщику въ кредитъ, или сдастъ въ аренду надѣлъ; выходъ одинъ — разореніе“. Бываетъ иногда, что крестьяне, не знающіе законовъ, но чувствующіе неправоту преждевременныхъ суровыхъ экзекуцій, рѣшаются протестовать и настоятельно просить объ отсрочкѣ; въ результатѣ получается дѣло о сопротивленіи властямъ. Въ упомянутой выше вѣдомости отмѣчено въ одномъ мѣстѣ, что „крестьяне деревни Песокъ не допустили до аукціонной продажи и оказали сопротивленіе“, вслѣдствіе чего предписано „составить актъ“ и передать дѣло суду. Подобное же дѣло разбиралось въ концѣ 1889 года въ

Псковѣ, относительно одной изъ деревень порховскаго уѣзда; имущество описано было за неплатежъ ссуды, выданной земствомъ на обсѣмененіе полей. „На судѣ выяснилось, что лишь за три дня до того собраны были казенныя подати, и крестьяне были безъ денегъ, прося отсрочки еще на три дня; кромѣ того, объявленіе о срокѣ взысканія и продажѣ имущества не было вывѣшено своевременно на видномъ мѣстѣ, и это вызвало недоразумѣнія со стороны крестьянъ"; двое изъ обвиняемыхъ признаны виновными въ сопротивленіи властямъ и приговорены къ аресту на два мѣсяца. Болѣе ранній и энергическій сборъ податей вызываетъ обыкновенно похвалу начальства; но послѣднее, конечно, не подозрѣваетъ о томъ, какой страшною цѣною покупается нерѣдко это кажущееся благополучіе; никому, разумѣется, не приходитъ въ голову, что для предупрежденія недоимокъ въ настоящемъ губятся самые источники платежей въ будущемъ, посредствомъ заблаговременнаго разгрома крестьянскихъ хозяйствъ. Не только полицейскія, но и судебныя власти совершенно не принимаютъ во вниманіе жизненныхъ интересовъ земледѣлія и крестьянства, когда постановляютъ свои рѣшенія или назначаютъ какія либо исполнительныя мѣры; между прочимъ, изъ числа 43 публичныхъ торговъ на крестьянскія земли и усадьбы при порховскомъ мировомъ съѣздѣ въ теченіе 1887 года добрая половина (22) приходится на одинъ мѣсяцъ май, самый трудный для крестьянъ въ денежномъ отношеніи.

Для избѣжанія разорительныхъ аукціоновъ, крестьяне вынуждены продавать, напр., ленъ въ сыромъ, необработанномъ видѣ или еще на корню, за третью или четвертую часть настоящей цѣны, а при недостаточности этого ресурса, сдаютъ въ аренду или продаютъ свои надѣлы болѣе состоятельнымъ односельцамъ за половинную цѣну, отчасти для того, чтобы впослѣдствіи снять свою же землю вдвое дороже. Изъ этой категоріи фактовъ значительное большинство, по словамъ изслѣдователя, должно быть отнесено къ „дѣятельности полиціи и ростовщиковъ"; особенно серьезное значеніе имѣютъ „дѣйствія уѣздныхъ властей, стремящихся какъ можно скорѣе собрать всякія подати". По нѣкоторымъ волостямъ, говоритъ авторъ далѣе, „эта дѣятельность полиціи имѣетъ какой-то повальный

характеръ и констатируется даже вѣдомостями волостныхъ правленій; по сорокинской волости, напр., записано 197 случаевъ, по березской 108, — въ дѣйствительности ихъ было вдвое болѣе". Изъ 1.694 домохозяевъ, сдающихъ свои надѣлы, продолжаютъ вести хозяйство 680, т.-е. 40%, а болѣе тысячи ихъ,—60%—это „уже готовый безземельный пролетаріатъ". Отчужденіе надѣльныхъ земель въ руки кулаковъ-скупщиковъ быстро подвигается впередъ; въ актовыхъ книгахъ двухъ нотаріусовъ уѣзда, по словамъ мѣстнаго податного инспектора, „половину всего количества сдѣлокъ составляютъ продажи крестьянскихъ надѣловъ". Одновременно съ крестьянскимъ землевладѣніемъ рушится и дворянское, все болѣе вытѣсняемое купеческимъ, новаго хищническаго типа; въ восточной части уѣзда дворянское землевладѣніе теперь „влачитъ жалкое существованіе, за исключеніемъ двухъ-трехъ крупныхъ помѣщиковъ". „Зато на этой нивѣ возросли такіе лэндлорды, какъ братья Ванюковы, владѣющіе десятками тысячъ десятинъ. А за ними идетъ цѣлая стая пореформенныхъ помѣщиковъ — Дуевыхъ, Катовыхъ, Халуевыхъ, Бычковыхъ, Лебедевыхъ и т. д."

Ростовщичество, въ самыхъ худшихъ его формахъ, пользуется энергическою, хотя и невольною, охраною со стороны судебныхъ и административныхъ исполнителей. Волостныя правленія, сообщая имѣющіяся у нихъ свѣдѣнія о долговыхъ обязательствахъ крестьянъ, оговариваются, что дѣлать выписки изъ „книги сдѣлокъ и договоровъ" было бы неправильно, такъ какъ долги записываются въ суммѣ, нѣсколько разъ превышающей дѣйствительное количество забранныхъ денегъ. Въ вѣдомости, составленной кривухинскимъ волостнымъ правленіемъ, мы находимъ длинные ряды цифръ въ двухъ рубрикахъ: всѣ обязательства выданы на сумму свыше ста рублей (обыкновенно 105), а дѣйствительные размѣры долга опредѣляются въ 20 или 30 р., иногда до 60 р. Въ рубрикѣ „особыхъ объясненій" повторяется одна общая отмѣтка, что росписки выданы на бóльшую сумму по вынужденію кредиторовъ „яко бы для изъятія изъ подсудности волостного суда". Дѣло въ томъ, что волостные суды, разбирающіе гражданскія дѣла суммой до ста рублей, входятъ въ разсмотрѣніе дѣйствитель-

ныхъ обстоятельствъ и размѣровъ долга, не стѣсняясь формальными документами, и иногда разсрочиваютъ уплату, тогда какъ мировой судъ рѣшаетъ дѣло по закону, на точномъ основаніи письменныхъ договоровъ, не допуская провѣрки ихъ свидѣтельскими показаніями. Впрочемъ, сумма долга во всякомъ случаѣ увеличивается вдвое или даже втрое, для того чтобы заставить должниковъ „не позабываться"; такъ, въ вѣдомости значится, что „деньги 200 р. заняты (цѣлой деревней) на уплату повинностей, по росписка сдѣлана на 400 р., яко бы крестьяне лучше будутъ заботиться объ уплатѣ". Указывается еще другой мотивъ увеличенія цифръ; взято напр. 70 р., а росписка выдана на 300 р., или занято 30 р., а росписка на 150 р.—„для перевода земли съ должника на кредитора" по суду, въ случаѣ неисправности. „Приходилось слышать,—осторожно удостовѣряетъ въ концѣ вѣдомости волостной писарь,—что опутанные отвѣтчики у мирового судьи, при разборѣ дѣлъ по неволѣ признаютъ долгъ во всей суммѣ по роспискѣ, надѣясь, что благодѣтель не обидитъ". Однѣ и тѣ же немногія фамиліи повторяются по всѣмъ сдѣлкамъ, въ рубрикѣ заимодавцевъ; эти „благодѣтели-богачи", какъ сказано въ примѣчаніи, „налагаютъ проценты по 25 или даже 30 на сто (съ номинальной суммы) и кромѣ того обязываютъ работать для нихъ (жать, косить и т. п.). Сколько бы ни уплачивалъ должникъ въ счетъ долга, но „уплата на росписках не отмѣчается", и затѣмъ вся номинальная сумма взыскивается по суду сполна; при добровольномъ же погашеніи долга документъ все-таки остается у кредитора подъ предлогомъ потери или храненія бумагъ въ судѣ, а впослѣдствіи подается ко взысканію. Обычный результатъ — продажа хозяйства съ молотка за безцѣнокъ, въ пользу мнимаго заимодавца.

Аукціонная продажа недвижимости производится при мировомъ съѣздѣ, и неграмотные владѣльцы обыкновенно даже не знаютъ о торгахъ на ихъ имущество. Какъ совершается самый аукціонъ,—это можно видѣть изъ „торговаго листа" на продажу имѣнія Афимьи Ивановой и Ивана Степанова (прил., стр. 115). Все имѣніе, заключающееся въ „сдворочномъ огородномъ мѣстѣ и деревянныхъ постройкахъ, какъ-то: избѣ,

хлѣвѣ, амбарѣ и дворѣ", оцѣнено судебнымъ приставомъ въ 25 рублей (sic), съ которой суммы и долженъ былъ начаться торгъ, для удовлетворенія иска ростовщика въ суммѣ 105 р. 39 коп. съ процентами. Явились торговаться взыскатель съ двумя товарищами. Первый предложилъ 26 р., другой—27 р., третій надбавилъ полтинникъ; оба послѣдніе отказались отъ дальнѣйшаго участія въ торгахъ, и все имѣніе осталось за взыскателемъ за 28 рублей,—„огородное мѣсто и деревянныя постройки, изба, хлѣвъ, амбаръ и дворъ". Это, конечно, не публичный торгъ, а публичный грабежъ, совершаемый съ соблюденіемъ внѣшнихъ формъ законности. За нѣсколько дней до этого аукціона сельское общество, къ которому принадлежатъ пострадавшіе должники, протестовало противъ продажи ихъ имущества по „неправильному" иску ростовщика. „Такъ какъ мы извѣстны, все общество,—говорится въ приговорѣ,—въ теченіе четырехъ лѣтъ въ виду нашемъ Катовъ бралъ съ Афимьи Ивановой и съ Степанова въ уплату за долгъ три сажени сѣна, двѣсти кубачей соломы, одну черную корову, еще карюю лошадь, не менѣе стоили 90 рублей, еще дано Катову за долгъ красная корова, четыре куля овса, четыре аршина драпу, 11 штукъ гусей, въ прошломъ году 200 кубачевъ соломы, а деньгамъ неизвѣстно уплаты, о чемъ постановили настоящимъ приговоромъ и покорнѣйше просимъ сдѣлать законную защиту, не оставить малолѣтнихъ сиротъ безъ послѣдствія (sic), отмѣнить продажу незаконнаго иска крестьянина деревни Залѣсья, Павла Катова". Эти наивныя ссылки на извѣстные всему обществу факты не могли, конечно, остановить исполненіе состоявшагося уже судебнаго рѣшенія, вошедшаго въ законную силу. Иванъ Степановъ долженъ былъ взыскателю по смерти отца 50 рублей, а въ роспискѣ значилось 115 р.; для покрытія этого долга отдано было въ теченіе двухъ лѣтъ около трехсотъ рублей. Заимодавецъ долго и послѣдовательно разорялъ семью, на основаніи своего документа, пока наконецъ не пустилъ ее по міру при помощи суда, посредствомъ упомянутаго выше аукціона. Ростовщикъ предъявилъ искъ по формальной роспискѣ на тѣ же 115 р., уплоченные уже три или четыре раза; исполнительный листъ былъ по обыкновенію выданъ мировымъ судьею на всю сумму.

Взыскателю досталась даромъ вся усадьба, номинально за 28 рублей; а между тѣмъ по страховому листу одна изба оцѣнена въ 75 р., и за усадьбу даютъ уже 300 р. А документъ ростовщика имѣетъ еще силу на 87 рублей, за вычетомъ изъ 115 р.—28-ми, вырученныхъ на аукціонѣ.

Эта исторія можетъ быть названа типическою для большинства крестьянскихъ займовъ у „благодѣтелей-богачей", занимающихся ростовщичествомъ. Полученіе уплатъ натурою и деньгами безъ точнаго счета, въ теченіе нѣсколькихъ лѣтъ, и вторичное судебное взысканіе погашенныхъ долговъ по роспискамъ, съ неизбѣжною затѣмъ аукціонною продажею всего хозяйства должника за грошовую цѣну,—все это одинаково практикуется почти всѣми ростовщиками, съ бо̀льшею или меньшею степенью изобрѣтательности и безсердечія.

Многочисленныя свѣдѣнія и примѣры, сообщаемые въ книгѣ г. Сазонова, поражаютъ своимъ безотраднымъ, ужасающимъ однообразіемъ; это какое-то безконечное и безъисходное мучительство, въ которомъ совершенно свободно соперничаютъ между собою новые поработители крестьянства—свои же сельскіе хищники. Въ отдѣльныхъ селеніяхъ „всѣ домохозяева въ такомъ же положеніи, всѣ должны и тѣмъ же самымъ ростовщикамъ"; въ селѣ Кривуха назначенъ былъ на одинъ день аукціонъ 30 домохозяйствъ, представляющихъ около 200 душъ. Есть однако и „добродѣтельные" ростовщики, превозносимые крестьянами уже за то, что они не взыскиваютъ уплоченныхъ долговъ и не грабятъ должниковъ мошенническимъ образомъ; таковъ, напр., одинъ изъ мѣстныхъ купцовъ, начавшій свое житейское поприще пастухомъ и имѣющій теперь милліонное состояніе. Стоимость его кредита опредѣляется приблизительно въ 60%, не считая обязательныхъ работъ, которыя также составляютъ около 40%. „Какова же должна быть жизнь при такихъ условіяхъ,—замѣчаетъ г. Сазоновъ,—если въ самомъ дѣлѣ приходится благословлять, какъ благодѣтеля, человѣка, кредитующаго, принимая во вниманіе обязательныя помочи, чуть не по 100%!" Обязательныя работы на новыхъ господъ организованы довольно прочно. Одни отбываютъ барщину, другіе платятъ оброкъ кредиторамъ, позволяющимъ жить въ проданной избѣ; усадьбы должниковъ продаются съ аукціона

и упомянутымъ добродѣтельнымъ ростовщикомъ и остаются за нимъ по обыкновенной системѣ, за какихъ-нибудь 50 р. Возможность такихъ низкихъ цѣнъ на торгахъ объясняется тѣмъ, что односельцы разоряемаго крестьянина считаютъ дѣломъ зазорнымъ, безсовѣстнымъ пріобрѣтать продаваемое съ аукціона; „вѣдь жаль, говорятъ, своего сосѣда,—прохода тебѣ не будетъ отъ слезъ бѣдняка и упрековъ сосѣдей“. Вслѣдствіе этого надворныя постройки пріобрѣтаются большею частью кулаками другихъ селъ на свозъ. Бѣдность царитъ повсюду; въ нѣкоторыхъ селеніяхъ хлѣбъ ѣдятъ такой, что непривычный человѣкъ не могъ бы проглотить и одного куска его: „это скорѣе сухой коровій пометъ“; тѣмъ не менѣе они аккуратные плательщики и даже въ городской банкъ вносятъ исправно проценты. Это уже какъ будто не люди, а машины для уплаты повинностей, полусознательныя существа, видящія свое назначеніе въ безнадежномъ трудѣ и ищущія иногда забвенія въ тяжеломъ, отчаянномъ пьянствѣ [1]).

Можно бы привести не мало фактовъ, доказывающихъ значительную распространенность печальныхъ явленій, изслѣдованныхъ въ порховскомъ уѣздѣ; но уже приведенныя указанія даютъ право заключить, что добрыя намѣренія законодательства почти не затрогиваютъ дѣйствительнаго быта крестьянскихъ массъ или же доходятъ до нихъ въ видѣ прямо противоположномъ, подвергаясь обычнымъ метаморфозамъ въ рукахъ исполнителей. Что помогутъ положительныя государственныя заботы объ охранѣ крестьянскаго хозяйства, если это крестьянское хозяйство въ то же время подвергается энергическимъ и неустаннымъ ударамъ со стороны мѣстныхъ органовъ той же правительственной власти, вслѣдствіе ошибочныхъ способовъ взысканія податей и повинностей? Безполезно возставать противъ ростовщичества, когда вся его разрушительная сила держится на власти суда и закона, когда самыя вопіющія продѣлки слѣпо приводятся въ дѣйствіе, опираясь на букву документовъ, выданныхъ безграмотными и невѣжественными крестьянами. Можно было бы собирать съ народа вдвое больше

---

[1]) Крестьянская земельная собственность въ Порховскомъ уѣздѣ (Псковской губ.), *Г. П. Сазонова*, Спб., 1890. Ср. „Вѣстникъ Европы“, 1890, октябрь: „Вопросы поземельной политики“, II.

налоговъ, чѣмъ теперь, еслибы требованіе платежей сообразовалось съ временемъ поступленія доходовъ съ крестьянскаго земледѣлія, т.-е. еслибы обязательные взносы взыскивались не ранѣе обычной продажи продуктовъ (такъ какъ французскій способъ помѣсячнаго взноса податей былъ бы неудобенъ при нашихъ условіяхъ). Всякій рубль, взятый съ плательщика въ трудную для него минуту при помощи принудительныхъ мѣръ, представляетъ тройной убытокъ: во-первыхъ, для самого плательщика, который въ другое, болѣе удобное время могъ бы внести гораздо больше денегъ, безъ чувствительнаго для себя затрудненія; во-вторыхъ, для казны, которая теряетъ въ будущемъ вслѣдствіе ухудшенія хозяйства плательщика, и въ-третьихъ, для государства вообще, такъ какъ причиненіе ненужнаго ущерба отдѣльнымъ лицамъ или цѣлой массѣ лицъ— и тѣмъ болѣе разореніе ихъ—не соотвѣтствовало бы нравственному авторитету власти. Допускать или дѣлать необходимымъ содѣйствіе ростовщиковъ и скупщиковъ для взноса податей — невыгодно даже съ самой узкой фискальной точки зрѣнія; это все равно, что въ нѣсколько разъ увеличить размѣръ податей и тяжесть ихъ, причемъ наименьшая доля поступала бы въ казну, а наибольшая—въ карманы кулаковъ. Точно также и пагубное вліяніе ростовщическаго кредита было бы совершенно подорвано, еслибъ этотъ кредитъ былъ предоставленъ самому себѣ и еслибы законы не отдавали къ его услугамъ судебныхъ учрежденій и ихъ исполнителей—судебныхъ приставовъ. Самая возможность того, что взысканіе по оплаченнымъ долговымъ обязательствамъ дѣлается обычнымъ промысломъ „благодѣтелей", и что эти преступныя дѣйствія совершаются при помощи формальныхъ судебныхъ рѣшеній, на точномъ основаніи законовъ,—самая возможность этого указываетъ на ненормальное положеніе суда и на отсутствіе необходимыхъ условій твердой законности въ жизни. Очевидно, задачи поземельнаго законодательства сводятся у насъ пока къ устраненію элементарныхъ беззаконій, разрушающихъ экономическій бытъ крестьянства и подтачивающихъ основы всего земледѣлія и землевладѣнія страны. А такъ какъ все держится у насъ на земледѣліи и на крестьянствѣ, то эти дѣйствительныя основы государства заслуживали бы по крайней мѣрѣ нѣ-

котораго вниманія и признанія, на ряду съ интересами крупной промышленности и крупнаго землевладѣнія, составляющими у насъ предметъ постоянныхъ и отчасти преувеличенныхъ заботъ.

Пока не закрыта возможность опираться на законъ при насильственной распродажѣ послѣдняго имущества крестьянина-должника или недоимщика, до тѣхъ поръ не сдѣлано даже перваго и элементарнѣйшаго шага къ охранѣ народнаго хозяйства отъ разоренія. Въ этомъ заключается неотложная и наилегче осуществимая реформа, которая могла бы потомъ получить дальнѣйшее развитіе посредствомъ болѣе широкаго и послѣдовательнаго примѣненія понятій о необходимыхъ принадлежностяхъ хозяйства. Если земледѣліе охраняется отъ принудительныхъ отчужденій, то охранѣ подлежитъ и землевладѣніе, служащее основою сельско-хозяйственной жизни и дѣятельности; съ этимъ логически связанъ принципъ неприкосновенности крестьянскихъ участковъ извѣстнаго размѣра при судебныхъ взысканіяхъ. Но, повторяемъ, прежде всего нужно усвоить то простое правило, которое установлено было французскимъ законодательствомъ еще въ 1667 году,—что налоги и платежи не должны ни въ какомъ случаѣ отнимать у плательщиковъ насущныя средства къ жизни и работѣ, „pour aider à soutenir leur vie“.

V.

Мѣры противъ ростовщичества. — Свобода процентныхъ сдѣлокъ и специальныя особенности ростовщичества.—Замѣчанія Лоренца Штейна.—Германскій законъ 1880 года.—Законы противъ ростовщичества въ Австріи, Венгріи, Швейцаріи и Норвегія.—Англо-индійскій законъ 1879 года.—Роль суда при долговыхъ взысканіяхъ.—Значеніе формальныхъ документовъ по нашимъ законамъ.—Отсутствіе у насъ законной охраны противъ ростовщичества. Выводы.

На ряду съ измѣненіемъ способовъ податныхъ и долговыхъ взысканій, въ высшей степени важно измѣнить роль суда при разборѣ ростовщическихъ сдѣлокъ, хотя бы облеченныхъ въ формальные документы, какъ это принято, напр., въ Германіи и Австро-Венгріи.

Особенныя свойства ростовщичества, въ отличіе отъ обы-

кновенныхъ кредитныхъ операцій, прекрасно разобраны въ извѣстной книжкѣ покойнаго Лоренца Штейна, вышедшей въ 1880 году, когда не закончилось еще горячее обсужденіе этого вопроса въ германскомъ парламентѣ и въ нѣмецкой печати [1]). Взиманіе высокихъ процентовъ по займамъ смѣшивалось большею частью съ ростовщичествомъ, а свобода процента—съ дозволеніемъ ростовщическихъ сдѣлокъ; поэтому, съ одной стороны, повсюду отмѣнены законы о ростѣ, а съ другой — повсюду чувствовалась необходимость законовъ противъ ростовщичества. Въ этомъ заключалось, какъ говоритъ Штейнъ, смѣшеніе разныхъ категорій фактовъ и понятій. Многіе возражали противъ законовъ о ростовщичествѣ только потому, что смѣшивали эти мѣры съ ограниченіемъ размѣра процентовъ, тогда какъ въ дѣйствительности между обоими разрядами явленій существуетъ коренное различіе. Дѣло вовсе не въ высотѣ процента, а въ самой природѣ обязательствъ, въ способѣ увеличенія номинальныхъ долговъ и въ искусственномъ подготовленіи полной неоплатности ихъ, для перевода всего имущества и заработка должника въ руки кредитора.

Самъ по себѣ высокій размѣръ процента можетъ быть вполнѣ законнымъ и справедливымъ; онъ можетъ съ избыткомъ покрываться производительностью занятаго капитала, употребленнаго удачно, тогда какъ и низкій процентъ часто не окупается доходомъ и ведетъ къ разоренію при неудачномъ употребленіи денегъ. Такъ какъ заимодавецъ не участвуетъ въ выгодахъ предпріятія, превышающихъ размѣръ законнаго процента, то нѣтъ основанія заставить его участвовать и въ потеряхъ. Если бы процентъ зависѣлъ отъ доходности, то это былъ бы не заемъ, а договоръ товарищества. Высокій процентъ, при неувѣренности въ сохраненіи и возвратѣ капитала, есть не что иное, какъ страховая премія, имѣющая цѣлью возмѣстить возможную потерю ссуды; чѣмъ вѣрнѣе помѣщенъ капиталъ, тѣмъ ниже процентъ, и обратно.

Вопросъ о ростовщичествѣ, по мнѣнію Штейна, не имѣетъ ничего общаго съ вопросомъ о высотѣ процента. Обѣщаніе уплаты должно предполагать дѣйствительный долгъ; требованіе

---

[1]) Der Wucher und sein Recht, von Prof. Dr. Lorenz v. Stein, Wien, 1880.

кредитора должно имѣть за собою соотвѣтственную матеріальную основу (causa debendi). Въ векселѣ отдѣляется уже долгъ отъ займа, дѣйствіе—отъ причины; основаніе долга не должно быть доказываемо, какъ это и требуется интересами торговли. Съ распространеніемъ вексельнаго права между другими классами населенія, стало возможнымъ по формальному праву то, что не можетъ имѣть мѣста по хозяйственнымъ условіямъ: образованіе долга безъ займа. Дѣйствительное полученіе денегъ по займу становится лишь номинальнымъ, и простое обѣщаніе уплаты получило такое же юридическое значеніе и дѣйствіе, какъ и дѣйствительный заемъ. Ссуда денегъ, хотя бы за большіе проценты, съ увеличеніемъ суммы долга при неуплатѣ въ срокъ, но съ назначеніемъ такихъ условій и сроковъ, которые соотвѣтствуютъ производительности труда должника, не будетъ еще ростовщичествомъ. Должникъ имѣетъ еще возможность расплатиться и стать свободнымъ. Но когда дѣло устраивается такъ, чтобы превратить временное хозяйственное разстройство въ постоянное положеніе неоплатности и перевести всѣ заработки и все имущество въ руки кредитора, посредствомъ умышленнаго назначенія неудобныхъ сроковъ уплаты, условій о крупныхъ неустойкахъ и т. п., тогда уже имѣются на-лицо признаки ростовщичества. Ростовщическою слѣдуетъ признать такую „кредитную сдѣлку, при которой нужда и нехозяйственность должника намѣренно утилизируются, чтобы вызвать долговое обязательство, не соотвѣтствующее ссудѣ и дающее право на имущество и доходы должника, независимо отъ взаимныхъ услугъ кредитора“.

Формальное право,—продолжаетъ Штейнъ,—находится при этомъ въ полномъ противорѣчіи съ житейскимъ понятіемъ о правѣ. Пока должникъ обязывается даже преувеличенными уплатами для полученія наличныхъ денегъ, подъ вліяніемъ нужды, безъ искусственныхъ мѣръ со стороны заимодавца, до тѣхъ поръ ростовщичество относится еще къ области гражданскаго права; но когда невозможность платить въ извѣстные сроки и исполнить принятыя обязательства составляетъ именно цѣль ростовщика, когда послѣдній завлекаетъ и запутываетъ должника, пользуясь его нехозяйственностью, слабостью и непониманіемъ,—ростовщичество дѣлается уже преступленіемъ и

6*

подлежитъ дѣйствію уголовныхъ законовъ. Если должникъ не можетъ уплатить все сполна въ условленный срокъ (что именно и имѣется въ виду ростовщикомъ), то для отсрочки и избѣжанія судебной экзекуціи должникъ вынуждается увеличить сумму обязательства, и это повторяется при наступленіи дальнѣйшихъ сроковъ, такъ что частныя уплаты и даже полное погашеніе долга разновременными взносами не уменьшаютъ должной суммы; такимъ образомъ, дѣйствительный долгъ вполнѣ погашается взносами процентовъ и срочными уплатами, а затѣмъ заимодавецъ имѣетъ уже, сверхъ того, свободный доходъ въ теченіе неопредѣленнаго времени. Проценты поглощаютъ весь заработокъ должника, а номинальная цифра долга не только остается, но возростаетъ съ наступленіемъ каждаго срока; это чистый доходъ ростовщика, на счетъ труда и лишеній его жертвъ. Продажа всего имущества должника съ публичнаго торга является послѣднимъ актомъ тяжелой и продолжительной драмы, которая почти всегда и вездѣ имѣетъ одинаковый ходъ.

Образъ дѣйствій ростовщиковъ въ разныхъ странахъ представляетъ поразительное сходство, не только въ общемъ, но и въ подробностяхъ; повсюду примѣняется одна и та же система обиранія и разоренія должниковъ, съ заключительною судебною экзекуціею. То, что сообщалось о ростовщичествѣ въ Эльзасѣ, въ 1850 году, при изданіи закона по этому предмету, вполнѣ совпадаетъ съ свѣденіями, собранными въ новѣйшее время въ разныхъ мѣстахъ Германіи, а эти свѣденія замѣчательно похожи на факты, сообщаемые о дѣятельности нашихъ сельскихъ „благодѣтелей“; даже невозвращеніе оплаченнаго векселя подъ разными предлогами практикуется у нѣмецкихъ ростовщиковъ, хотя вторичныя взысканія по такимъ документамъ случаются гораздо рѣже, чѣмъ у насъ. Должники, особенно сельскіе, вездѣ обнаруживаютъ довѣрчивость и невѣжество; въ заключеніи сдѣлокъ играютъ большую роль обычные крестьянскіе клубы—трактиры и кабаки; сами обираемые скрываютъ свои долги отъ постороннихъ, часто считаютъ кредиторовъ своими пріятелями и благодѣтелями, боятся ихъ на судѣ и признаютъ ихъ преувеличенныя требованія, разсчитывая до

послѣдней минуты на ихъ великодушіе и справедливость [1]). Ростовщичество быстро распространяется по селамъ, „подъ охраною закона, разсматривающаго каждое долговое обязательство, какъ дѣйствительный долгъ“. Такой порядокъ вещей, по мнѣнію Штейна, оказываетъ громадное вліяніе на элементарныя основы всей народной жизни и вноситъ нравственную порчу въ бытъ крестьянства и мелкихъ землевладѣльцевъ. Ростовщичество дѣлается „великою общественною опасностью“, къ которой нельзя уже относиться равнодушно; „стоитъ только привыкнуть къ тому взгляду, что оно есть обычное и неизбѣжное зло, связанное съ полною свободою экономическаго оборота, и новые бѣлые рабы, съ ихъ доходами и имуществами, будутъ скоро разсматриваться, какъ простыя юридическія понятія, не только по формальному праву, но и по общественнымъ нравамъ, и своею гибелью повлекутъ за собою въ пропасть и самый народъ“.

Главные юридическіе аргументы противъ свободы ростовщичества Штейнъ находитъ въ понятіяхъ и формулахъ римскаго права; онъ ссылается на правила о незаконномъ обогащеніи, о laesio enormis, obligatio sine causa, exceptio non numeratae pecuniae. Теоретическая юриспруденція, вопреки распространенному мнѣнію, даетъ достаточно сильное оружіе противъ чрезмѣрнаго подчиненія формѣ въ ущербъ реальному содержанію и характеру долговыхъ сдѣлокъ. Штейнъ особенно настаивалъ на принципіальномъ различіи между высокимъ процентомъ и ростовщичествомъ. „Высокій процентъ есть дорогое, можетъ быть, слишкомъ дорогое лекарство для хозяйственно-больного; ростовщичество же есть гіена на хозяйственномъ полѣ битвы, и тогда какъ о справедливости перваго спорили, пока существуетъ исторія, всякое лучшее чувство съ глубокимъ отвращеніемъ отворачивается отъ предпріятій, наносящихъ больному смертельный ударъ, чтобы подѣлить между собою его трупъ“. Въ числѣ обычныхъ признаковъ наказуемаго ростовщичества въ земледѣліи Лоренцъ Штейнъ упоми-

---

[1]) Der Wucher auf dem Lande. Berichte und Gutachten, veröffentlicht vom „Verein fur Socialpolitik“, Leipzig, 1887, стр. 51 и сл., 133—4, 152—4, 193 и сл., 268 и др.; ср. также Dr. Eugen Jäger, Die Agrarfrage der Gegenwart, II Abth. (Berlin, 1884), стр. 146—9 и др.

наетъ о долгахъ трактирныхъ и кабацкихъ, о полученіи уплатъ натурою, въ виду вѣроятности чрезмѣрно низкой оцѣнки продуктовъ, и о продажѣ хлѣба на корню; въ послѣднемъ случаѣ провѣрка должна бы быть обязательна для властей. При судебномъ взысканіи необходимо, по мнѣнію Штейна, изслѣдовать происхожденіе долга и опредѣлить дѣйствительную величину должной суммы, хотя бы долгъ былъ вексельный или ипотечный. При продажѣ имущества должника съ публичнаго торга реальные кредиторы могутъ требовать провѣрки обязательствъ ростовщическихъ, такъ какъ самъ должникъ не имѣлъ права заключать сдѣлки въ ущербъ дѣйствительнымъ кредиторамъ; обезпеченіе долга залогомъ, запрещеніемъ и секвестромъ вещей ранѣе назначенія конкурса не должно быть допускаемо, и сумма, полученная посредствомъ продажи этого арестованнаго имущества, поступаетъ въ общую массу для удовлетворенія кредиторовъ по соразмѣрности [1]).

Приведенные взгляды Лоренца Штейна по вопросу о ростовщичествѣ могутъ быть признаны господствующими въ настоящее время въ литературѣ и практикѣ западно-европейскихъ государствъ. Прежнее смѣшеніе свободы процента съ дозволеніемъ ростовщичества нигдѣ и никѣмъ не поддерживается серьезно; законы перестали вмѣшиваться въ опредѣленіе нормы процента, но ростовщичество подвергается законодательнымъ ограниченіямъ и преслѣдованіямъ. Въ Германіи введена была полная свобода процентныхъ сдѣлокъ въ 1867 году, а вслѣдъ затѣмъ, въ 1868 году, въ Австріи; но не прошло и десяти лѣтъ, какъ вопросъ о спеціальныхъ мѣрахъ противъ ростовщичества выдвинутъ былъ вновь самою жизнью. Въ 1877 году изданъ былъ особый законъ для Галиціи и Буковины; тремя годами позже приняты въ Германіи дополнительныя постановленія къ уголовному кодексу, практическое дѣйствіе которыхъ признается вообще благотворнымъ.

Нѣмецкій законъ 24-го мая 1880 года, изложенный въ трехъ параграфахъ, содержитъ въ себѣ слѣдующія главныя правила, которыя мы считаемъ нелишнимъ привести здѣсь почти цѣликомъ, съ приблизительною точностью. „Кто, поль-

---

[1]) L. v. Stein, тамъ же, стр. 114—120, 160—180 и др.

зуясь нуждою, легкомысліемъ или неопытностью другого лица, выговоритъ себѣ при займѣ или при отсрочкѣ денежнаго требованія имущественныя выгоды, которыя настолько превышаютъ обычный размѣръ процента, что при данныхъ обстоятельствахъ эти выгоды находятся въ явномъ несоотвѣтствіи съ оказанной услугою, наказывается за ростовщичество заключеніемъ въ тюрьму до шести мѣсяцевъ и сверхъ того денежнымъ штрафомъ до трехъ тысячъ марокъ. Кто выговоритъ себѣ или другому лицу ростовщическія выгоды въ замаскированномъ видѣ, по векселю или на честное слово, подъ присягою или другими подобными увѣреніями и обѣщаніями, наказывается тюрьмою до одного года и вмѣстѣ съ тѣмъ денежнымъ штрафомъ до шести тысячъ марокъ. Такія же наказанія назначаются тому, кто пріобрѣтаетъ или передаетъ въ другія руки подобныя обязательства, зная ихъ сущность, или способствуетъ осуществленію ростовщическихъ условій. Кто занимается ростовщичествомъ, какъ промысломъ, можетъ быть подвергнутъ тюремному заключенію до трехъ мѣсяцевъ и вмѣстѣ денежному взысканію отъ 150 до пятнадцати тысячъ марокъ. Договоры, нарушающіе эти предписанія, недѣйствительны. Всѣ имущественныя выгоды, доставленныя должникомъ или за него, должны быть потребованы обратно, съ процентами со дня полученія ихъ ростовщикомъ. За это солидарно отвѣчаютъ виновные въ ростовщичествѣ. Право обратнаго требованія сдѣланныхъ взносовъ подлежитъ дѣйствію пятилѣтней давности со дня уплаты. Заимодавецъ въ правѣ требовать возвращенія данныхъ имъ денегъ по недѣйствительному договору; это право обезпечивается назначенною гарантіею условленнаго требованія“ [1]). Такимъ образомъ, законъ преслѣдуетъ только извѣстнаго рода денежныя операціи и касается только заемныхъ обязательствъ, оставляя безъ вниманія остальныя кредитныя сдѣлки, могущія также имѣть несомнѣнно ростовщическій характеръ; вслѣдствіе этого во многихъ мѣстностяхъ Германіи ростовщичество направилось преимущественно на сдѣлки относительно скота и земли.

Въ сборникѣ свѣдѣній о сельскомъ ростовщичествѣ, издан-

[1]) Jahrbücher für National-Oekonomie und Statistik, 1880, Bd. I, стр. 140—161 и 366—385: Die Wuchergesetzgebung in Deutschland etc., von Dr. K. v. Lilienthal.

номъ въ 1887 году „Обществомъ соціальной политики“, приведено много мѣстныхъ отзывовъ о практическомъ дѣйствіи упомянутаго закона въ разныхъ областяхъ имперіи. Въ Баденѣ законъ былъ „спасительнымъ дѣломъ“, особенно для судебныхъ дѣятелей, которые прежде обязаны были удовлетворять явно ростовщическія требованія; столь же полезные результаты отмѣчены въ Вюртембергѣ, въ прирейнской Баваріи, въ Пфальцѣ, въ провинціи Саксоніи, въ Тюрингіи, Силезіи, Позпани и Восточной Пруссіи; только относительно Гессена и Бранденбурга сообщается, что законъ принесъ мало пользы и обыкновенно обходится ростовщиками. Наиболѣе благотворнымъ признается то обстоятельство, что установленіе признаковъ наказуемаго ростовщичества предоставлено здравому смыслу и житейскому опыту судьи; самая неизвѣстность того, что̀ можетъ признать судья, удерживаетъ многихъ ростовщиковъ отъ сомнительныхъ сдѣлокъ, тогда какъ сужденіе по буквѣ закона всегда оставляло бы лазейки для обхода его постановленій. Одинъ изъ судей въ Ганноверѣ находитъ, что законъ примѣняется слишкомъ осторожно и робко; „судъ игнорируетъ то, что̀ извѣстно всѣмъ; недостаетъ сознательной энергіи и свободы въ оцѣнкѣ доказательствъ, а также живого проникновенія въ фактическія условія и отношенія, особенно въ гражданскомъ процессѣ“. Въ сборникѣ упоминаются судебныя дѣла о ростовщикахъ, свидѣтельствующія о надлежащей строгости суда въ подобныхъ случаяхъ; такъ, въ Баденѣ, въ процессѣ противъ двухъ „благодѣтелей“, не совершившихъ и десятой доли тѣхъ подвиговъ, которыми свободно занимаются наши сельскіе кулаки, назначено было — одному тюремное заключеніе на 8 лѣтъ и 3 мѣсяца, а другому на 6 лѣтъ, сверхъ денежнаго штрафа съ обоихъ по 8.000 марокъ [1]).

Постановленія, подобныя нѣмецкимъ, изданы также въ Австріи и въ Венгріи. Австрійскій законъ 28-го мая 1881 года, въ 17 статьяхъ, назначаетъ строгія карательныя мѣры за эксплуатацію легковѣрія, непониманія и нужды должниковъ. По этому закону, ростовщическая сдѣлка можетъ быть уни-

[1]) Der Wucher auf dem Lande, 1887, стр. 20 и сл., 49, 60 — 87, 114 — 5, 250 и сл.

чтожена и гражданскимъ судомъ, если уголовное слѣдствіе или приговоръ не состоится по какой-либо другой причинѣ, чѣмъ недостаточность уликъ и подозрѣній, послѣ того какъ законные признаки ростовщичества установлены въ уголовномъ порядкѣ; при этомъ гражданскій судъ не связанъ законными правилами о доказательствахъ, а долженъ руководствоваться своимъ свободнымъ убѣжденіемъ, основаннымъ на точномъ разсмотрѣніи представленныхъ доводовъ и свѣдeній. Законъ не примѣняется, если обѣ стороны принадлежатъ къ торговому классу [1]).

Венгерскій законъ 27-го апрѣля 1883 года еще строже и обстоятельнѣе, въ 24 §§. Ростовщическія дѣйствія наказываются тюрьмою до двухъ лѣтъ и денежнымъ штрафомъ до четырехъ тысячъ гульденовъ. Въ этомъ законѣ особенно точно и подробно установлены границы обязательственныхъ отношеній, пользующихся судебною защитою; заимодавецъ не можетъ требовать и судъ не можетъ присудить взысканіе процентовъ свыше $8^0/_0$; условіе, признанное судомъ ростовщическимъ, уничтожается, а право кредитора опредѣляется суммою, дѣйствительно выданною имъ, съ присоединеніемъ $6^0/_0$; должнику же засчитываются всѣ взносы и платежи, сдѣланные имъ по этому обязательству. Судъ не стѣсняется общими правилами о доказательствахъ при разсмотрѣніи дѣлъ о ростовщичествѣ. Требованія объ уплатѣ долга за крѣпкіе напитки, забранные въ питейномъ заведеніи, подлежатъ особымъ ограниченіямъ; судъ можетъ освободить должника отъ платежа части долга, и цѣна исковъ такого рода не должна превышать извѣстнаго максимума (8 фл.); новый долгъ, сдѣланный до погашенія стараго, признается недѣйствительнымъ; не допускаются также залоги и поручительства въ обезпеченіе долговъ въ питейныхъ заведеніяхъ. За обходъ закона при помощи фиктивныхъ актовъ назначается тюремное заключеніе до одного мѣсяца и денежное взысканіе до трехсотъ флориновъ. Доказывать ростовщическій характеръ сдѣлки можетъ не только самъ потерпѣвшій, но и его жена или мужъ, равно какъ и родственники въ вос-

---

[1]) Oesterreich. Reichsgesetze mit Motiven und Erläuterungen, Prag, 1881, стр. 144—8.

ходящихъ и нисходящихъ линіяхъ (§ 9). Если въ какой-либо общинѣ или мѣстности замѣчается общее обѣдненіе, причиною котораго предполагается возростаніе ростовщичества, или если это возростаніе явствуетъ изъ другихъ признаковъ, то мѣстный административный совѣтъ, разсмотрѣвъ положеніе дѣлъ и убѣдившись въ основательности подозрѣній, предлагаетъ мотивированное заключеніе министру юстиціи, который можетъ распорядиться возбудить преслѣдованіе ex officio (§ 10).

Такіе же законы изданы въ Швейцаріи, главнымъ образомъ по нѣмецкому образцу,—въ 1883 г. въ кантонахъ Базельскомъ и Цюрихскомъ, въ 1887 г. въ кантонахъАаргау и Тургау. Одинъ изъ новѣйшихъ законовъ этого рода вышелъ въ Норвегіи, 29-го іюня 1888 г., о свободѣ процентовъ и преслѣдованіи ростовщичества, въ 7 статьяхъ. Важная особенность этого закона—въ томъ, что проступки, заключающіе въ себѣ признаки ростовщичества, преслѣдуются ex officio, а не только по жалобамъ заинтересованныхъ лицъ [1]).

Но наиболѣе полно и основательно организована защита интересовъ должниковъ-земледѣльцевъ по закону 1879 года для значительной части британской Остъ-Индіи. При разсмотрѣніи долговыхъ требованій, если цифра ихъ оспаривается и если признаніе ихъ должникомъ вызываетъ какія-либо сомнѣнія, судъ изслѣдуетъ происхожденіе и основаніе долга, начиная съ первыхъ счетовъ между сторонами, чтобы прежде всего опредѣлить, не было ли въ данномъ дѣлѣ обмана, ошибки, несчастнаго случая или незаконнаго воздѣйствія, и затѣмъ дѣлается подробный разсчетъ должныхъ суммъ, независимо отъ какихъ-либо соглашеній и обязательствъ между сторонами. Капиталъ опредѣляется отдѣльно отъ счета процентовъ; къ капитальному долгу причисляются тѣ деньги, которыя должникъ дѣйствительно получалъ наличными, или цѣнность имуществъ, которыя передавались ему кредиторомъ; при этомъ не принимаются въ разсчетъ суммы, которыя должникъ обязался уплатить безъ законнаго основанія; накопившіеся проценты, превращенные въ капиталъ при заключеніи какого-

---

[1]) Тексты этихъ законовъ приведены въ довольно точномъ переводѣ въ „Annuaire de législation étrangère", Paris, 1884, стр. 396—399; 602—3 и 664—5; 1888, стр. 662—3 и 699—700; 1889, стр. 773—4.

либо разсчета или посредствомъ особой сдѣлки, не могутъ быть прибавлены къ капитальному долгу, за исключеніемъ тѣхъ случаевъ, когда судъ найдетъ это справедливымъ по причинамъ, точно указаннымъ въ мотивахъ рѣшенія. Съ установленной цифры долга считаются простые мѣсячные проценты, размѣръ которыхъ опредѣляется или дозволяется судомъ; всѣ деньги, уплаченныя должникомъ заимодавцу, равно какъ всѣ услуги, выгоды и преимущества разнаго рода, полученныя послѣднимъ въ продолженіе дѣловыхъ отношеній и оцѣненныя, въ случаѣ надобности, судомъ при помощи экспертовъ, засчитываются въ уплату процентовъ, а если сдѣланные платежи превышаютъ сумму процентныхъ взносовъ, то остальное идетъ на погашеніе части долга. Счетъ процентовъ останавливается, когда онъ достигаетъ цифры капитальнаго долга. Судъ можетъ признать несправедливымъ процентъ, условленный между сторонами, и назначить другой, согласно обстоятельствамъ; сдѣлки, въ силу которыхъ извѣстные доходы или продукты принимаются въ уплату процентовъ безъ точнаго разсчета, уничтожаются судомъ. Должникъ можетъ всегда требовать сведенія счетовъ съ кредиторомъ посредствомъ суда, относительно занятыхъ денегъ или должныхъ суммъ по какому бы то ни было обязательству, письменному или словесному, или за пріобрѣтенное имущество; судъ постановляетъ рѣшеніе, въ которомъ опредѣляется, сколько еще должнику остается уплатить кредитору. Въ этомъ рѣшеніи судъ можетъ также назначить уплату по частямъ, въ извѣстные сроки; эти срочные взносы могутъ быть дѣлаемы въ судѣ. Истецъ-должникъ имѣетъ право при всякомъ положеніи дѣла внести въ судъ такую сумму, какую онъ считаетъ достаточною для полнаго удовлетворенія кредитора, о чемъ дается знать послѣднему; со дня этого извѣщенія прекращается счетъ процентовъ съ означенной суммы долга. При исполненіи судебнаго приговора, которымъ поселянинъ признанъ должнымъ кому-либо менѣе 50 рупій, если нѣтъ въ виду другихъ требованій и если судъ убѣдился, что должникъ не въ состояніи уплатить все сполна,— назначается судомъ такая уплата, какая по силамъ должнику, и при этомъ послѣднему всегда выдается удостовѣреніе въ погашеніи долга. Если же есть другія требованія или цифра

долга болѣе значительна, то судъ принимаетъ приблизительно такія мѣры, какъ при производствѣ дѣла о несостоятельности. Судъ можетъ всегда распорядиться, чтобы уплата должной суммы по судебному рѣшенію производилась по частямъ, съ процентами или безъ процентовъ. Никакое недвижимое имущество поселянина не можетъ быть подвергнуто аресту или продажѣ по судебному взысканію или распоряженію, кромѣ того случая, когда данный долгъ обезпеченъ залогомъ этого самаго имущества; но судъ въ правѣ, при рѣшеніи дѣла противъ должника и во всякое позднѣйшее время, поручить сборщику податей управленіе такимъ имуществомъ отвѣтчика, которое не необходимо для содержанія его съ семействомъ, на срокъ не болѣе семи лѣтъ; доходы, получаемые съ этого имущества посредствомъ отдачи его въ аренду или другимъ способомъ, поступаютъ въ пользу кредитора до погашенія долга. Если долгъ обезпеченъ залогомъ недвижимаго имущества, то при несостоятельности должника судъ поручаетъ сборщику податей отдать это имущество въ аренду на срокъ не свыше двадцати лѣтъ, съ тѣмъ чтобы получилась сумма, достаточная для покрытія долга; если же такая сумма не можетъ быть доставлена двадцатилѣтней арендой, то имѣніе продается по общимъ законамъ. Никакой денежный документъ, выданный поселяниномъ, и никакое имущественное обязательство не принимаются къ разсмотрѣнію судомъ, если актъ не составленъ при участіи и подъ контролемъ назначеннаго для этой цѣли сельскаго регистратора. Въ судебныхъ дѣлахъ, когда цѣна иска не превышаетъ извѣстной суммы (ста рупій), не могутъ участвовать адвокаты, въ качествѣ представителей сторонъ; если же въ гражданскомъ процессѣ противъ поселянина дѣйствуетъ такой повѣренный, то судъ можетъ назначить отвѣтчику защитника или представителя, для охраны его интересовъ.

Мы привели только наиболѣе существенныя постановленія англо-индійскаго закона 1879 года, оставивъ въ сторонѣ подробности, которыя также заслуживали бы вниманія [1]).

---

[1]) Полный текстъ этого закона въ 76 параграфахъ напечатанъ въ нѣмецкомъ переводѣ, въ приложеніи къ книгѣ Лоренца Штейна: „Die drei Fragen des Grundbesitzes und seiner Zukunft“ (стр. 241—267).

Этотъ замѣчательный актъ имѣетъ двѣ особенности: во-первыхъ, онъ не назначаетъ наказаній и штрафовъ за ростовщичество, не ставитъ принимаемыхъ мѣръ въ зависимость отъ признанія извѣстныхъ сдѣлокъ незаконными, а регулируетъ чисто-имущественныя, долговыя и обязательственныя отношенія поселянъ, насколько эти отношенія доходятъ до суда. Во-вторыхъ, законъ предоставляетъ значительный просторъ усмотрѣнію судебной власти, согласно условіямъ и потребностямъ дѣйствительной жизни, такъ какъ кредитныя сдѣлки и обязательства, по самымъ свойствамъ своимъ и по крайнему разнообразію своихъ фактическихъ формъ, не допускаютъ точной законодательной регламентаціи. Не давая судебной защиты ростовщическимъ требованіямъ, не предписывая принудительнаго исполненія формальныхъ обязательствъ по буквальному ихъ смыслу, устанавливая гарантіи судебнаго разслѣдованія и провѣрки для устраненія преувеличенныхъ долговыхъ претензій заимодавцевъ, запрещая продавать съ молотка имущество поселянъ для удовлетворенія кредиторовъ, законъ весьма существенно охраняетъ поселянъ отъ ростовщической эксплуатаціи, безъ всякаго ограниченія или стѣсненія ихъ общихъ гражданскихъ правъ. Стѣснены только ростовщики, обычные кредиторы поселянъ; но и они не лишаются того, что̀ реально дано ими въ ссуду и что̀ подлежитъ возвращенію имъ по справедливости, съ обычными процентами. Уголовный, карательный элементъ здѣсь не играетъ никакой роли, тогда какъ въ законахъ о ростовщичествѣ, изданныхъ въ Германіи и Австро-Венгріи, онъ занимаетъ преобладающее мѣсто, въ ущербъ основательной оцѣнкѣ матеріальнаго содержанія сдѣлокъ.

Карательныя мѣры противъ ростовщиковъ заставляютъ ихъ дѣйствовать осмотрительнѣе и способствуютъ отчасти искорененію наиболѣе рѣзкихъ и явныхъ формъ ростовщичества; но если судебная провѣрка долговыхъ обязательствъ зависитъ отъ вопроса объ уголовной отвѣтственности кредиторовъ, то громадное большинство обычныхъ и болѣе или менѣе умѣренныхъ ростовщическихъ операцій, направленныхъ къ разоренію сельскаго люда, остается неизбѣжно внѣ всякаго дѣйствія закона. Нельзя сажать въ тюрьму всѣхъ заимодавцевъ, которыхъ судъ признаетъ ростовщиками,—нельзя уже потому, что это неис-

полнимо и безцѣльно; народу не будетъ легче отъ того, что отъ времени до времени будутъ происходить судебные процессы противъ отдѣльныхъ представителей ростовщическаго промысла, не съумѣвшихъ обойти законъ или скрыть преступныя черты своей дѣятельности. Сами суды не могутъ вполнѣ свободно относиться къ разбору сомнительныхъ или оспариваемыхъ долговыхъ обязательствъ, если дѣло идетъ не просто о юридической силѣ послѣднихъ, а о суровомъ наказаніи одной изъ сторонъ за ростовщичество; при этомъ возможны также злоупотребленія и попытки шантажа со стороны недобросовѣстныхъ должниковъ. Сужденія о виновности и наказуемости лицъ подлежатъ совсѣмъ другимъ правиламъ, чѣмъ рѣшенія о недѣйствительности гражданскихъ актовъ, договоровъ и условій, о количествѣ реальныхъ долговъ, о размѣрѣ процентовъ, о способахъ и срокахъ уплаты. Придавать уголовный характеръ законнымъ мѣрамъ противъ ростовщичества значитъ ставить примѣненіе ихъ въ весьма тѣсные предѣлы и устранять ихъ дѣйствіе въ области обыкновенныхъ кредитныхъ ловушекъ, не имѣющихъ признаковъ преступности, но тѣмъ не менѣе разорительныхъ для крестьянскаго земледѣлія и землевладѣнія.

Принципы, усвоенные англо-индійскимъ закономъ 1879 года, имѣютъ благотворную, спасительную силу для всѣхъ вообще обязательственныхъ и долговыхъ отношеній сельскаго населенія, тогда какъ преслѣдованіе ростовщичества по нѣмецко-австрійской системѣ затрогиваетъ только незначительную часть ростовщическихъ сдѣлокъ и едва ли можетъ замѣтно вліять на сокращеніе фиктивныхъ долговъ и уменьшеніе числа судебныхъ экзекуцій. Было бы въ высшей степени благотворно и цѣлесообразно держаться всегда того правила, что судъ не долженъ служить орудіемъ напраснаго разоренія людей по волѣ хищныхъ кулаковъ, опирающихся на формальные документы, и что провѣрка содержанія и происхожденія послѣднихъ обязательна для суда въ извѣстныхъ случаяхъ, особенно при безграмотности отвѣтчиковъ. Такой взглядъ на задачи суда въ гражданскихъ дѣлахъ чаще всего выражается въ судебной практикѣ Англіи и Соединенныхъ штатовъ, гдѣ живое нравственное чувство всегда сохраняетъ свои права и не подчи-

няется сухому, бездушному формализму, гдѣ буква закона не господствуетъ надъ его смысломъ и цѣлью, и гдѣ выдающіеся судебные дѣятели суть истолкователи права въ лучшемъ смыслѣ этого слова. По отношенію къ должникамъ принимается во вниманіе, что, кромѣ взыскателей по документамъ, существуютъ кредиторы естественные—семейства, которыя не могутъ и не должны быть забываемы при ликвидаціи имущества по требованіямъ постороннихъ лицъ.

Судъ, дѣйствующій отъ имени государства и общества, не имѣетъ основанія давать кредиторамъ всѣ преимущества предъ должниками, руководствоваться интересами первыхъ и игнорировать несвободное положеніе вторыхъ; для общества и государства чрезвычайно важно, чтобы производительные работники, временно или случайно запутавшіеся въ долгахъ, не принуждались къ немедленному разоренію, и чтобы имъ оставлена была возможность постепеннаго выхода изъ критическихъ обстоятельствъ. Наносить обѣднѣвшимъ хозяйствамъ смертельные удары, задуманные ростовщиками,—не дѣло суда; эта простая и ясная мысль все болѣе входитъ въ общее сознаніе культурныхъ народовъ, проявляясь въ новѣйшихъ законахъ противъ ростовщичества и въ такихъ поучительныхъ актахъ, какъ англо-индійскій законъ 1879 года.

Въ дѣлѣ охраны крестьянскаго земледѣлія и землевладѣнія отъ ростовщическихъ посягательствъ мы сильно отстали не только отъ Германіи, Австро-Венгріи и Норвегіи, но и отъ нѣкоторыхъ областей британской Индіи.

Къ сожалѣнію, въ средѣ нашихъ юристовъ до сихъ поръ еще господствуетъ тотъ ошибочный взглядъ, что слѣпое подчиненіе документамъ необходимо будто бы для поддержанія кредита, а поддержаніе кредита есть будто бы задача суда и его исполнительныхъ органовъ. Система формальныхъ доказательствъ, не допускающихъ спора, дѣлаетъ судъ прямолинейнымъ и безпощаднымъ исполнителемъ требованій, быть можетъ, совершенно несправедливыхъ или крайне преувеличенныхъ по существу; судъ является невольнымъ пособникомъ ростовщичества, облеченнаго въ доспѣхи формальныхъ документовъ, и производитъ систематическое опустошеніе въ средѣ классовъ и лицъ, вынужденныхъ пользоваться услугами кредита. Интере-

самъ кредита приносятся въ жертву живые люди и ихъ семейства; поддержаніе кредита считается несравненно важнѣе поддержанія человѣческой жизни. Въ дѣйствительности, правильный, разумный кредитъ не нуждается въ такой жестокой и безразборчивой защитѣ. Интересы кредита имѣютъ первостепенное значеніе только въ торговомъ и промышленномъ мірѣ, гдѣ они и получаютъ своеобразную охрану въ строгостяхъ вексельнаго права; но въ этомъ денежномъ мірѣ кредитъ поддерживается вовсе не судебными экзекуціями, а чѣмъ-то другимъ—заботою о сохраненіи довѣрія и кредита на будущее время, стремленіемъ сохранить репутацію фирмы, которая сама есть капиталъ въ торговлѣ. Гдѣ приходится обращаться къ суду, тамъ нѣтъ уже кредита, а есть только послѣдствія ошибочныхъ разсчетовъ; настоящій кредитъ избѣгаетъ всякаго соприкосновенія съ судебною властью. Плохъ тотъ кредитъ, который держится на страхѣ суда и взысканія: такой кредитъ вовсе не нуженъ торговлѣ и промышленности. Въ обыкновенныхъ житейскихъ отношеніяхъ, въ томъ числѣ и поземельныхъ, суровость долговыхъ законовъ представляется уже совершенно безпричинною; она установлена какъ бы спеціально для исключительной пользы міроѣдовъ и для скорѣйшаго разоренія эксплуатируемыхъ ими должниковъ. Имѣнія и усадьбы продаются съ аукціона съ такою торопливою аккуратностью, какъ будто это товары, подлежащіе порчѣ и могущіе пострадать отъ малѣйшаго промедленія.

Пусть устранится это насильственное участіе судебныхъ исполнителей, и ростовщичество утратитъ значительную долю своей силы; достаточно лишь ограничить значеніе долговыхъ документовъ, допустить оспариваніе и провѣрку ихъ содержанія, предоставить суду входить въ разсмотрѣніе обстоятельствъ должника и кредитора, сдѣлать судъ вообще менѣе отвлеченно-формальнымъ, болѣе близкимъ къ дѣйствительнымъ условіямъ жизни и къ господствующимъ понятіямъ и обычаямъ народнымъ,—и гнетъ задолженности не приводилъ бы къ такимъ печальнымъ результатамъ, какъ нынѣ. Нужно отрѣшиться отъ идеи, что гражданское правосудіе существуетъ только для имущихъ и знающихъ, что оно есть нѣчто въ родѣ шахматной игры, гдѣ сильный всегда долженъ побѣждать слабаго, и что оно не должно быть доступно другимъ соображеніямъ, кромѣ формально-

юридическихъ; примѣръ англійскихъ и американскихъ судей, которые всегда вносятъ въ свои рѣшенія чисто нравственные и общественные мотивы, показываетъ намъ наглядно, чѣмъ можетъ и долженъ быть судъ независимый, проникнутый живымъ пониманіемъ своего истиннаго назначенія. Особенно опасно узко-формальное направленіе законодательства и судебной практики въ странѣ, гдѣ большинство населенія вполнѣ безграмотно; тогда народное хозяйство незамѣтно опутывается сѣтью тягостныхъ обязательствъ и подвергается многочисленнымъ, послѣдовательнымъ ударамъ, противъ которыхъ безсильны частныя попытки противодѣйствія. Крестьянство спасается въ этихъ случаяхъ только своею административною и судебною обособленностью, ограничивающею сферу внѣшнихъ принудительныхъ вліяній на земледѣльческій бытъ деревень; но законы и документы проникаютъ повсюду, и безсознательное вмѣшательство власти совершается въ такихъ формахъ, которыя всего меньше желательны для государства.

Въ недавнее время совершились у насъ важныя реформы, имѣвшія между прочимъ цѣлью облегчить „правильное развитіе благосостоянія въ средѣ сельскихъ жителей имперіи". Созданы новыя должностныя лица, на которыхъ возлагается „попеченіе о хозяйственномъ благоустройствѣ и нравственномъ преуспѣяніи крестьянъ"; преобразованы мѣстныя крестьянскія и судебныя учрежденія, волостные суды получили новое устройство и для нихъ изданы новыя правила. Но способы и сроки взысканія податей остались безъ измѣненія; а худшее зло крестьянской жизни—ростовщичество—получило новое и совершенно неожиданное поощреніе.

Извѣстно, что вопросъ о преобразованіи волостныхъ судовъ дѣятельно обсуждался и разрабатывался у насъ въ семидесятыхъ годахъ; труды коммиссіи сенатора Любощинскаго дали цѣнный матеріалъ для изученія нашего народнаго обычнаго права. Отзывы представителей крестьянъ различныхъ мѣстностей, собранные коммиссіею, клонились большею частью въ пользу сохраненія самостоятельнаго крестьянскаго суда, причемъ выставлялись мотивы чисто-практическаго свойства. Нѣкоторые изъ этихъ отзывовъ не утратили своего интереса и въ настоящее время. „Волостной судъ къ намъ близокъ и не

строгъ,—говорили крестьяне,—а къ мировымъ судьямъ далеко и изъянисто". „Мировой судъ — судъ барскій, а крестьянину въ немъ тягостно". „Кто чистъ, идетъ въ волостной судъ, хотя бы и могъ судиться у мирового, а кто не совѣстный человѣкъ, тотъ и лѣзетъ къ мировому". „Къ мировому судьѣ обращаются очень рѣдко, болѣе все праздные люди да озорники". Въ одномъ изъ уѣздовъ тамбовской губерніи крестьяне выразились, что „здѣсь лучше, чѣмъ у мирового; безпокойства да ходьбы меньше; а тиранство все равно, что здѣсь, что тамъ". Крестьяне не скрывали главнѣйшихъ недостатковъ волостного суда; они жаловались, напримѣръ, что „часто судитъ не судъ, а водка, поднесенная судьямъ одною изъ сторонъ". Составъ волостного суда былъ обыкновенно плохой: „въ судьи сдаютъ, точно какъ въ солдаты". „Порядочный хозяинъ въ судьи не идетъ", ибо кому охота и время даромъ терять, и враговъ наживать, а „идутъ въ судьи только бѣдняки да пьяницы, которые ничего не смыслятъ и безъ писаря и старшины ничего разсудить не могутъ". „Они и не стоютъ жалованья", по замѣчанію одного изъ старшинъ [1]). Крестьяне отдавали преимущество волостному суду главнымъ образомъ потому, что онъ судитъ по обычаю, не стѣсняясь формальными доказательствами, тогда какъ мировой судья обязанъ руководствоваться представленными документами, засвидѣтельствованными надлежащимъ порядкомъ, и не можетъ допустить провѣрки ихъ содержанія; поэтому сельскіе ростовщики берутъ отъ должниковъ векселя на сумму болѣе ста рублей даже при ничтожныхъ фактическихъ ссудахъ, чтобы сдѣлать свои иски подсудными не волостному, а мировому суду.

Обязательное значеніе документовъ, хотя бы ростовщическихъ или фиктивныхъ, становится теперь общимъ правиломъ и для волостныхъ судовъ,—быть можетъ, по недосмотру,—въ силу временныхъ правилъ 12-го іюля 1889 года. „Волостной судъ рѣшаетъ дѣла по совѣсти, на основаніи имѣющихся доказательствъ" (ст. 25); но рѣшенія его подлежатъ контролю и могутъ быть отмѣняемы или измѣняемы на основаніи такихъ

---

[1]) Труды коммиссіи по преобразованію волостныхъ судовъ, т. I. стр. 15, 225, 334, 392, 423, 451, 812 и др.

постановлений, которыя еще сильнѣе прежняго выдвигаютъ на первый планъ исключительную важность письменныхъ актовъ. „Содержаніе письменныхъ документовъ, установленнымъ порядкомъ совершенныхъ или засвидѣтельствованныхъ, не можетъ быть опровергаемо показаніями свидѣтелей“, говорится въ правилахъ 29-го декабря 1889 года о производствѣ судебныхъ дѣлъ, подвѣдомственныхъ земскимъ начальникамъ и городскимъ судьямъ (ст. 69), а эти правила должны быть примѣняемы и при пересмотрѣ рѣшеній волостныхъ судовъ уѣздными съѣздами (тамъ же, ст. 31 — 32 правилъ о вол. судѣ, и 117 и 128 правилъ о произв.). Всѣ преимущества и льготы предоставляются кредиторамъ; для нихъ вводится особая быстрота исполненія, которая можетъ быть полезна въ коммерческомъ мірѣ, но едва ли оправдывается условіями и потребностями сельской жизни. „Крѣпостные, нотаріальные и засвидѣтельствованные установленнымъ порядкомъ акты о платежѣ денегъ или о возвратѣ вещей или иного движимаго имущества“, подлежатъ „понудительному исполненію“, безъ всякаго суда и разбирательства, безъ вызова должника, который можетъ только впослѣдствіи предъявить искъ къ взыскателю „для опроверженія существа его требованій“, послѣ того, какъ взыскатель уже получилъ удовлетвореніе (правила о производствѣ, ст. 141 и слѣд.). Для облегченія задачи взыскателя измѣняются обычныя отношенія сторонъ; должнику предписывается быть истцомъ, а кредиторъ обязанъ лишь точно опредѣлить въ своей просьбѣ „взыскиваемую по акту капитальную сумму и причитающуюся неустойку и проценты, условленные и узаконенные“ (ст. 146). „Взысканная въ порядкѣ понудительнаго исполненія сумма, или отобранныя отъ отвѣтчика вещи, или иное движимое имущество передаются немедленно взыскателю, если не послѣдуетъ опредѣленія земскаго начальника о пріостановленіи взысканія или объ обезпеченіи иска“. Та же быстрота соблюдается въ дѣлахъ объ обезпеченіи и предварительномъ исполненіи исковъ.

Комментаторы новаго закона, которыхъ въ короткое время появилось очень много, особенно подчеркиваютъ эту обязанность волостного суда подчиняться документамъ. „Представленный къ дѣлу ясный документъ, никѣмъ и ничѣмъ основательно не опороченный“, — говоритъ г. Муравьевъ въ своей

обстоятельно составленной книжкѣ, — служитъ „достовѣрнымъ доказательствомъ для рѣшенія“ [1]). Въ другомъ руководствѣ для новыхъ волостныхъ судей приводятся различныя статьи десятаго тома, въ назиданіе судьямъ-крестьянамъ; такъ, „договоры должны быть исполняемы по точному оныхъ разуму“ и „должны быть изъясняемы по словесному ихъ смыслу“; „неустойка, опредѣленная въ самомъ договорѣ, взыскивается въ томъ количествѣ, какое назначено, по независимо отъ взысканія по исполненію самого договора, который и при взысканіи неустойки остается въ своей силѣ, развѣ бы въ содержаніи договора было изъяснено, что платежомъ неустойки онъ прекращается“ [2]), и т. п.

Хотя „при разрѣшеніи тяжбъ и споровъ между крестьянами, въ особенности же дѣлъ о раздѣлѣ крестьянскаго наслѣдства, судъ руководствуется мѣстными обычаями“ (ст. 25 временныхъ правилъ), но народные юридическіе обычаи едва ли выдержатъ столкновеніе съ массою статей свода законовъ, которыя теперь будутъ примѣняться кстати и некстати при разборѣ крестьянскихъ дѣлъ. Земскій начальникъ, которому вполнѣ подчиняется дѣятельность волостного суда, можетъ руководствоваться „общеизвѣстными мѣстными обычаями“ по ссылкѣ одной или обѣихъ сторонъ, но „лишь въ томъ случаѣ, когда примѣненіе мѣстныхъ обычаевъ дозволяется именно закономъ, или въ случаяхъ, положительно не разрѣшаемыхъ законами“ (правила о производствѣ, ст. 88). Не только юридическимъ, но и хозяйственнымъ обычаямъ сельскаго населенія грозитъ серьезная опасность со стороны вмѣшательства такъ-называемыхъ общихъ законовъ, ибо „если земскій начальникъ удостовѣрится, что приговоръ волостного или сельскаго схода постановленъ несогласно съ законами“, то онъ, „остановивъ исполненіе сего приговора, представляетъ его вмѣстѣ съ своимъ

---

[1]) Руководство для волостныхъ судовъ въ мѣстностяхъ, гдѣ учреждены земскіе участковые начальники. Составилъ Н. В. Муравьевъ, прокуроръ моск. суд. палаты. Спб., 1890, стр. 34.

[2]) Временныя правила о волостномъ судѣ, и пр., А. П. Изданіе П. М. Мартынова (Москва, 1890), стр. VI, 71—4. Дѣльныя объясненія и указанія по поводу отдѣльныхъ статей новыхъ законоположеній можно найти въ изданіи г. Вербловскаго („Законоположенія, etc.“), Спб., 1890.

заключеніемъ на разсмотрѣніе уѣзднаго съѣзда" (Положеніе о земскихъ уч. начальникахъ, ст. 31). Обычная ошибка законодателя заключается въ томъ, что онъ предназначаетъ свои постановленія для идеальныхъ исполнителей, для идеальныхъ земскихъ начальниковъ, проникнутыхъ всецѣло и самоотверженно заботами о своемъ служебномъ долгѣ, о благѣ народа и государства. Между тѣмъ подобныхъ идеальныхъ исполнителей не оказывается въ дѣйствительности, и благожелательные законы превращаются въ орудіе злоупотребленій и произвола.

Такъ какъ важнѣйшіе отдѣлы свода законовъ приноровлены къ условіямъ и потребностямъ высшихъ классовъ населенія, то попытки примѣнить эти разнообразные законы къ массѣ сельскихъ обывателей могутъ способствовать разстройству крестьянскаго быта и внести непоправимое зло въ народную жизнь; а такимъ несомнѣннымъ зломъ была бы напрасная ломка народныхъ понятій о правѣ и справедливости во имя запутанныхъ и устарѣлыхъ законовъ, проникнутыхъ духомъ бюрократическаго формализма. Безусловное преклоненіе предъ долговыми документами и обязательствами, совершенными въ извѣстной формѣ, внесено теперь оффиціально и въ область волостныхъ судовъ; оно даетъ полный просторъ владычеству ростовщиковъ и кабатчиковъ надъ крестьянскимъ землedѣліемъ и землевладѣніемъ. Это невольное поощреніе злѣйшаго кулачества, поощреніе безпощадныхъ и быстрыхъ судебныхъ экзекуцій, выбрасывающихъ должниковъ и ихъ семейства на улицу по первому требованію заимодавцевъ, это закрытіе всякихъ путей для оспариванія матеріальной основы формальныхъ сдѣлокъ и требованій, предъявляемыхъ ростовщиками, — все это производитъ довольно смутное впечатлѣніе, особенно если вспомнить о заботливомъ обсужденіи искусственныхъ законодательныхъ мѣръ для охраны крестьянскаго землевладѣнія отъ слабостей и увлеченій самихъ крестьянъ. При разработкѣ послѣдней мѣстно-судебной реформы были упущены изъ виду печальныя явленія экономическаго быта деревень, настоятельно требующія не усиленія власти ростовщиковъ, а чего-то совершенно другого.

Изъ всего изложеннаго выше вытекаютъ слѣдующія *положенія*, которыя мы считаемъ не лишнимъ формулировать здѣсь особо:

I. Существующее законодательство о крестьянскомъ землевладѣніи нуждается въ общемъ пересмотрѣ для устраненія недостатковъ и пробѣловъ, парализующихъ отчасти благотворныя основныя начала поземельнаго устройства крестьянъ по положеніямъ 19 февраля 1861 г.

II. Охранительные законы въ пользу крестьянскаго землевладѣнія, существующіе въ Германіи и въ сѣверной Америкѣ, были бы непримѣнимы къ нашимъ условіямъ; но американскій принципъ охраны жилищъ и хозяйствъ отъ долговыхъ взысканій (homestead-laws) могъ бы послужить основою долгового законодательства и у насъ.

III. Проекты, клонящіеся къ формальному признанію неотчуждаемости крестьянскихъ земель, не могутъ сами по себѣ способствовать дѣйствительному обезпеченію поземельнаго быта крестьянъ.

IV. Для избѣжанія опасности обезземеленія значительной части крестьянства необходимо:

1) признать крестьянскія земли нераздѣльною собственностью сельскихъ обществъ, какъ самостоятельныхъ юридическихъ лицъ, и установить извѣстныя нормы для обезпеченія интересовъ отдѣльныхъ членовъ общинъ, согласно существующимъ народнымъ обычаямъ;

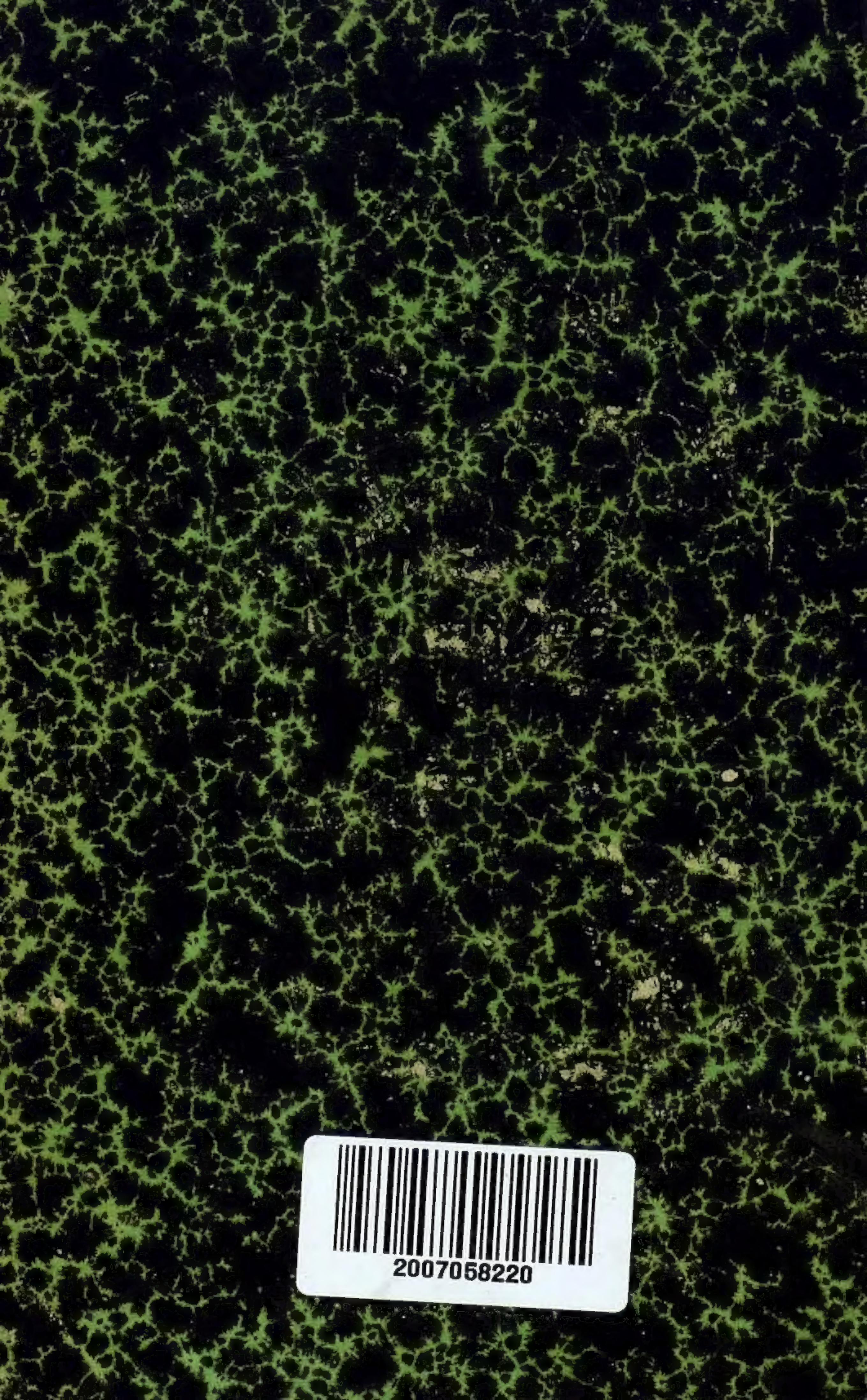
2) отмѣнить законы, допускающіе выдѣлъ и раздѣлъ общинныхъ земель въ смыслѣ окончательнаго упраздненія общины;

3) измѣнить сроки и способы взысканія податей, соотвѣтственно условіямъ крестьянскаго земледѣлія;

4) точно опредѣлить предметы крестьянскаго хозяйства, не подлежащіе аресту и продажѣ по казеннымъ и частнымъ взысканіямъ;

5) ограничить мѣру судебной и административной охраны, даваемой требованіямъ заимодавцевъ по отношенію къ должникамъ, и предоставить послѣднимъ необходимые законные способы защиты отъ злоупотребленій ростовщичества, какъ это установлено въ Германіи, Австро-Венгріи и въ нѣкоторыхъ другихъ государствахъ.

ОГЛАВЛЕНІЕ.

2007058220